

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTNU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIAŁO ZINĀTNU INSTITŪTS

**DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTNU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS**

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2019*”
materiāli
(2019. gada 11.–12. oktobris)

I DALĀ. SOCIOLOGIJAS AKTUALITĀTES



**PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY**

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2019*”
(11th–12th October, 2019)

PART I. ISSUES OF SOCIOLOGY

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKĀS APGĀDS “SAULE”
2020

Apstiprināts DU Humanitāro un sociālo zinātņu institūta Zinātniskās padomes sēdē 2020. gada 16. martā, protokols Nr. 3.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2019" materiāli. I daļa. Socioloģijas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saulē", 2020. 150 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

- Prof., Dr. sc. soc. V. Meņšikovs (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors
Pētniece, Dr. oec. V. Šipilova (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)
Prof., PhD Dz. Ilšķo (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)
Prof., Dr. iur. J. Teivāns-Treinovskis (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnies (tiesību zinātne)
Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. A. Vorobjovs (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnies (sociālā psiholoģija)
Doc., Dr. oec. L. Aleksejeva (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. iur. N. Jefimovs (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Vadošā pētniece, Dr. oec. V. Komarova (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Vadošā pētniece, Dr. oec. O. Lavrijenko (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. hab. sc. soc. A. Matulionis (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Prof., Dr. hab. M. Piotrowska-Trybull (Varšavas Valsts aizsardzības universitāte, Polija)
Asoc. prof., Dr. iur. J. Neimanis (Latvijas Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. psych. M. Nesterova (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. paed. I. Ostrovska (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. M.J. Šoutena (Beira *Interior* universitāte, Portugāle)
Dr. iur. M. Potapovs (Novosibirskas Valsts Tehniskā universitāte, Krievija)
Pētniece, Dr. oec. O. Ruža (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. hab. oec. J. Vankeviča (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)
Prof., Dr. iur. V. Zahars (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

- Prof., Dr. hab. sc. soc. A. Matulionis (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Prof., Dr. sc. soc. V. Meņšikovs (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. S. Partickis (Łublinas Katoļu Universitāte, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes un Humanitāro un sociālo zinātņu institūta starptautiskās zinātniskās konferences (2019. gada 11.–12. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārziemju sadarbibas augstskolu zinātnieku raksti socioloģijas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:
Electronic Journals Library of University of Regensburg.

ISSN 2255-8853

ISBN

© Daugavpils Universitāte, 2020

SATURS / CONTENTS

<i>Olga Arhipova, Irēna Kokina</i> (Latvia)	
DYNAMICS OF SOCIAL PHENOMENA, NORMS AND VALUES THROUGH THE PRISM OF INDIVIDUAL EXPERIENCES OF SUCCESSFUL LEADERS	5
Динамика социальных явлений, норм и ценностей сквозь призму индивидуального опыта успешных лидеров	
<i>Mohammad Chehabeddine, Manuela Tvaronaviciene</i> (Lithuania)	11
SECURING REGIONAL DEVELOPMENT	
Reģionālās attīstības aizsardzība	
<i>Maria Jabłońska-Wołoszyn, Marzena Piotrowska-Trybull</i> (Poland)	21
COMPETENCE POTENTIAL OF FOREIGN STUDENTS ON THE POLISH LABOUR MARKET – RESULTS OF PILOT STUDIES	
Компетентный потенциал иностранных студентов на рынке труда в Польше – результаты пилотных исследований	
<i>Svitlana Kucherenko, Maryna Navalna</i> (Ukraine)	31
SOCIOLOGY IN UKRAINIAN MASS MEDIA: GENERAL TENDENCIES AMONG POPULATION AND PREFERENCES OF YOUTH	
Социология в украинских средствах массовой информации: общие тенденции населения и молодежные предпочтения	
<i>Dorota Kurek</i> (Poland)	56
IMAGE OF THE UNIFORMED SERVICES IN POLAND AS PERCEIVED BY GENERATION Z	
Uniformās tērpto dienestu tēls Z paaudzes uztverē Polijā	
<i>Vita Pastare, Rita Greitāne</i> (Latvija)	67
DARBINIEKU PROFESIONĀLO KOMPETENČU NOVĒRTĒŠANA VESELĪBAS APRŪPES PAKALPOJUMU KVALITĀTES NODROŠINĀŠANĀ	
Assessing the Professional Competencies of Employees to Provide Quality Health Care Services	
<i>Ольга Волкова</i> (Латвия)	80
ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	
Informācijas nevienlīdzība veselības aprūpē: institucionālais aspeks	

<i>Владимир Меньшиков, Виктория Шипилова, Юрий Балтгайлис</i> (Латвия)	
СТАБИЛЬНОСТЬ БАНКОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	96
Banku stabilitāte un institucionālā vide (teorētiskie aspekti)	
<i>Валерий Никифоров</i> (Латвия)	
ИННОВАЦИИ В ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: УРОВНИ ОВЛАДЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ	109
Innovations in Higher School Pedagogy: Information Acquisition Levels and Training Methods	
<i>Валерий Никифоров, Никита Никифоров</i> (Латвия)	
КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	117
Competency and Competence as a Quality Criterion for Higher Education	
<i>Анна Шевякова, Константин Зайцев</i> (Казахстан), <i>Елена Петренко, Екатерина Беркетова</i> (Россия)	
ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКОНОМИКА»: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	127
Features of Academic Procrastination of Students of the Specialty “Economics”: a Comparative Study	
Ziņas par autoriem / About authors	144
Vispārīgās prasības zinātniskam rakstam	146
General requirements for the paper	148

Olga Arhipova, Irēna Kokina (Latvia)

DYNAMICS OF SOCIAL PHENOMENA, NORMS AND VALUES THROUGH THE PRISM OF INDIVIDUAL EXPERIENCES OF SUCCESSFUL LEADERS

Scholars have been interested in issues related to the investigation of personal traits specifically characteristic of leaders, trying to locate the essential factors of leader formation as well as the features that hold a person in a leading position.

The present research opens up a new perspective on the investigation of the successful leader's personality in the process of its development and, due to its interdisciplinary nature, makes it possible to unite problems of history (biography) and psychology (psychobiography). *The aim of this study* is to use the psychobiographical method to determine the influence of the dynamics of social phenomena, norms and values on the growth opportunities of modern successful leaders, who can apply their experience to expand their capabilities. Due to the complexity of the functioning of a modern society there is a need of a constant search of specific methods of the research. Studying of individual experiences of successful leaders is a prospective inter-disciplinary trend in science, so *the task of the study* is to demonstrate the direct influence of social ruptures on a personality development from her psycho-physiological traits to world view, beliefs and motivation.

Key words: successful leaders, personality formation, social environment, personal traits, functional activity, experience.

Introduction

Major criterion of ingenuity (along with universality, high artistry in a certain sphere of action) is the indicator of high spirituality of a leader's personality entailing his/her moral foundation, world view, system of values, spiritual experience, that in combination with the personality's abilities ensure her functioning on the level that rises above ordinary indicators (Kets de Vries 2009). The holistic analysis of the nature of leader leads to specifying the factors of its formation and development and produces the reconstruction of the psychological peculiarities of leaders' personalities. It elaborates a complex method of drawing the psychobiography of leaders' personality oriented towards the investigation of its psychological characteristics and ways of personality formation with consideration for all determinants of its development and diverse manifestations (Arhipova, Kokina 2018). The complex method (biographical analysis combined with psychological analysis) is based on the recon-

struction of psychological characteristics of leader and investigation of his/her life history. These histories reveal people who got a unique opportunity of working hard and who did not refuse it, people who came of age at the time when the society appreciated hard work. Such information is of particular importance in the crucial moments of the life of society, since it is the biography of the individual, which can serve as a typical manifestation of certain social processes.

Theoretical background

The impact of the early life stage is manifested in various forms of deviations in the conduct of successful leaders that also contributed to their success and might. Crises in early life leave a permanent imprint in a child's unconscious in the form of unusual decisiveness and endow them with a heightened in comparison to other people inclination towards risk. Crises in early childhood and indecisiveness grow into attempts of firmly standing on their own feet, whereas living and learning at boarding schools cultivates independence and self-assuredness (Kets de Vries 2009). Many of successful leaders had parents who were common representatives of middle class whose psychological portraits do not give a key to the ingenious inclinations and success of their famous children. In the prior studies (Daft 1999; Hackman 2002; Robbins, Alvy 2004) it has been stated that one of the major factors of the formation and development of ingeniousness of leaders is the presence of crises in their lives. Crises became the turning point in successful leaders' life, catalysts of the formation of the inner core, the inner strength that would prove to be a source of new resources for life that facilitate a change of the world view, formation of new values and ideals that function as the foundation of self-realization. Abraham Maslow wrote that self-actualization means complete, living, selfless experience with utter concentration and full immersion into oneself. It is not enough to study a single personality; one must realize what culture the personality under study belongs to, who his/her friends and relatives are, what places she/he comes from. One must accept the idea that the values of the world we live in and people who surround us exert a deep impact on our personality (Gladwell 2010).

Studying biographies of successful leaders may be compared to a behavioral experiment or test in centrifuge: leaders are thrown into an extreme situation and centrifuge separated greatness from mediocrity. This method reveals how successful leaders lead their team to victory

while others led their teams to failure and bankruptcy. On the one hand, successful leaders realize that they are dealing with an uncertain environment and cannot control or predict with precision many important events. On the other hand, they do not allow the outcome of their activities to be determined by external, uncontrollable forces or chance; they take full responsibility for their fate (Toffler 1991; Kohli 2009). Another advantage of psychobiography is its rather deep analysis of the concrete personality that gives a complete picture, particularly when investigating the phenomenon of successful leader. In this respect, psychobiographical method entails something more than a tool for studying separate functions or traits of personality. It contains a specific principle of analysis of ingenuity of personality through the history of her development and formation.

Biographical analysis showed that successful leaders enact this responsibility on the basis of three behavioral principles: fanatical discipline, empirical creativity and productive paranoia. These principles are backed up by a single driving force – fifth-level ambition. Such leaders expect the impossible from others because they are demanding to themselves. They are tended to brag by their titular or administrative power. The reason why these leaders have achieved and continue achieving instant results is their inner demand for succeeding as much as possible at the shortest possible time (Roy 2015).

Discussion

This article helps to look at the terms ‘charismatic reformer’ and ‘explorer’ from an inward moving towards an outward perspective. It aims to provide reminders about some basic life issues, on a model of leadership that will make a difference in the 21st century. It speaks about character, formation, positive leadership and a leadership for a sustainable future. Successful leaders say that only way to be truly satisfied is to do what they believe is great work. And the only way to do great work is to love what they do.

Biographical analysis reveals that successful leaders have learned from their errors. They regarded their errors as a lesson, expensive as it may be: once the misfortune has happened, one must put it to some kind of use, learn this lesson and never again repeat errors like that. The experience and skills gained will become a vector for self-growth, self-empowerment and transformation. Investigation of biography, understood as history of the development of a complex of psycho-physiological, psychical and

socio-psychological qualities, makes it possible to reveal general and immutable regularities of a leader's spiritual development. The uniqueness of successful leaders is that the crisis armed them with iron determination, ability not to get confused in uncertain situations, tolerance for high risk. At the moment of hard crisis they acquired inner determination to survive. Uncertainty and hesitation led them to new scientific ideas, therefore crisis turned into a source of creative energy. According to Leo Buscaglia, the person, who risks nothing, does nothing, has nothing, is nothing and becomes nothing. He may avoid suffering and sorrow, but he simply cannot learn, feel, change, grow or love. Chained by his certitude, he is a slave; he has forfeited his freedom. Only the person who risks is truly free (Buscaglia 1982).

There are many factors in modern social environment that prevent leader's self-realization: justification of fantasies that are not based on reality, inability to listen to others, distraction from the target and negative emotions. The experience of successful leaders helps to solve these problems. They can correctly assess the situation, and put the main emphasis for further actions. Successful leaders focus on their strong points, which helps them achieve their goals. They have leader's potential, they are functionally active and they are ambitious. Self-knowledge helps leaders better understand people and encourage them to work together towards common goals. According John C. Maxwell formula of leader's potential consists of knowledge (know yourself), abilities (development, progress) and right decisions (Maxwell 2017).



Figure 1. Formula of leader's potential

Source: Maxwell 2017

“Your time is limited, so don't waste it living someone else's life. Don't be trapped by dogma – which is living with the results of other people's thinking. Don't let the noise of others' opinions drown out your

own inner voice. And most important, have the courage to follow your heart and intuition (Steve Jobs at Stanford University in 2005). Steve Jobs here is outlining the type of leader organization needs. Leaders who are seekers, leaders who question, are eager to learn, are eager to create opportunities for personal and communal growth. A lot depends on successful leader disposition, his attitude towards life.

Successful leaders possess self-discipline, will and readiness for anything for the sake of a great goal. These people are marked by wholeness and steadiness: they do not deviate from their standards and are disciplined. Genuine discipline in this context means the independence of the mind, which opposes pressure and does not agree with what is contrary to its values, job requirements and long-term plans. Successful leader's inspiration, being the foundation under their feet, has revolutionary ideas, usually disturbing the public order. In other words, their success is conditioned not by some kind of mysterious factors known exclusively to them but they are logically accountable.

Conclusions

1. Studying the dynamics of social phenomena, norms and values through the prism of individual experiences of successful leaders is a prospective inter-disciplinary trend in science that provides an opportunity to demonstrate a direct impact of social ruptures on a leader's development, from theirs psycho-physiological traits to world view, beliefs, values and motivation.
2. In the course of the study, personal traits of successful leaders have been reconstructed that are influenced by natural talent expressed in inclinations that, in turn, develop under the impact of the surrounding environment (society at large, family environment) and the presence of an object of imitation in youth, that is a necessary condition for starting the way of independent action.
3. As a result of many-sided theoretical analysis of the dynamics of social phenomena, has been established its influence on the development and formation of leader success.

Bibliography

Arhipova O., Kokina I. (2018) Scientifically Grounded Conceptions, Theories and New Principles Professional Development Variative Modules. *Society. Integration. Education*, 12. ISSN: 2256-0629

- Buscaglia L. (1982) *Living, Loving and Learning*. Fawcett Columbine.
- Daft R. (1999) *Leadership: theory and practice*. Orlando, Harcourt Brace College Publishers.
- Gladwell M. (2010) *Geniuses and outsiders*. Alpina Biznes Bux, 177 p.
- Hackman J. (2002) *Leading Teams: Setting the Stage for Great Performances*. Boston, Harvard Business Press.
- Kets de Vries M. (2009) *The Leadership Mystique. Leading behavior in the Human Enterprise*. 2nd ed., London, FT Press.
- Kohli M. (2009) The world weforgot: Ahistorical review of the life course. In: W.R. Heinz, J. Huinink, A. Weymann (Eds.) *The life course reader: Individuals and societies across time*. Frankfurt, Campus-Verlag, 78 p.
- Maxwell J.C. (2017) *No Limits: Blow the CAP Off Your Capacity*. New York Times.
- Robbins P., Alvy H. (2004) *The New Principal's Fieldbook: strategies for Success*. Alexandria, USA, Association for Supervision and Curriculum Development.
- Roy S.R. (2015) *Promoting Trait Emotional Intelligence in Leadership and Education*. Hershey PA, IGI Global.
- Toffler A. (1991) *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century*. Bantam, ASIN: 0553292153, 320 p.

Динамика социальных явлений, норм и ценностей сквозь призму индивидуального опыта успешных лидеров

Резюме

Ученых интересуют вопросы, связанные с исследованием личностных качеств, характерных для лидеров, определение основных факторов формирования лидеров, а также особенности, которыедерживают человека на руководящей должности. Настоящее исследование открывает новый взгляд на исследование личности успешного лидера в процессе его развития и, благодаря его междисциплинарному характеру, позволяет объединить проблемы истории (биография) и психологии (психобиография). Целью данного исследования является использование психобиографического метода для определения влияния динамики социальных явлений, норм и ценностей на возможность роста современных успешных лидеров, которые могут применить свой опыт для расширения своих возможностей. В связи со сложностью функционирования современного общества возникает необходимость постоянного поиска конкретных методов исследования. Изучение индивидуального опыта успешных лидеров является перспективным междисциплинарным направлением в науке, поэтому задача исследования – продемонстрировать прямое влияние социальных проблем на развитие личности, ее психофизиологических характеристик, мировоззрения, убеждений и мотивации.

Ключевые слова: успешные лидеры, формирование личности, социальная среда, личностные качества, функциональная активность, опыт.

*Mohammad Chehabeddine,
Manuela Tvaronaviciene* (Lithuania)

SECURING REGIONAL DEVELOPMENT

Regional development is about sustainability, and development is about security at both national and global levels. The expanded view of security has opened a debate on new technologies introduced in the face of unconventional threats that make regional security vulnerable and hence hinder regional development. Five broad types of situations that insecurities create security are analyzed. Emerging threats call for new security paradigms that so far have been overlooked in traditional international relations. The purpose of this study is to analyze and investigate the impact of these new threats and their impact on regional development. Protecting the digital ecosystem and critical infrastructure from threats could be achieved through the implementation of a governance, risk and compliance (GRC) security program. Public awareness, preparedness and resilience to the international threats are key prerequisites for future secure and sustainable economic development and overall well-being.

Key words: Regional Development, SDGs (Sustainable Development Goals), New Technologies, Sustainable Development, Trans-state threats.

Introduction

In the context of new technologies and fast-changing environments due to globalization, trans-state threats become vulnerable to regional security and regional development.

This research paper aims to analyze and study all contemporary threats to security that affect regional development and to propose how could we mitigate them.

1. Regional Development

Regional development designed to solve problems in particular regions that aim to enhance the levels of the living of the people and general conditions of human welfare in a region (*CHAPTER 3 CONCEPT OF REGIONAL DEVELOPMENT AND ITS MEASUREMENTS*, n.d.) (Mabogunje 1980). The policies of regional development are aimed at reducing regional disparities to find out the possible means for developing the region as a whole (Chisholm 1982).

2. Security

Security defined in a variety of ways: as an individual, human and state security, while it has to be broadened to a more general notion of ‘sustainable security’.

Sustainable Security values the environment in itself and not just as a set of risks (Khagram, Clark, Raad 2003). It facilitates critical integrations of state, human and environmental security, and parallels the three linked pillars of society, economy, and nature central to the field of sustainable development (Burger et al. 2012). There is a link between the internally diverse perspectives, and communities focusing on environmental security, and sustainable development is a much greater emphasis on nature (Khagram, Clark, Raad 2003).

Security types:

First, Environmental security describes threats coming from the living planet, such as climate change, environmental issues, and resource attrition, and other forms of life, such as microorganisms and diseases.

Second, state-centered national defense focuses on traditional state rivalry, military war, the geostrategic Great Game, and new areas such as natural resources (water and oil,) and dark operations in cyberspace.

Third, human, community, and societal security focuses on widespread issues such as structural and cultural violence, notably gender violence, sexual and public health botheration, forced migrations, and economic and resource injustice.

Fourth, hybrid, mixed forms of insecurity combine state military dimensions with types of dislocation (food and water crises, trafficking, radical ideologies), disruptive groups (organized crime, gangs, terrorists, drug cartels, pirates, anti-democratic forces) and technologies affecting civil societies.

Fifth, Ecological security, deals with the threats, disruptions, and degradations that social systems impose on ecosystems and other forms of life.

3. Nexus between Regional Development and Sustainability

In order to make the policies of regional development successful, we have to be able to identify the reasons for regional disparities and social problems which could be from economic, social-economic, social-cultural, environmental along with the concerned people in each project, because

the indicators of regional performance that are based on GDP alone, consequently fail to account for broader questions about the distribution of resources in terms of social well-being, for example considering the question of ‘what kind of regional development and for whom’ (Pike, Rodriguez-Pose, & Tomaney, n.d.) or, alternatively, what kind of development model is inclusive and economically and socially sustainable.

Elements of Sustainable Development (Environment, Society, and Economy) interacted with each other to develop the required sustainable development. Attending one of these at the expense of the others is bound to lead to unsustainable dynamics and outcomes (Khagram, Clark, Raad 2003).

What is to be sustained? The most common answer to this question is ‘life support systems’, where the life to be supported is first and foremost human life.

What is to be developed? As a rule, when development is discussed in the context of sustainability. The Economy is prioritized. Growth in production is seen as providing opportunities for employment and consumption.

What are the links between? Fundamentally all visions of sustainable development are characterized by the joint consideration of what is to be sustained and what is to be developed. These goals were seen as equal in importance and linked together (Khagram, Clark, Raad 2003).

4. Nexus between Security and Sustainable Development

There are some connections between development and security, both nationally and globally; Three types of links will be distinguished:

1. The immediate impact of security/insecurity on well-being and, consequently development achievements, i.e. security’s role as part of our objectives (Stewart n.d.-a).
2. The way that insecurity affects (non-security) elements of development and economic growth, or the instrumental security role (Stewart n.d.).
3. The way development affects security or the instrumental development role (Stewart n.d.).

The security policies contribute to development policies to enhance security; also, the development policies contribute to security policies to enhance development. There are connections between security and development through policies. However, in an increasingly interconnected and

complex world, security and development are indistinguishably linked, especially in least-developed countries (Stewart n.d.).

For over 20 years, development has been connected to security through the concept of human security. The relationship can be complicated, lagging development can lead to grievance, and then conflict that can threaten development (Security and development / SIPRI n.d.).

For example, the movement of manpower may reduce the production of exports, thereby reducing foreign exchange earnings, import potential, and consequently further constraining output, leading to a decline in employment and earnings (Stewart n.d.-b).

In 2015, the United Nations promoted the seventeen Sustainable Development Goals (SDGs). Intersectional linkages among these objectives are especially revelatory of the forces structuring non-military security. Each goal has its own set of measurable indicators. The purposes apply to all nations, with no distinctions between developed and developing countries. Though extremely lofty goals, UN agencies, and other organizations continue to promote these universal goals globally.

First security nexus “WASH” focuses on the interconnection between water, sanitation, and hygiene.

The Second security nexus focuses on climate change as a global disrupter.

Gender inequality also reverberates through the social structure and dynamics and undermines a prosperous and humane society.

5. Expanded views of security

Security for any community describes the threats and their impact on societies, where these threats severity rely on some aspects such as power, peace, conflict, cooperation.

However, threats to security can have socio-economic roots, including races over natural resources, spillover effects of environmental degradation, economic and social disparities, economic and political migration, and natural disasters, among others (Paleri 2008).

Beyond traditionally recognized issues of threats to state and national territory, beyond sovereignty, territorial disputes, geopolitics, and military-diplomatic affairs, many security threats have trans-national nature since their violence affecting many parts of the world (Korab-Karpowicz 2017).

These trans-state threats are recent, and blurred by all sorts of flows and forces, from environmental dynamics to technological development,

from human and animal migrations to microorganism infection, from terrorist groups to financial flows, and from climate change to the global mass culture due to globalization that has both an integrative and fragmenting process, complex and asymmetrical interdependence, which increase the borderless of international relations, thereby shaping and transforming security issues in new and unexpected ways (Korab-Karpowicz 2017).

Security theorists interpret security in different ways, as follows:

Traditionalists purport security to inter-state military-political dangers for the sake of intellectual and pragmatic clarity.

Wideners extend security concepts to inter-state threats from social, economic, and environmental issues.

Deepeners integrate all sources since insecurity comes from and affects all: states, individuals, private entities, communities, and the environment (Martinovsky 2011).

Forms of threats that don't have the state are trans-state (migrations, technological challenges, global crime, and terrorism), sub-state (gender issues, urban misgovernance), and nonhuman (ecosystem dynamics, micro-pathogens).

The following typology clarifies the five broad types of situations or premises that constitute a security in which threats overlap and interact.

First, traditional state-centered threats: examples include nuclear proliferation in India, Iran, and North Korea; espionage among leading nations; territorial challenges in Crimea, the Middle East, and the East China Sea; and regional tensions (Koreas, India – Pakistan, and Iran – Saudi Arabia).

Second, New threats interact and combined with old threats creating interlocking problems. For instance, climate change (desertification of large swaths of the Syrian territory), misgovernance, economic hardship, overpopulation, factionalism, and the terrorist contagion from neighboring Iraq (all “unconventional” threats) contributed to the Syrian civil war and foreign military intervention, which in turn heightened the (traditional) tension between Russia and the United States, between Iran and Saudi Arabia, and between Iran and Israel.

Third, New developments of unconventional insecurity, such as climate change and gender discrimination, interact in ways that frustrate traditional conceptual definitions, conceptual maps, and national policies. States and other security actors have to innovate and combine forces in often unexpected ways.

As “non-physical security, diversification of threats, and the salience of identity are key effects of globalization in the security realm” (Cha 2000), the new security environment in the twenty-first century is essentially intermestic (international and domestic) and combines more variables, dimensions, and instruments, including military or military-grade resources mobilized by non-state actors such as criminal gangs, irredentist movements, and terrorists.

Fourth, unconventional security challenges will likely shape our future. “Low politics” or “soft” issues, failed to register them as “systemic threats,” and often deprioritized them in comparison to traditional, state-centered threats, they are now morphing into an increasingly recognized as “hard security” and “high politics” challenges in the twenty-first century. For instance, the massive migrations affecting Europe over the past few decades feed nationalistic, anti-Islamic forces; electoral volatility; Brexit; and the possible unraveling of the European Union and the Western alliance.

Fifth, the Future already arrived in several ways. Some new threats appeared as traditional threats such as diseases, gender violence, underdevelopment, and crime; these threats are profoundly modified today by globalization, which warrants fresh examination. Recent trends give clues as to what tomorrow holds: for instance, climate change is not some future threat; it has been affecting many regions for some time, and will only worsen.

Dominant countries, regions, social groups, gender, and race live in different geographical and social places and different time frames from the dominated. In particular, the powerful can externalize their negativities such as pollution, etc.

The security implications of past, present, and future climate-related changes affect health/disease, migration, food availability, political instability, ..., etc.

6. Security theories for new technologies

The realist perspective may underscore actual dangers to traditional states as national boundaries erode, whereas the traditional arms race has exploded into a technological race, including hacking, intrusion, and cyberwarfare as the fifth domain of warfare.

Liberal internationalism perspective raises the importance of technological tide, which may emerge with a great deal of work and diligence on the part of many stakeholders. They would advocate international cooperation, regimes, and institutions to frame these new forces.

Constructivists ascribe the new technological developments and that our cultural and psychological projections, anticipations, and fears can turn them against our interests.

New technologies are revolutionary and baffling enough to warrant new security paradigms that traditional international relations ignored so far.

Existing social and political structures are stretched, strained, and broken as power distribution shifts toward the complete interweaving of information as the new fabric of society. While legacy power structures remain, coevolving alongside the exploding information economy, the distribution of force ownership of conventional assets has become increasingly diluted and disrupted.

Below the interrelated aspects of our technological world:

Cyberspace threats, artificial intelligence, scientific and technological development, and the vulnerabilities of global logistical networks made possible by trade globalization and information technology. However, Malicious ideas emerge, allowing for novel forms of control via super-intelligent predictive algorithms, ubiquitous surveillance, and robotic/drone deployment. The “evolution of evolution” (Kelly 2017, 2018) may outstrip” the human ability to cope.

Generally, The New dangers lurk at the intersection of human and technological co-evolution, since the existing social and political structures are stretched, strained, and broken as power distribution shifts toward the complete interlinking of information as the new fabric of society.

7. Findings for protections in Cybersecurity, STEM and Critical Infrastructure

The foundation of any security program is the **Governance, Risk, and Compliance (GRC) area**, which defines strategy, identifies risk areas, and ensures compliance with defined or mandated standards and regulations.

Security governance defines the policies and standards that apply, and enforces these policies across the organization.

Risk management is critical for determining the risk level associated with various threats, security control gaps, and vulnerabilities.

Compliance management involves assessing the adherence of an organization to applicable regulations, standards, and internal policies.

When a full mature security program has been implemented, it is time to “Sustain” this progress. At this point, GRC processes should be reaching full maturity.

Conclusions / Summary

What is to be sustained and what is to be developed should follow with what is to be secured since Sustainability and Security have goals equal in importance and linked together.

Sustainable Security integrates critical all of the state, human and environmental security, and parallels the three linked pillars of society, economy, and nature central to the field of sustainable development.

New technologies are revolutionary warrants new security standards that traditional international relations ignored so far because these threats have trans-state nature and become vulnerable to regional security and then to regional development.

Most of the trans-state threats depend on networking, which enables them to attack regions economically, socially, also threaten ecological security, which deals with the threats, disruptions, and degradations that social systems impose on ecosystems and other forms of life.

Societies have to keep aware of the consequence of new technologies by analyzing and monitoring their impacts to be ready for the new threats whether novel threats, or new impacts of old threats, and to be resilience with the international community for the possible disasters since the new technologies and globalization create new.

Further research areas could be the focus on the study of how to forecast, measure, and manage these trans-state threats to security that came from new technologies based on secondary sources employed data such as Passport database provided by Euro monitor International Company and powered by Clarivate Analytics.

Bibliography

- Aguirre J., Mateu P., Pantoja C. (2019) Granting airport concessions for regional development: Evidence from Peru. *Transport Policy*, 74, pp. 138–152.
<https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.12.003>
- Bhat L.S. (1964) *Aspects of Regional Planning in India*, Liverpool Essays in Geography London.

- Burger J.R., Allen C.D., Brown J.H., Burnside W.R., Davidson A.D., Fristoe T.S., ... Zuo W. (2012) The macroecology of sustainability. *PLoS Biology*, 10(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001345>
- Cha V.D. (2000) Globalization and the Study of International Security. *Journal of Peace Research*, 37(3), pp. 391–403
- CHAPTER 3 CONCEPT OF REGIONAL DEVELOPMENT AND ITS MEASUREMENTS. (n.d.). Retrieved from http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/52566/11/11_chapter_3.pdf
- Chisholm M. (1980) *Modern World Development: a Geographical Perspective*, Hutchinson University, London.
- Gibson W. (1999) The future-has-arrived. *Quote Investigator*. <https://quoteinvestigator.com/2012/01/24/future-has-arrived/>.
- Kelly K. (2017) *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces that Will Shape Our Future*. New York: Penguin.
- Kelly K. (2018) *The Technium: Technology, or the Evolution of Evolution*.
- Khagram S., Clark W., Raad D.F. (2003) From the Environment and Human Security to Sustainable Security and Development. *Journal of Human Development*, 4(2), pp. 289–313. <https://doi.org/10.1080/1464988032000087604>
- Kim J.Y. (2015) *Future of Food*. Washington, DC: World Bank.
- Korab-Karpowicz W.J. (2017) Political Realism in International Relations.
- Lifländer C.-M. (bez datuma) Book *Understanding New Security Threats, Emerging threats in cyberspace: The next domain of warfare*. p. 170.
- Martinovsky P. (2011) Environmental Security and Classical Typology of Security Studies. *The Science for Population Protection*, 3(2), pp. 1–16. Available at: <http://www.population-protection.eu/prilohy/casopis/11/81.pdf>.
- Nordrum A. (2016) Popular Internet of Things Forecast of 50 Billion Devices by 2020 is Outdated. *IEEE Spectrum: Technology, Engineering, And Science News*. Available at: <https://spectrum.ieee.org/tech-talk/telecom/internet/popular-internet-of-things-forec>.
- Paleri P. (2008) *National security: imperatives and challenges*. Tata McGraw-Hill Pub. Co.
- Pike A., Rodríguez-Pose A., Tomaney J. (n.d) *Handbook of Local and Regional Development*. Available at: <http://www.regscience.hu:88/record/418/files/DEMO-BOOK-2017-055.pdf?version=1>. ADDIN Mendeley Bibliography CSL_BIBLIOGRAPHY
- Security and development/ SIPRI* (n.d.) Available at: <https://www.sipri.org/yearbook/2015/08> (accessed on: 03.01.2019).
- Stewart F. (n.d.) *CRISE Working Paper Development and Security Development and Security*. Available at: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08cd140f0b652dd00159c/wp3.pdf>
- Zetter K. (2014) *An Unprecedented Look at Stuxnet, The World's First Digital Weapon*.

Reģionālās attīstības aizsardzība

Kopsavilkums

Reģionālā attīstība ir saistīta ar ilgtspēju, kā arī attīstība ir saistīta ar drošību gan nacionālā, gan globālā mērogā. Paplašinātais skatījums uz drošību ir aizsācis diskusiju par jaunām tehnoloģijām, kas ieviestas netradicionālos draudos, kuri kļūst neaizsargāti pret reģionālo drošību un tādējādi arī reģionālo attīstību. Pieci plāsi situāciju vai telpu tipi, kas veido drošību, kurā draudi pārklājas un mijiedarbojas, sie jaunie draudi prasa jaunas drošības paradigmas, kuras līdz šim tradicionālās starptautiskās attiecības nav ievērojušas. Šī pētījuma mērķis ir analizēt un izpētīt šo jauno drošības apdraudējumu ietekmi un to, kā tie ietekmē reģionālo attīstību. Digitālās ekosistēmas un kritiskās infrastruktūras aizsardzību no draudiem varētu panākt, ieviešot pārvaldības, riska un atbilstības drošības programmu, tomēr sabiedrības informētība, sagatavotība un izturība pret starptautisko sabiedrību ir galvenie priekšnoteikumi turpmākai drošai un ilgtspējīga ekonomiskā attīstība un vispārējā labklājība.

Atslēgas vārdi: reģionālā attīstība, ilgtspējīgas attīstības mērķi, jaunās tehnoloģijas, ilgtspējīga attīstība, starpvalstu draudi.

*Maria Jabłońska-Wołoszyn,
Marzena Piotrowska-Trybull* (Poland)

COMPETENCE POTENTIAL OF FOREIGN STUDENTS ON THE POLISH LABOUR MARKET – RESULTS OF PILOT STUDIES

The challenge of the Polish labour market is the insufficient supply of employees with appropriate qualifications and a relatively low unemployment rate (in April 2019 the unemployment rate was at the level of 5.2%¹, compared to 2014 it was 6.2 p. p. lower) and at the same time a relatively low professional activity rate of 56.3% (*Labour market human capital development strategy*) and a constant motivation of Poles to work abroad. One of the recent trends on the Polish labour market is the employment of citizens from the eastern border, with students of higher education institutions becoming more and more numerous. The aim of this article is to present the results of research on the competence potential inherent in the “group of potential employment” in Poland, which are mainly students from Ukraine. The first part presents the perspective of the quality needs of the Polish employer (in particular the expectations of employers as to the competence of employees) and the supply potential of foreign students, including those from Ukraine. The second part presents the results of the pilot study on professional values and development factors in the opinion of Ukrainian students. In the final part, the results of the pilot study on professional values and development factors were presented in the opinion of Ukrainian students.

Key words: competences, labour market, foreign students, factors, professional development.

Demand perspective – expectations of employers towards employees – university graduates and students

One of the factors that determine the demand on the labour market are the traits which should characterise the employed workers as expected by the employers. Interest in “soft” predispositions in the practice of

¹Attention needs be paid to the diversity of the situation on the labour markets in particular regions of the country. In April 2019, the highest unemployment rate was noted in Mazovian Voivodeship (8.9%), Warmian-Masurian (8.7%), Subcarpathian (7.9%), Kuyavian-Pomeranian (7.8%). Data organised by subregions indicates that in most cases subregions with the largest cities (capitals) of regions located on their territory are characterised by the lowest unemployment rates, in particular: Kraków (2.6%), Wrocław (2.1%), Warsaw (1.8%), Poznań (1.4%): *Stopa bezrobocia za kwiecień 2019*, GUS, <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rynek-pracy/> (accessed on: 17.09.2019).

employee acquisition is justified, because today these are not only the declared knowledge and skills that determine the employability and proper performance of tasks entrusted by the employer. The success factor is the employee's attitude (behaviours presented in the work environment), thanks to which he/she works efficiently and which, in the long run, positively influences his/her self-fulfilment and professional development. The standard in describing these "soft" requirements are competences in the current labour market, understood as a behavioural description of the way of using employee resources – predispositions, skills, knowledge and experience – to obtain specific results (Fryczyńska, Jabłońska-Wołoszyn 2008).

Competences are defined both in macro scale (state perspective) and micro scale (employer, occupational group, generation, etc.). On a macro scale, the determinant in this respect are key competences – developed "in the perspective of lifelong learning, starting from early childhood through adult life, through formal, extra-formal and informal learning, in all contexts, including family, school, workplace, neighbourhood and other communities" (*European Council Recommendation of 22 May 2018...*). They include the following competences (*European Council Recommendation of 22 May 2018...*):

- understanding and creating information,
- multilingualism,
- mathematics, science, technology and engineering,
- digital,
- personal, social and learning abilities,
- civic,
- in the field of entrepreneurship,
- cultural awareness and expression.

On a micro-scale, choosing the category of expectations of Polish employers towards e.g. graduates, "the top ten included soft competences, i.e. personal, interpersonal and basic management competences, such as: effective communication, openness to learning and development, involvement, ability to work in a team, ability to set priorities, ethical conduct, responsibility, ability to organise work and effective time management as well as flexibility and adaptability" (Budnikowski, Dabrowski, Gąsior, Macioł 2012). However, it is interesting to compare the above expectations with the opinions on actual behaviours presented by the generation representing the group of graduates in Poland. Employers emphasise (Budnikowski, Dabrowski, Gąsior, Macioł 2012) the behaviours charac-

teristic for this generation, namely: the need to achieve recognition in professional career immediately, without effort, avoiding repetition and stability, seeking stimulation, treating threats as an object of fascination and a field for experimentation, preferring collective responsibility rather than individual responsibility.

Supply perspective – foreign students at universities in Poland

In the academic year 2017/2018 the number of foreigners studying at Polish universities amounted to over 72,000 and was 10.5% higher than in the academic year 2016/2017 and over 11 times higher than the number of foreigners studying in 2000/2001 (almost 17 times higher than in 1990/1991). 54% of foreign students studied at public universities and 46% at non-public universities. Over half of those studying in the academic year 2017/2018 were women 51% (37,244), and nearly 30% of the total number of foreigners studying at Polish universities were students of the first year of studies, which indicates a growing interest of foreigners in studying in Poland.

Table 1.
Foreigners – students and graduates of higher education institutions

Academic year	Students	Graduates
2000/01	6563	892*
2005/06	10092	1306
2014/15	46101	7149
2015/16	57119	8725
2016/17	65793	12573
2017/18	72743	•

* In 2000, data on graduates from the calendar year.

Source: *Higher education institutions and their finances in 2017, GUS, Warsaw, Gdańsk 2018, p. 22.*

The most numerous group of foreigners studying at public institutions was recorded at universities – 15,460 persons (21%), technical universities – 7,280 persons (10%) and medical schools – 7,318 persons (10%), economic universities – 3,518 (4.8%), at universities of the Ministry of National Defence only 0.24% studied at the Ministry of the Interior and Administration (0.01%) (*Higher education institutions and their finances... 2018*) (see Figure 1).

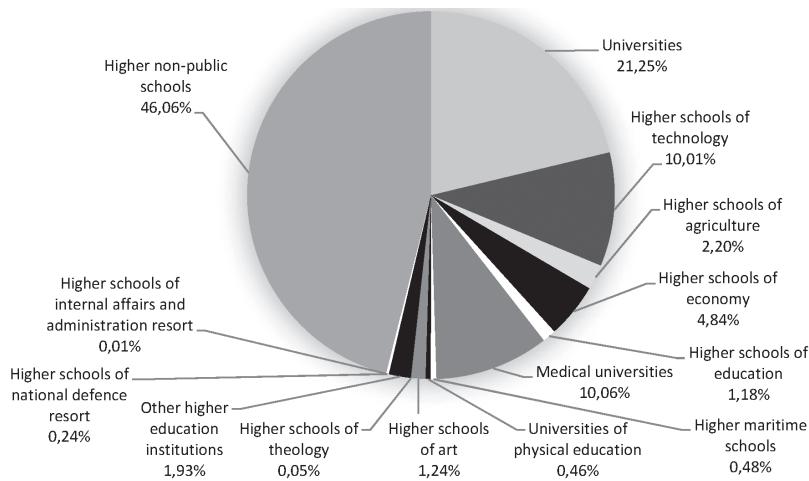


Figure 1. Foreigners – students by type of school
in the academic year 2017/2018

Source: *Higher education institutions and their finances in 2017*

Among foreigners studying in the academic year 2017/2018 – 16.2% were 18 years old and under, 77.8% were 19–29 years old and 5.92% were foreign students aged 30 and over. Taking into account the continent from which the studying foreigners came, the largest number of foreigners were the European residents (79.5%), with women accounting for over 55%), this group was dominated by students from Ukraine – 37,829 (65% of Europeans studying in Poland) and to a lesser extent from Belarus – 6,044 (10%). Students from Asia constituted 15% of foreign students (11,325 persons), while from North and Central America – about 1. 7% (1,218), South America – 0.3% (237), Africa – 2. 7% (2,033). In the total number of foreigners' students (7,683) – 10% were persons of Polish origin, including mostly persons living in Europe (7,386).

As a direct consequence of the growing number of foreign students, the amount of graduates increased. In the academic year 2016/2017, there were over 12,500 foreign graduates, including 7,361 women (58%). The largest group of foreign graduates graduated from the faculties of business and administration – 3,627 persons (28.8%), social studies – 2,408 persons (19.2%) and services for the population – 1,343 persons (10. 7%), and medical studies – 1,172 persons (9.3%) (*Higher education institutions and their finances... 2018*).

Professional development potential of Ukrainian students in Poland – research report

In the context of the characteristics of the labour market, from the demand and supply side, the authors of the pilot studies formulated the main problem in the form of a question about the competence potential inherent in students from Ukraine studying at universities in Poland for employers in this market. The research also sought answers to two specific problems expressed as the following questions:

1. What are the professional values of Ukrainian students?
2. What factors of professional development do Ukrainian students possess on the Polish labour market?

The following research methods were used in the study: analysis, synthesis, inference and diagnostic survey, in particular the questionnaire method. The questionnaire was delivered to the respondents in paper form. It consisted of 9 closed questions and two questions to be completed. The questions were designed on a nominal and order scale. The selection of the sample was purposeful. Excel and Statistica were used to analyse the collected material. 103 respondents participated in the survey, due to numerous deficiencies in 3 questionnaires, they were not included in the analysis. 99 students came from Ukraine, 1 student was a citizen of Belarus. The survey involved 62 women, 37 men, 1 respondent did not provide any answers; 54% studied and worked at the same time.

The research started with identification and evaluation of professional values represented by foreign students, by choosing the Hogan's Motives, Values and Preferences Inventory (MVPI) (*Internal material of the company...*), which contains the following scales:

1. Recognition – a desire for attention, approval and praise;
2. Power – striving for success, achievement, status and control;
3. Hedonism – focus on fun, pleasure and joy;
4. Altruism – a desire to help others and to be useful to society;
5. Belonging – a desire to enjoy teamwork and social relationships;
6. Tradition – dedication, strong personal beliefs and a sense of duty;
7. Security – the need for predictability, structure and order;
8. Finance – interest in money, profit, investment and business opportunities;
9. Aesthetics – the need to express oneself, care about the style and appearance of work outcomes;
10. Science – the search for knowledge, research, technology and data.

In the survey questionnaire, the foreign students were asked to determine the importance of the above mentioned values, which characterise the areas of life and have an impact on the undertaken employment. On the basis of the choices made by the respondents, the surveyed group was characterised as follows:

- paying huge attention to remuneration, treating the material aspect of success and revenue as an indicator of professional development – the value of Finances was stressed by 66% of respondents as important and very important;
- those who value innovation, driven by imagination and attractive environment – 59% of respondents indicated aesthetics as important and very important;
- those who seek for an environment where they can help others and make the world a better place – altruism was highlighted by 59% of respondents as important and very important;
- those motivated by teamwork, meeting new people and seeking acceptance of senior management in an organisation – 59% of respondents indicated the value of Belonging as important and very important.

The above characteristics confirm the potential of this professional group for a Polish employer. The motivation to employ students is inherent both in the perspective of gaining finance and staying in a more innovative and attractive environment, which is a Polish enterprise. An extremely important attribute of this group is the openness to serve others through professional work, but also the potential to build efficient task forces. On the basis of the above, it can be assumed that foreign students, first of all the students from Ukraine, may be perceived on the labour market as employees who meet the competence expectations of potential employers.

Another issue raised in the survey were the factors of professional development on the Polish labour market in the opinion of the respondents. To identify and assess these factors, statements on how foreign students perceive their situation on the Polish labour market and what elements are perceived by them as sources of future development were used – the results are presented in Figure 2.

Students consider having a professional goal and the belief that hard work and consistency in the implementation of professional tasks are necessary to obtain a dream job to be the most important factor of professional development. This does not mean, however, that the external factor conducive to professional development, i.e. happiness, is excluded.

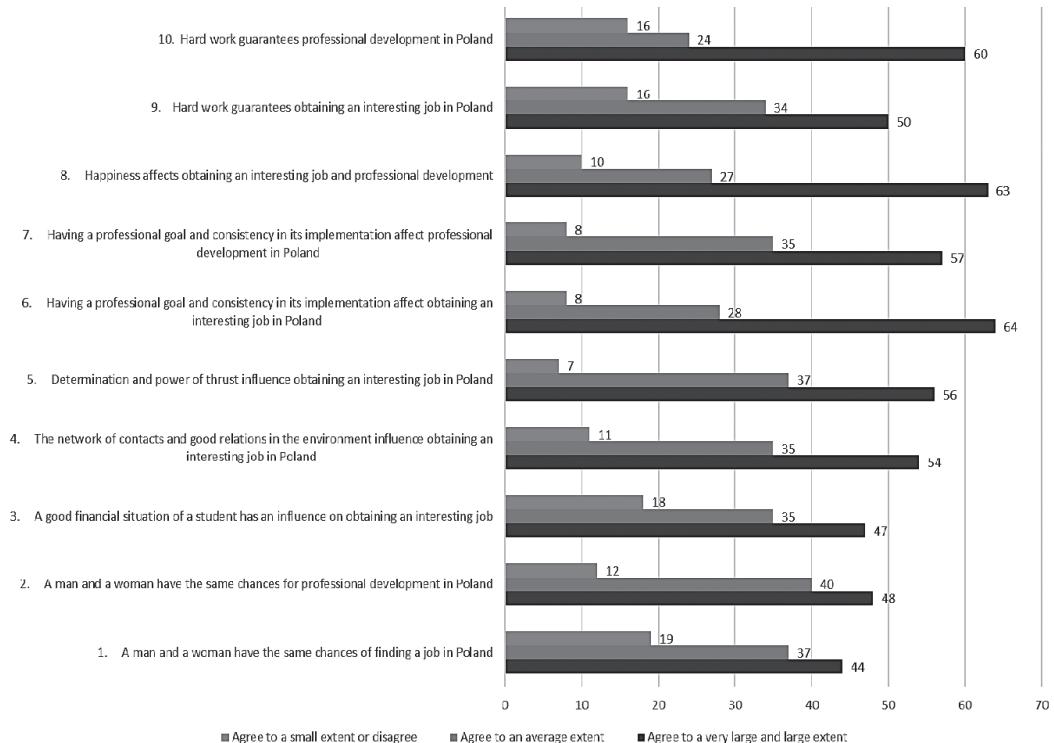


Figure 2. Factors of professional development on the Polish labour market in the opinion of students, data in %

Source: prepared on the basis of the research results

Slightly less importance is attached to the respondents' own determination and breakthrough potential, as well as building their own contact networks and interpersonal relations in the environment. In the opinion of the surveyed students, nationality issues are the least important for the development and obtaining a job in Poland. The above statements indicate the potential of foreign students as people prepared for hard work, for whom gaining employment in Poland is tantamount to professional development.

Summary

Taking into account the constantly increasing number of foreigners studying in Poland and the growing interest of employers in university graduates – foreigners from the eastern border, it can be assumed that this situation will have an impact on the competence potential of Polish organisations and their development based, among others, on relations built with enterprises and consumers on the eastern markets.

The results of the survey indicate that the values and understanding of professional development represented by the respondents are desirable from the point of view of employers. Soft skills of foreign students, especially their attitude towards professional goals, self-awareness and willingness to develop personally, are an undeniable value for potential employers and may become invaluable for the development of these entities on the market. At this point it is also worth highlighting the fact that in the surveyed group more than half of the students combined higher education with their professional career, which indicates their determination and willingness to work hard.

It is also worth noting that over 36% of the respondents declared that they will stay in Poland after graduation and would like to continue their professional development here, about 16% stressed that they will go to another country in the European Union and look for a job there. Another 24% indicated that a possible decision regarding the choice of a job depends on the future political, social and economic situation in Ukraine, while 11% indicated that they will return to Ukraine and look for work there. In the context of processes determining the situation on the labour market, such as low birth rate, ageing of the population, trips of Poles to work abroad, resulting in insufficient supply of workers on the domestic market, it is worth considering the creation of conditions encouraging to remain university graduates from other countries in Poland.

These persons, as it was stressed, possess soft competences that Polish employers are interested in: readiness to work, precise professional goals and determination in achieving them, as well as knowledge of the Polish market (including language) and knowledge of the specificity and culture of the home country (their country of origin), which may be an important asset in the development of Polish companies on these markets.

Bibliography

- Budnikowski A., Dabrowski D., Gąsior U., Maciął S. (2012) Pracodawcy o poszukiwanych kompetencjach i kwalifikacjach absolwentów uczelni – wyniki badania, *E-mentor*. No. 4(46), Available at: <http://www.e-mentor.edu.pl/artykul/index/numer/46/id/946>, (accessed on: 10.09.2019). (In Polish)
- Fryczyńska M., Jabłońska-Wołoszyn M. (2008) *Praktyczny przewodnik rozwoju zawodowego pracowników*, PLACET, Warsaw. (In Polish)
- Internal material of the company: Nowe Motywacje, Inwentarz Osobowości Hogana – Textbook. (In Polish)
- Labour market human capital development strategy*. Available at: <https://stat.gov.pl/obszarytematyczne/rynek-pracy/> (accessed on: 17.09.2019). (In Polish)
- Higher education institutions and their finances in 2017*, (2018) GUS, Warsaw, Gdańsk. Available at:<https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/edukacja/edukacja/szkoly-wyzsze-i-ich-finanse-w-2017-roku,2,14.html> (accessed on: 13.09.2019). (In Polish)
- European Council Recommendation of 22 May 2018 on key competences for lifelong learning*. Available at:[https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604(01)&from=EN) (accessed on: 15.09.2019).

Компетентный потенциал иностранных студентов на рынке труда в Польше – результаты pilotных исследований

Резюме

Принимая во внимание постоянно растущее число иностранцев, обучающихся в Польше, и растущий интерес работодателей к выпускникам университетов – иностранцам с восточной границы, можно предположить, что эта ситуация будет влиять на компетентностный потенциал польских организаций и их развитие на основе отношении построенных с предприятиями и потребителями на восточных рынках.

Результаты опроса показывают, что ценности и понимание профессионального развития, представленные респондентами, являются желательными с точки зрения работодателей. Мягкие навыки иностранных студентов, особенно их отношение к профессиональным целям, самосознании и готовностям

сти развивать лично, являются неоспоримой ценностью для потенциальных работодателей и могут стать неоценимыми для развития этих субъектов на рынке. Здесь также стоит подчеркнуть тот факт, что в опрошенной группе более половины студентов совмещали обучение в университете с работой, что свидетельствует об их решимости и готовности к тяжелой работе.

Стоит также отметить, что более 36% респондентов заявили, что они останутся в Польше после окончания учебного заведения и хотели бы продолжить свое профессиональное развитие здесь, около 16% подчеркнули, что они поедут в другую страну в Европейском союзе и будут искать работу там. Еще 24% указали, что возможное решение относительно выбора работы зависит от будущей политической, социальной и экономической ситуации в Украине, а 11% указали, что вернутся в Украину и будут искать там работу. В контексте процессов, определяющих ситуацию на рынке труда, таких как низкая рождаемость, старение населения, поездки поляков на работу за границу, приводящие к недостаточному предложению работников на внутреннем рынке, стоит подумать о создании условий поощряя оставаться выпускниками университетов из других стран в Польше. Эти люди, как было подчеркнуто, обладают мягкими компетенциями, которые интересуют польских работодателей: готовность работать, четкие профессиональные цели и решимость в их достижении, а также знание польского рынка и знание специфики и культуры страны их происхождения, что может быть важным активом в развитии польских компаний на этих рынках.

Ключевые слова: компетенции, рынок труда, иностранные студенты, факторы, профессиональное развитие.

Svitlana Kucherenko, Maryna Navalna (Ukraine)

SOCIOLOGY IN UKRAINIAN MASS MEDIA: GENERAL TENDENCIES AMONG POPULATION AND PREFERENCES OF YOUTH

The research presents theoretical and methodical principles of mass media, focuses on the main theoretical approaches of mass media sociology, emphasized on tendencies and functions that are typical for Ukrainian society, and describes the main stages of the research of mass communication in Ukraine during the period of independence.

The methods of observation, content and qualitative analysis of mass media texts were used in the article.

The work shows the results of the new poll called “Population’s attitude to mass media and the use of different types of media in 2018” which was published on the “Detector media” website, and a poll among young people that was published on the “Radio Liberty” website.

The article concludes that the preferences of Ukrainian residents among the media differ, depending on their place of residence, age, occupation, etc. However, it is obvious that young people prefer social networks.

In higher education institutions, where students study media communications, it is important to focus not only on theoretical principles, but also on the practice.

Key words: sociology, mass media, Ukraine during the period of independence, influence, manipulation.

No matter how systematic the process of Ukrainian media formation and the process of improvement of their national informative space are, it has been significantly ahead of the process of theoretical and empirical observation of the media institution formation. For various reasons, not newspapers and radio, but television and internet-resources are the main creators of the national informative space today. However, the domestic sociology of mass communications can provide very little information of empirically reliable knowledge about the structure and content of informative streams, which rules the production of sign and symbolic systems are comply with and what kind of interactions such systems have with the audience.

Among the researches in the last decade in Ukraine the theoretical and methodological basis of mass media is represented in works of O.V. Zernetska (Zernetska 2017). The features of the inclusion of mass

media in the structure of public relations are analyzed in works of V.H. Korolko (Korolko 2003), H.H. Pocheptsov (Pocheptsov 2015; 2017). Methodological and methodical problems of content analysis of mass media are also represented in works of V.F. Ivanov (Ivanov 2012). The works of V.A. Poltorak (Poltorak 2010), N.M. Lysytsia (Lysytsia 2012) and other researchers aimed at identifying the rules of media functioning in present days, as well as studying the processes of information dissemination and its perception by differentiated audiences almost complete the list.

The methods of observation, content and qualitative analysis of mass media texts were used in the article.

Media are the communication outlets or tools used to store and deliver information or data. Modern media are means of communication among people. Media functions and their use vary significantly depending on the type of social system. Mass communication provide the public with a whole stream of information, which is an interpretation of world events, that is, they cultivate in the recipients images of reality. Whether these images are true depends on mass communication's work. One of the social consequences of the media is hidden messages that slowly affect the formation of "cultural false consciousness" (Wright 1974).

Along with many other researchers the concept of "mass communication" is actively used by American psychologist and sociologist Charles Cooley in the early 30-ies of the last century, and straight to newspapers, radio and cinema, that is, to the "mass media", which primarily had the role of "mediators" between territorially localized individuals and common goals and values (Cooley 1994).

They were mass ones because of their internally characteristics. First and utmost, they have almost uncontrollable expansion: to be satisfied with the local means to condemn oneself to stagnation and degradation. That is why the desire for something global, as M. McLuhan said, is a condition for the survival of the media: it cannot exist, not being "mass" (McLuhan 2011). Hence, there is another great feature of communication in the modern era. Like during the structural transformation of the public sphere, as described J. Habermas, mass communication is a communication "over" existing social and cultural differences and their communicative overcomes (Habermas 2000).

Then, to form their own audience as a mass one, the media are constituted as large organizations for the creation and dissemination of information. The tendency towards the creation of large media holdings,

almost media empires, which appeared early and only intensified throughout the XX century, reduces the relations of the sender of information and its recipient to the status of market, and the production of information claims to be “mass”, based on reproductive technologies and techniques. Diversification of information production, that involves the integration in various media empires of some media, is a condition for the success of the informative business. It could not but disturb the supporters of liberal pluralism in Western societies that concerned about keeping a balance between the desired degree of diversification of information sources for the owner and the provision of free access of the consumer to the media whom he/she prefers.

The analysis of special literature has shown that the place and role of the media in society were historically dynamic. The evolution of representations about the media embodied in theoretical approaches and more or less developed and reasonably confirmed concepts went along with actual shifts that took place there, the most comprehensive review of which is represented in works of D. McQuail (McQuail 1994). Thus, the media as an institution that monopolizes influence and establishes control over the orientations and values of the mass, and with time, it emerged a point of view, which proves the presence of media influence by the united in civil society individuals. It turned out early enough that the media's claims about independence were substantially revised by the economic and political contexts of press, radio and television functioning, as it was also represented by H. Lasswell (Lasswell 2003). The approach, that involves a complicated by origin and badly foreseen by its consequences interdependence between media and society, is dominated in modern scientific literature.

The conceptualization of the role and place of the media that presented in the sociology of mass communication is based on three macro-sociological approaches. One of them interprets the media as a special kind of power. According to the second one, the media is a generator of social integration/disintegration. According to the third one, the “place” of the media is established in the structure of society: on the citizens' side, on the authorities' side, “between” citizens and the authorities. Moreover, each such place dictates the media their status and complexes of roles that correlate with the expectations of the main subjects of social communications.

We get the conclusion by D. McQuail, one of the most respected media researchers that the whole diversity of interpretations of mass

communication trying to conceptualize the structure and content of informative streams, in general, comes to four basic communication models: a model of transfer, ritual model, model of advertising and model of reception. Each of the communication models again can be spread over four models of informative streams: address, linguistic communication, consultation and registration (McQuail 1994).

The American communication theorist H. Lasswell (Lasswell 2003) highlights the following main functions of the media in society: observing the world around, coordinating the reaction of a certain part of the population with the actions of its environment, and the transmission of cultural heritage.

Charles Wright (Wright 1974) added the fourth function to the list and it is *entertainment*, the main aim of which is to satisfy the individual and reduce social tension. The fifth function concerns the use of mass communication for political and commercial propaganda (McQuail 1994).

The media in the modern society have the following tasks:

1. **Informative function**, which is to provide information about events and situations in society and the world, promoting innovations, coverage of power relations.
2. **Function of reconciliation**, the essence of which is to explain events and information, to maintain established norms, to coordinate individual actions, to establish priorities and statuses, to promote harmony.
3. **The function** of maintaining **the continuity** of cultural achievements, which is to ensure the development of the dominant culture, the recognition of subcultures and the creation of opportunities for new cultural heritage.
4. **Function of entertainment** is to provide entertainment to reduce social tension in society.
5. **Mobilization function**, the essence of which is to carry out social events in various fields of human activity – political, economic, labor, military, religious.

The main social and cultural functions of mass media are:

- the function of self-identity in society, in particular increasing the contradiction between the objective conditions of belonging to the social class and the subjective opinion of people about their place in the social structure;
- informative function, which is like a compass, allows the consumer to navigate in a complex and diverse commercial and visual world;

- creation of the ideology of modern society;
- function of influence on the formation of needs, values and behavior of people;
- function of symbolic legitimization of social life, by including spiritual reproduction into the system (Bureichyk 2007).

According to the researches of sociologists, it is impossible not to remember the well-known work of Niklas Luhmann “The World Society as a Social System” – a comprehensive sociological study of society as a system. The theory, developed by this classic of modern sociology, fully and reasonably describes the process of the emergence of the World Society as an axis for the social development of Western civilization. Using such versatile, both for natural and social sciences, key concepts such as auto-poiesis, bifurcation, biological evolution, chaos, system and function, information and communication, Luhmann describes the evolution dynamics of all the most important spheres of sociality: Law and Politics, Science and Education, Religion and Art, Economy and Love (Luhmann 2004).

Another work of the greatest German sociologist, the creator of the concept of social systems, is about the problem of the mass media, their place and role in modern society. In his book, the author develops the original interpretation of mass media as an isolated social system that functions on the basis of the binary code “information/non-information”.

The reality of mass media is the subject of many scientific studies. In its most general form, this term is defined as the reality that is created by the media. The mass media design a new reality, presenting objective facts in accordance with the conventions and experience (“habits”, well-established models) of the professional community and their ideas about the interests and expectations of the audience.

This concept was developed within the framework of the constructivist approach in the theories of mass communication. In particular, through the prism of this approach, media reality is meant as a special formed area of reality through technical, cultural and anthropological factors. Thus, the form and content of the news, its interpretation, depend on the psychological and sociological characteristics of the journalists, the means of conveying the message and the ideological context in which society exists.

The problem of designing reality with the help of mass media is reflected in the works of philosophers who deal with the problem of mass communications. In this vein, the ideas of the media designing of the

social reality of Nicklas Luhmann are especially important. He most fully expressed his opinion in “The Reality of the Mass Media”.

Niklas Luhmann was a German sociologist, philosopher, theorist, author of the original theory of social systems. The introduction of the theory of communication in the description of the functioning of society became innovative in his writings. In addition to analyzing society, a sociologist studied the mass media system. His work “The Reality of the Mass Media” is about the issue of the place and role of mass media in the modern social system. Let us review and analyze this scientific work in the light of the problem of designing reality by mass communication.

The key notions of Luhmann’s concept.

1. *Communication*, according to Luhmann, is not just the transfer of a message from the addressee to the addressant. He does not use the usual interpretation of communication theory. Communication is an operation that allows you to redistribute knowledge and ignorance, to determine an event that depends on the historical context. Communication takes place within society and never between subjects or consciousness.
2. *Society as a system*. Under the system, a sociologist explains everything that is capable of self-reproduction, which distinguishes the observing environment from the external environment. The process of reproduction of the system is closed, but only for its own operations.
3. *Autopoiesis*. This term was borrowed from the works of biologists F. Varela and H. Maturana. In biological science, it refers to the ability of living systems to recreate their own structures. Luhmann transfers this concept to his theory of society. He says that social systems are autopoietic systems that constantly reproduce themselves.
4. *Form and medium*. A form is meant as “the balance with the help of which the system informs about its existence, indicating the opposite” (Nazarchuk 2009). The concept of a medium fits all that “is a substrate, unlike the concrete forms-alters” (Nazarchuk 2009).
5. *Binary coding*. According to Luhmann, code is meant as “a structure that, for each random element within its area of relevance, can find and arrange another additional element” (Luhmann 2001). The third meaning is excluded here, and the operation refers to one of two universal code meanings. An example of such binary coding can be found in the system of science, where the processes will be subordinated to the opposition “truth/false”.

6. *Self-reference and foreign reference.* The first term refers to the appeal of the system to itself, that is, a reference to itself. The second one means the reference to the systems that are external to the observing system.
7. *Structural conformity.* With this concept, Luhmann explains how the system is adapted to the world around it. He concludes that only autopoietic systems have structural conformity.
8. *Observation.* This term is defined rather as cognition. This is also a type of operating system. Observation means one side of a form, implies a difference. The process of observation itself cannot be observed.

At the beginning of his work, the sociologist notes that all that we know about the world we get from the media. And this is information about both society and nature. However, at the same time, we cannot completely trust them, because most often we are sure that mass media use manipulations.

By the mass media, Luhman means “all public institutions that use technical means to spread messages” (Luhmann 2005). These include newspapers, magazines, books, photo and video products. The main condition is the peculiarity of their creation and distribution. Production, as a rule, is machine, and distribution goes to a mass level. The last one means that the direct interaction cannot occur between the sender and the addressees, they do not go “face to face”, since their interaction is through technology.

Luhmann says that the reality of mass media can be discussed in two aspects. The first aspect relates to the so-called “real reality”. It consists of its own operations – printing, broadcasting, etc. Luhmann notes that “it would be more sensible to understand communications by the real reality of the mass communication, that flow through and penetrate them” (Luhmann 2005). And just the transfer of the message is not communication yet.

Luhman connects the second aspect with the reality that for the audience looks like reality. In other words, this is a special construction – the reality created by mass media, the “mass media reality”.

Here, Luhmann refers to operational constructivism. The key position of operational constructivism is not the denial of the external world, but its phenomenological interpretation as a horizon (which, nevertheless, remains unachievable), in accordance with which the reality of mass media

is interpreted as a constructed reality, “outlined” by the horizon of representative opportunities of mass media.

Important phenomena in the functioning of the mass media system are those that are fixed in the theory of systems by Luhmann by the terms “self-reference” and “foreign reference”. Self-reference means reference to itself, that is, when some system operations refer to other operations of the same system. Foreign reference, on the contrary, means a reference to the operations of external systems. The topics of communication are responsible for the reference in the mass media system. Luhmann cites the theme of AIDS as an example: it is itself not a product of mass media, the media just pick it up.

All themes connect mass media with other spheres of society. After their publication, they are considered as well-known. There is a distinction between themes and functions of communication – it corresponds to the distinction between foreign reference and self-reference.

Luhmann wonders how can the mass media system become isolated? It is necessary to clarify why thematically close communications are not combined into one system. Luhmann thinks that isolation occurs not through the separation of the whole into pieces, but in an evolutionary way. For example, the economic system by its isolation owes the appearance of money in the form of coins.

The basis of mass media isolation, according to Luhmann, may be the invention of distribution technologies (for example, printing), which over time, if it excludes, then suppresses and in many cases replaces oral interaction. Mass media, of course, are oriented towards the addressee, but the measure of its participation is not expressed in feedback. An autopoietic system appears and closure emerges, in which the system reproduces its operations from itself, aiming at its own distinction between self-reference and foreign reference.

It is important to note that the system sees the possibility of operations to join and reflects on the differentiation of the system and the external world. This is possible because of the binary code, which includes positive and negative meaning. A positive meaning indicates that operations in the system can be connected with each other. In the science system, an example of a binary code is the opposition “truth/false”.

In the mass media system, such code is the opposition “information/non-information”. Information in this case is a positive meaning. To take something for information, you need to know what non-information means. For this, the system must have special rules by which it is possible

to distinguish information from non-information, and principles for separating topics.

One of the main features of the “information/non-information” code is the perception of time. The information is not repeatable, and the information content will be lost at the next reproduction.

A code is also a premise for isolation. By isolation Luhmann means the “emergent development of a particular subsystem of society, which realizes the signs of systemic formation and, above all, autopoietic self-reproduction, self-organization, structural determination and – thanks to this – operational isolation” (Luhmann 2005). The consequence of isolation is universalism and specification. The system itself chooses what it needs, on which it “considers it necessary” to focus its attention – this is a manifestation of specificity. But the topic of mass media can be everything – this is a manifestation of universalism.

Luhmann, among the spheres in which the code “information/non-information” is implemented depending on the selection of information, highlights news and comments, advertising and entertainment.

News means the transfer of those facts that are connected with something amazing, interesting and new. And the audience get it daily. It is assumed that all facts are true. But at the same time, the media are interested in the truth to some extent. This is due to the fact that the system is forced to limit itself, since isolation implies freedom and, as a result, communicative redundancy. Restrictions are come up in the selectivity of the received information. Selection factors are:

- 1) the degree of novelty, since the basis of the news information is those facts that occurred before the others or those that are isolated;
- 2) the conflict of the event;
- 3) the availability of quantitative data, since quantitativeness is always informative;
- 4) the locality of the event, since such information is of great importance;
- 5) the presence of an offense and violations of moral norms;
- 6) violations of the norm with moral evaluation;
- 7) the presence of actions and the actors themselves;
- 8) the requirement of relevance and recursiveness (including into next messages);
- 9) opinions can be distributed under the guise of news and, moreover, that it must relate to an interesting subject and come from an authoritative source;
- 10) categories of time and space.

Luhmann notes that selection is a complex process. Its basis is the connection of condensation, confirmation, generalization and schematization. Procedures of selection confirm that only mass media attach importance to facts.

Advertising functions, according to Luhmann, insincerely, manipulation is in its nature. Manipulating over the consciousness of the audience, advertising plays with its motives. This is contributed by the tendency to an elegant form of the advertising message, which almost destroys information, and the tendency of paradoxical usage of words (for example, *to spend money, to save money*).

In addition, the function of advertising is to develop people's taste. In this connection, advertising is dependent on fashion. The first one can refer to information, and the second one acts as a motivation; that is why it is necessary to refer the fashion system to the advertising system. Another function of advertising is the balance of excess and diversity.

The three program areas, such as news, advertising, entertainment are different, but this does not exclude their borrowing. All three areas use the same distribution technology, using the "information/non-information" code. They also agree on the fact that they create premises for the further development of communication. Having a certain stock of information obtained through the mass media, the audience can formulate their opinions and assessments. In addition, with each communication, one can proceed from the already known knowledge of reality. This is due to the memory of the system of society, since the mass media are more a means of developing background knowledge.

The mass media system has structural interfaces with other functional systems. So, advertising is interfaced with the economy, entertainment with art, and news with the political system.

The focus on individuals is evidence of integration of news, advertising and entertainment in a single functional system. News and reports include them as "cognitively interested observers," advertising as "creatures that calculate their own benefits," and entertainment as individuals along with their life circumstances. However, the individual for the mass media system appears as a social construct. It is necessary for the system to "continually make oneself liable to distractions," reproducing the myth of their service to a man.

The creation of social reality is carried out on the basis of knowledge about the world, which the mass media system has. All program areas are involved in the design, and in advertising and entertainment, the

description of society passes through individual attitudes and communication features of the audience. The mass media system is based on the constant production of new information. This is the autopoiesis of the system.

The mass media system is closed at the operational level. This requires a comparison of its actions with reality. A special mechanism for this: consideration of opinions about events as the event itself, as well as the application of empirical social research methods.

Luhmann sees the function of the mass media in managing the self-observation of the social system. Observation is universal and proceeds autopoietically. Fulfilling their function, the mass media continuously process external distractions, as a result of which descriptions of the world and society arise.

Each communication contributes to the designing of reality. For its wide distribution the participation of the mass media system required, whose work consists in the reproduction of the future. The distinction between the past and the future is also reflected in the distinction between the concepts of publicity and mass media. Publicity is meant as an inner social environment in which all private systems are incorporated. Mass media represent the public sphere, which is ensured by a certain thematic knowledge.

The objects of attention of mass media are categorized with the help of psychological categories. There are schemes, cognitive maps, scripts, frames among them.

Luhmann addresses Heinz von Foerster's second order cybernetics, a constructivist theory. In its context, the sociologist points out that the mass media as an observing system are not observable for themselves. This is where the observer's paradox arises, which only another observer can overcome.

Thus, N. Luhmann considers media as a system, the formation of which depends on external factors: politics, goals and abilities of journalists, the production process of its products, and the demands of the audience. All these factors, in his opinion, have an impact on the media text: media reality is not so much the result of the reflection of objective social reality, as the product of internal and external communication, collective intentions and desires, in other words – the construct.

So, N. Luhmann presents the media as a separate system with closed operations and the ability to autopoiesis as a system operating on the basis of the binary code "information/non-information". However, the

researcher sees the mechanism of designing reality as a multidimensional process, which depends on the specifics of the work of journalists, the peculiarities of interaction between editorial boards and other institutions. At the same time, each specific media should be considered precisely as part of a general mass media system that reproduces the universal mass media “logic” of working with facts, epistemic strategies for constructing knowledge of reality and tools for presenting reality based on a binary system. To a large extent, the issue of media self-positioning in the general mass media system becomes secondary, derived from the self-referential operations of the editorial board and the particular journalistic community. It is not so important what political orientation the media adhere to or what economic strategy they implement, this is, rather, a nuance in the general scheme of interaction between the media and the reality.

The dynamic development of technologies in the field of mass media creates new forms of leisure industry (reality shows, competitive shows, etc.), promotes the creation of conditions for the development of new practices of use, the acquisition of a wide range of information that stimulates the analytical potentials of the individual. At the same time, technologies form the audience, the listener as a passive consumer of an informative product, which results in the threat of devaluation of moral, humanistic values, the growth of deviations, and the spread of pseudo-values. These processes are accelerating, pushing the media to the position of the leading socialization agent that needs constant sociological researches of their functioning and development (Lazhe 2014).

The **sociology of mass communications** is a branch of sociology that studies the regularities of mass informative phenomena and processes, activities of social institutions that produce and disseminate mass information.

Stages of research of mass communication in Ukraine during the period of independence

1920s – a study of the readership of newspapers and books, editorial staff of periodicals.

1960s–70s – a research of television and radio audiences, media content.

The beginning of the 1990s – the institutionalization of the scientific field. The first department of culture sociology and mass communications at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Mid – 1990s – institutionalization of sectoral education. Marketing researches of mass media and advertising.

The beginning of the 2000s – the first large-scale academic and non-profit researches on mass communication processes.

The work shows the results of a new poll called “Population’s attitude to mass media and the use of different types of media in 2018”, which was published on the “Detector media” website, and a poll among young people that was published on the “Radio Liberty” website.

Areas of the researches in Ukraine

- **Sociological researches.** The leading institution is the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
- **Media-researches.** Institute of Journalism of the KNU, Mohyla School of Journalism.
- **Marketing, advertising.** TV channels, ITK, GfK, TNS.

Ukrainians are convinced that they can distinguish sponsored materials in the media

According to the new sociological poll, more people began to trust the Ukrainian media, although they are still dissatisfied with the way they present news (Detector media 2019).

There are results of the new poll called “Population’s attitude to mass media and the use of different types of media in 2018”, held by sociological company InMind at the request of International Public Organization InterNews. The aim of the research is to study Ukrainians media habits, their confidence in media, their media literacy and people’s awareness of the implementation of reforms in Ukraine. In May-June 1918, InMind representatives interviewed 4,000 respondents (aged 18–65). Permissible error of the representative sample is 2.5%. For focused regions (where sample is 300) – 5.8%.

Television with news are leaders

After a dramatic drop in 2016 and 2017, the part of the television audience has stabilized. As last year, in 2018, this type of media is used by 77% of Ukrainians. News websites have become more popular (here and hereinafter the data is compared with previous studies held by InterNews – Author’s note). Internet media have got another 6% of the audience, reaching the mark of 60%. Audiences of social networks and

radio have also increased compared with the previous year. Although the printed media have lost another 3% of the audience. In comparison with 2015, newspapers and magazines have lost 10% of the readers (Figure 1).

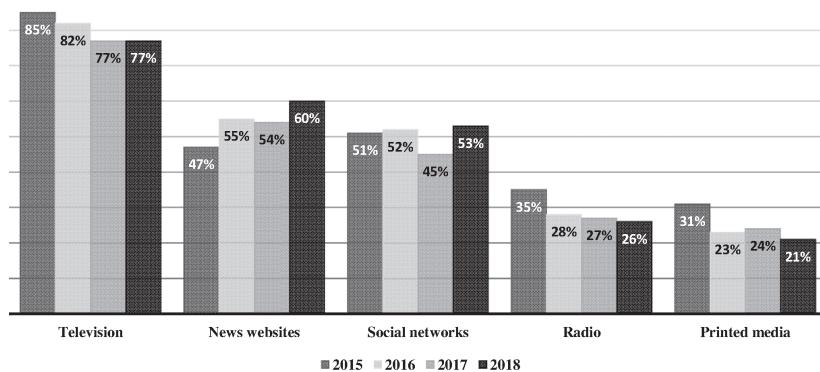


Figure 1. Media activity during a month 2015–2018

Source: results of the poll “Population’s attitude to mass media and the use of different types of media in 2018”, InMind sociological company

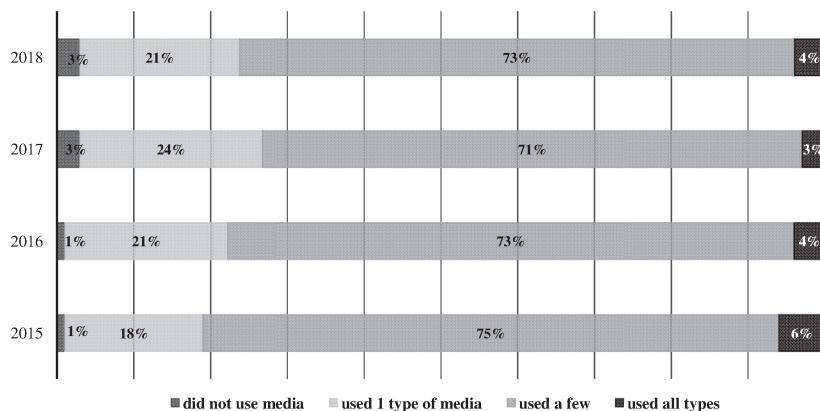


Figure 2. The amount of media sources during a month 2015–2018

Source: results of the poll “Population’s attitude to mass media and the use of different types of media in 2018”, InMind sociological company

Although, as before, Ukrainians are using more national media. In 2018, local mass media were able to increase the audience. In comparison with 2017, more people (6%) started watching regional television (45%), and more respondents (11%) used local websites (42%).

Ukrainian trust the Ukrainian media

Most people watch news on television. 74% of respondents said that they are using this type of media more often for this purpose. The second place is the Internet media. 57% of Ukrainians use news websites, which is 6% more than last year. Then comes radio and printed media.

However, the data is different from KIIS research that was held in February 2018 at the request of public organization “Detector media”. Then 86% of respondents replied that they receive information about the situation in the country and the world from Ukrainian TV channels. 27% of Ukrainians responded that they are using Ukrainian Internet websites for this (almost half as many that in InMind study), and 24% of respondents are using social networks. For another 18%, the main source of information is personal social circles.

GfK Ukraine research (at the request by the “Kalmius Group”), published in August 2018, shows that 70% of Ukrainians learn about occupied territories from television. 35% of the respondents use Internet websites.

Influence of Russian media continues to drop, according to InMind data from previous years. The popularity of Russian Internet media also dropped to 8%. People in Odesa, Zaporizhzhia and Donetsk regions use this type of media the most.

Such data are almost identical to KIIS research. Then 4.7% of respondents said that they are watching Russian television. Only 0.5% of respondents used Russian websites and 0.1% – printed media.

InMind asked respondents to name three media in each category that they often use. Top 5 TV channels are the following: “1+1”, “Inter”, “STB”, ICTV, “Ukraine TRK”. It should be reminded that in KIIS research, the rating of channels is almost the same, only the last one was “STB” (36, 3%), and next to last – ICTV (39,1%).

InMind named the following news aggregators: “Ukr.net”, “Yandex”, UNIAN. Among the websites most frequently used were “Censor NET”, “1+1”, “News of Ukraine”, “Facts” and “Correspondent”.

Ukrainians are dissatisfied with the news on television

This tendency characterizes both the work of regional TV channels and national ones. For example, 3% less respondents consider important information that is broadcast by local channels. The number of those who consider such messages complete and detailed also decreased.

According to respondents, national channels are losing in convenience. Less people, compared with last year, said that news in these media can be called important, complete and operative. Meanwhile, the level of satisfaction with materials in the Internet media is generally stable.

More Ukrainians go online

More than 9% of people began to search for needed information online. Now 64% of people are doing so. 5% more people than in 2017 started to read the news – 51%.

According to InMind, the most popular social network is Facebook. It is used by 57% of respondents. But blocked “VKontakte” and “Odnoklasniki”, though are losing users, but have the second (21%) and third (15%) places, respectively. The same is with receiving news on these platforms.

Although KIIS research had lower numbers. Then 35.5% of respondents said they were using Facebook. “VKontakte” and “Odnoklassniki” – 11.3% and 7.2% respectively.

InMind data also show that 31% of Ukrainians left “VKontakte” after blocking, but almost 29% of Ukrainians continue to use it. People bypass the restrictions in different ways, often (59%) using VPN, 8% use browser extensions, and another 6% – a proxy server.

Ukrainians trust the national mass media

A new study shows that this tendency is typical for all types of media, both national and regional. 10% of respondents began to trust regional television – 56%. 7% more viewers trust the national one – 61%. It is most trusted in Lviv, Kyiv, Dnipro and Kherson regions.

Internet media earned another 10% of trust both at the regional (52%) and national levels (58%). Ukrainians believe the reason for the lack of trust is that information does not look reliable, the news is presented in one-sided way, and also there is a lack of facts.

But in a study of “Detector media” respondents replied differently to the question “Which of the following sources of information about

military actions in the Donbas area do you trust?" Television data are almost identical – 57.2%. But Internet media – 14.1%. 1.6% of respondents trusted Russian television.

Comparing InMind's study in 2018 and 2017, it is obvious that Russian Internet editions are gaining the trust, and 2% less respondents trust the TV at the moment (but this is within the limits of statistical error). Residents of Kharkiv, Dnipro, Luhansk, Donetsk, Zaporozhzhia and Odesa regions trust Russian media the most.

GfK Ukraine poll showed people's trust in Russian television – 1%. Meanwhile, about a third of Ukrainians (31%) think that Ukrainian television is as the most reliable source of information.

Also, in April 2018, the Ministry of Information Policy of Ukraine and the analytical center "Factory of Thought" "Donbas" shared their data on occupied territories of Ukraine. In 2016, 30% of the inhabitants of that area trusted Ukrainian media, and in 2017 the level of total trust was only 16%.

The population of Ukraine analyzes information critically

29% of respondents said that they pay attention to whether there are different points of view in the media. The number of people who pay attention to the source of the origin of the news has increased. At the same time, 26% of respondents said that they decide intuitively whether to trust information (in 2017 there were 5% less people).

It is worth noting that in KIIS poll, 53% of Ukrainians said that in most cases they can distinguish qualitative information from disinformation and fake news. One third of Ukrainians (31%), on the contrary, is sure that they can not distinguish at all or can do so in a minority of cases.

In addition, according to InMind, 36% of respondents thought there is a problem of sponsored materials in the media. Although only slightly more than half of respondents are able to distinguish them – 56%.

And 36% of people consider it necessary to know media owners, 48% of them do not know who owns national TV channels.

Local news is the main content that people want to see in the regional media.

From 42 to 60% of respondents said that. The second is the need for journalistic investigations. After that – entertaining materials and interviews with local leaders (14–28%).

Ukrainians are interested in reforms

The respondents said that they started to see more information about decentralization of power, health care and energy sector reforms. Pension reform remains at the same level of awareness, but there are less materials about land reform.

The main sources of information about reforms this year are national TV channels, websites, regional media and also social networks.

However, as KIIS research showed, most Ukrainians acknowledged that they receive not enough information on the country's strategy and aims regarding the Crimea (63% oppose 23% who rated their level as more or less sufficient) and the occupied territories of the "DPR" / "LPR" – 60% oppose 26%.

InMind, a sociological company, conducted the research called "Population's attitude to mass media and the use of different types of media in 2018", at the request of the International public organization Internews, which implements the program "Ukrainian Media Project" or "Project U-Media", with the financial support of the United States Agency for International Development (USAID) (Detector media 2019).

The mass media sociology at the State Higher Educational Institution "Pereiaslav-Khmelnytskyi Hryhorii Skovoroda State Pedagogical University" is considered within the specialty of publishing and printing business, in particular the course "Media communications".

The purpose of teaching is to form students' knowledge of mass communications as a social institution and the type of social activity, communication mechanisms and modern mass media, research skills, as well as competencies that ensure their readiness to apply the acquired knowledge, skills and personal qualities in standard and changing situations of professional activity.

The main tasks of the sociology of mass communication are to form in listeners an idea of the nature of media communication and communicative processes in the information society; to give a systematic idea of mass communication as a subject of scientific analysis; an acquaintance with the methods and results of researches of various elements of mass communication.

According to the requirements of the educational program, students must obtain the following competencies:

1. ability to analyze socially significant problems and processes, providing social predictions;

2. ability to apply basic and profession-oriented knowledge and skills in the professional activity on the basis of sociological theory and methods of sociological research;
3. ability and readiness to use knowledge of methods and theories of social and human sciences in expert, consulting and analytical activities;
4. ability to participate in the development of proposals based on professional sociological knowledge and recommendations for solving social problems, in developing mechanisms for coordinating the interests of social groups and communities;
5. ability to use basic theoretical knowledge, practical skills and ability to participate in scientific and applied researches, analytical and consulting activities.

Program results of learning:

- clearly depict the structure of modern humanities, to be able to analyze problems and processes of social significance, to use the methods of the humanities in various forms of professional and social activities.
- to have a basic idea of society as a complex system of social and cultural connections and relations.
- ability to use professional knowledge, skills and abilities in the analysis of modern social processes, phenomena and relations.
- ability to use knowledge, abilities and practical skills in the fields of study of public opinion and attitude, as well as in the field of management of all levels, public organizations and political parties, etc.
- to expand its own system of knowledge, continuously improve the intellectual level and level of professional skills on the basis of self-education.

Topics of lessons:

1. Mass communication in the system of sociological knowledge.
2. Structural and functional aspect of mass communication.
3. Modeling of mass communications.
4. Forms of mass communication.
5. Mass media system.
6. Social role of newspaper press.
7. Magazines in modern society.
8. Public functions of the radio.
9. Television in modern social and cultural conditions.
10. The latest Internet media.
11. Sociological analysis of media audience.

Student's age is the most important in the formation of individual. The living conditions and cognitive activity of the students themselves determine the emergence of needs for aesthetic perfection. The influence of mass media on student youth causes the need for searches that will enable to bring up aesthetic qualities, aesthetic values, aesthetic ideals in students. By changing, the media environment influences the aesthetic education of youth, but we are not always aware of all the power and versatility of this influence. Depending on the form and content of media information, the impact might not only be positive, but also negative. In the conditions of transformation and informatization of Ukrainian society there are the destruction of spiritual ideals, the system of values of generations, the imposition of "mass culture", alien to the mentality of the Ukrainian people.

No matter whether we like the modern information provided by the mass media or not, it is an integral part of market processes and modern life in general. In a competitive struggle of a large number of producers of identical goods, television companies, political parties, the provision of information goes beyond the mere informing, designed for conscious perception, and transforms into a more effective means of influence – in psychological programming, subconscious suggestion.

Focusing on the unconscious sphere of personality, on hidden instincts, information of various types, films and advertising put pressure on the human psyche. Particularly young people fall under this influence. Firstly, in search for popular-scientific, young people more often go online and use magazines, and all these informative streams are accompanied by ads, proclaims (usually sales of goods and dating websites).

Secondly, young people are more emotionally vulnerable, receptive. Thirdly, youth spend more time than adults in front of TVs and online.

What are Ukrainian youth interested in?

About values. Loyalty, friendship and freedom are the most important values for Ukrainian youth, according to the poll by the Center "New Europe" and the Friedrich Ebert Foundation together with sociological company GfK Ukraine last year. Sociologists tried to study the attitudes of Ukrainian youth not only in recent years but also throughout Ukraine's independence (Radio Liberty 2019).

Two thousand people (aged 14–29) from all regions (except the Crimea, Luhansk and Donetsk regions) took part in the poll.

Half of young Ukrainians have a habit of praying, 18% of respondents do not read books and almost all – 91% – use social networks, according to the poll.

Also, 61% of young people are proud to be Ukrainians. And the same number of people thinks that Russia is responsible for the war in Donbas. 60% of people support joining the European Union and almost the same number supports a democratic way of development of the country. At the same time, the poll shows that Ukrainian youth are mostly not interested in politics.

“We were most struck by the fact that young people in Ukraine are apolitical, they are not interested in it at all, only about 10% of respondents are interested in politics. In addition, about 75% of young people do not trust politicians”, commented K. Zarembo to Radio Liberty, the representative of the center “New Europe” (Radio Liberty 2019).

Radio Liberty asked random young Ukrainians – who is authority for them.

About happiness and future. At the same time, 70% of young people in Ukraine see a happy future for Ukraine.

According to the poll, the youth of the East feel the least happy. It is not only about the impact of military actions, but also about the level of satisfaction with family life, the quality of education and faith in a better future. In the East, there are only 54% of young people expect to improve their lives in the future, while in the South there are 62% of such people, and in other regions – from 70% to 86%.

About prosperity. Half of the interviewed young people live at a level where they have money mostly for food and clothes. However, they should save money in order to buy something expensive, like a computer or washing machine. 26% of young people live poorer, all others live well.

An expert Katerina Zarembo says that Ukrainian youth are focused on providing a decent living for themselves, and then goes personal fulfillment.

“Young people are focused on the values of survival. This is not a spontaneously invented term. Among the youths’ demands for the government are employment, corruption prevention, job creation and fight against crime. That is about physical and material security. And these needs always go through all sections of our poll,” says the expert.

About work, everyday life, immigration. Half of the youth at the time of the poll responded that they have a job, and almost 40% of respondents do not work anywhere. 65% of them live with their parents.

The greatest fear for youth is war, corruption and unemployment. According to the poll, young Ukrainians do not travel so much. 76% of respondents have never been abroad, only 21% of respondents said that they had visited other countries. The young people from Kyiv and Western Ukraine travel more often.

It is important, according to the sociologists, that over 90% of young Ukrainians have never been discriminated on the basis of sexual orientation, religion, language or gender.

The World Health Organization officially prolonged period of youth to 44 years old, and the average age, according to the new classification, lasts to 60 years old.

The greatest value for young people is the opportunity to live.

Conclusions

Ukraine as a sovereign state is still at the stage of formation of its main social institutions. Such institutions, of course, include the mass media. When it comes to the formation of the media institution, it means, firstly, that specialized organizations that independently produce and distribute information products of different kinds are being formed: newspapers, radio companies and television companies operating with the participation of the state, as well as different types of ownership. They form the thing that in the sociology of mass communications called informative streams. Such organizations Ukraine did not get, and could not, inherit, since newspapers and two national channels of television and radio in Soviet times mainly a rebroadcasting function. Secondly, it must be formed legal and conventional rules governing the production and dissemination of information. Thirdly, the mass media not only organize the national informative space, but also begin to perform other socially important functions in society.

The preferences of Ukrainian residents among the media differ, depending on their place of residence, age, occupation, etc. However, it is obvious that young people prefer social networks.

In higher education institutions, where students study media communications, it is important to focus not only on theoretical principles, but also on the practice (Radio Liberty 2019).

Bibliography

- Bureichak T.S. (2007) *Construction of Gender Identities in Discourse of Advertising*. Thesis, Candidate of Sociological Sciences, 22.00.04, K., Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 20 p.
- Cooley C.H. (1994) Public Organization. In: Dobrenkov V.I., Belenkova L.P.M *Texts on Sociology History of XIX–XX centuries*. Chrestomathy, Science, pp. 37–82.
- Detector media (2019) Available at: <https://detector.media/infospace/article/140807/2018-09-06-doslidzhennya-56-ukraintsiv-vvazhayut-shcho-mozhut-vidrizniti-zamovni-materiali-v-zmil> (accessed on: 12.03.2019).
- Habermas J. (2000) *Moral Consciousness and Communicative Action*. Translated by Skliadnev D.V., afterword by Markov B.V., Science, 380 p.
- Horovy V. (2017) *Library in Information Society*. Social Communications Research Center. Available at: http://nbuviap.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=3025:biblioteka-v-informatsijnomu-suspilstvi&catid=81&Itemid=415 (accessed on: 12.03.2019).
- Ivanov V.F. (2012) Media Education and Media Literacy: Definition of Terms. *Information Society*, Vol. 16, pp. 41–52. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/is_2012_16_10 (accessed on: 12.03.2019).
- Korolko V.H. (2003) *Strategy and Techniques of Public Communications for Third-Sector Organizations*. Textbook of methods, Kyiv, 216 p.
- Kostenko N. (2014) Media Dynamics: Trends and Deviations. In: Vorona V.M., Shulha M.O. *Directions of Changes of Ukrainian Society*. K.: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, pp. 326–348.
- Lasswell H. (2003) Structure and Functions of Communication in Society. In: Nazarov M.M. *Mass Communication in Modern World: Methodology of Analysis and Research Practice*. Institute of Social Education of Russian Center for Human Sciences, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, M., Editorial URSS, 239 p.
- Lazhe O.V. (2014) Features of Mass Communications as Agent of Socialization. *Social Technologies: Actual Problems of Theory and Practice*, Vol. 61, pp. 127–132.
- Lisitsa N.M. (2012) Management of Identical Users in Advertising. *Methodology, Theory and Practice of Social Analysis of Modern Society: collection of scientific works*, Vol. 18. Kharkiv, V.N. Karazin Kharkiv National University, pp. 302–305.
- Luhman N. (2004) *The World Society as a Social System*. Translated by Antonovskiy M.M., Publishing house “Logos”, 232 p.
- Luhmann N. (2005) *The Reality of the Mass Media*. Translated by Antonovskiy A.Y.M., Praxis, 256 p.
- Matvieieva S. (ed.) (2019) *Political Psychology*. Available at: <http://lecture.in.ua/navchalenij-posibnik-za-redakciyeyu-doktora-ekonomichnih-nauk.html?page=5> (accessed on: 12.03.2019).

- McLuhan H.M. (2011) *Understanding Media: The Extentions of Man*. Translated by Nikolaev V., final article by Vavilov, M., Edition 3, Moscow, Kuchkovo field, 464 p.
- McQuail D. (1994) Mass Communication and Public Interest: Towards Social Theory for Media Structure and Performance In: Cmwley D., Mitehell D. *Communication Theory Today*. Polity Press, pp. 241–254.
- Navalna M., Isaikina O. (2018) *Media Communications*. Pereislav-Khmelnytskyi, “Publishing house CSR”, 220 p.
- Nazarchuk A.V. (2009) *Theory of Communication in Modern Philosophy*. M.: Progress-Tradition, 320 p.
- Pironkova O. (1998) Structuration of Reality in TV News. *Social Dimensions of Society, collection of scientific works of young researches*, № 2, K., Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, pp. 360–371.
- Pocheptsov G. (2015) *Logic of Propaganda, or News without Makeup*. Media Sapiens. Available at: http://osvita.mediasapiens.ua/trends/1411978127/logika_propagandy_ili_novosti_bez_grima/ (accessed 12.03.2019).
- Pocheptsov G. (2017) *Human Dimension of Hybrid and Diffuse Wars*. Media Sapiens, 5.11. Available at: http://www.osvita.mediasapiens.ua/trends/1411978127/chelovecheskoe_izmerenie_gibrildnykh_i_diffuznykh_voyn/ (accessed on: 12.03.2019).
- Poltortak V.A. (2010) Sociology of Management and Political Marketing. *Modern Social Problems in Sociology of Management*, collection of scientific works of Donetsk State Management University, Vol. 145, pp. 230–238.
- Radio Liberty (2019) Available at: <https://www.radiosvoboda.org/a/29315177.html> (accessed on: 12.03.2019).
- Rizun V. (2008) *Theory of Mass Communication*. Kyiv, Prosvita, 260 p.
- Shostrom E.L. (2019) *Man, the Manipulator: the Inner Journey from Manipulation to Actualization*. Available at: <http://www.psylib.org.ua/books/shost01/index.htm> (accessed on: 12.03.2019).
- Wright C.R. (1974) Functional Analysis and Mass Communication Revisited. In: Blumler J.G., Katz E. (Eds.) *The Uses of Mass Communications*. Beverly Hills: SAGE Publications, Inc., pp. 197–212.
- Zernetska O.V. (2017) *Global Communication*. Monograph. Kyiv, Scientific Thought, 350 p.

Социология в украинских средствах массовой информации: общие тенденции населения и молодежные предпочтения

Резюме

В исследовании представлены теоретико-методические основы средств массовой информации, отмечены основные теоретические подходы социологии масс-медиа, выделены тенденции и функции, которые характерны для украинского общества, названы основные этапы исследования средств массовой коммуникации в Украине за время независимости.

В работе использован метод наблюдения, а также метод контент-анализа и анализа текстов средств массовой информации.

В статье представлены результаты нового опроса «Отношение населения к СМИ и потребление различных типов СМИ в 2018 году», которые обнародовал сайт «Детектор медиа» и опрос среди молодежи, который представил сайт «Радио Свобода».

Сделаны выводы, что предпочтения жителей Украины в средствах массовой информации различаются в зависимости от места проживания, возраста, занятия и т.д. Но очевидно, что молодежь предпочитает социальные сети.

В высших учебных заведениях, в которых студенты изучают медиакоммуникации, стоит отдавать предпочтение не только теоретическим основам, но и уделять должное значение практической составляющей.

Ключевые слова: социология, средства массовой информации, Украина в период независимости, влияние, манипуляция.

Dorota Kurek (Poland)

IMAGE OF THE UNIFORMED SERVICES IN POLAND AS PERCEIVED BY GENERATION Z

The aim of the article is to show the image of the uniformed services in Poland as perceived by generation Z. The author analysed only the selected uniformed services, such as: Police, Polish Army, Border Guard and State Fire Service. Consideration was given to both the general image of the indicated institutions and the image of these services as potential employers. This article was prepared, among others, on the basis of the results of empirical research conducted in 2019 with the use of the method of a diagnostic survey on the sample of 100 representatives of the Z generation.

Key words: image, uniformed services, generation Z.

Introduction

The issue of image in recent years has become widely explored by representatives of management sciences, sociology and psychology. The image is defined as a reflection in the mind of the recipient, formed on the basis of a series of information reaching it, both full and fragmented. This image is created as a result of the interpretation of information, with an important aspect being all kinds of factors determining the quality of the image, in which the importance of belonging to a certain recipient's generation, and therefore also the values, needs, views and philosophy of life, is increasingly emphasized.

The way of perceiving the image of an organization, including the institutions responsible for shaping security and public order, which include the uniformed services, has a significant social significance. However, the image of the uniformed services is not the same in different generational groups. Bearing the above in mind, the purpose of this article is to present the quality of image of selected uniformed services in the perception of the youngest generation operating on the labour market, namely the Z generation. The selection of the indicated research group results from the fact that the representatives of this generation are potential officers of the Police, Border Guard, Fire Brigade or future soldiers. Their opinion is therefore important both from the point of view of the need to ensure national security, i.e. to acquire officers with a specific profile of competences capable of performing demanding service, and from the

social point of view, since the Z generation is an important part of society in Poland.

Uniformed services in Poland

The uniformed services in Poland are numerous formations which ensure jobs not only for officers, but also for civilian employees. The very term uniformed services in the Polish language is of common nature, as it is not reflected in the normative acts. The uniformed services are defined as *public entities designated by the legislator with a particular organization – like military ones – subject to the supreme bodies of government administration, carrying out statutory tasks within the framework of public service related to the provision of a specific type of security and order, on the basis of the powers granted and the legal forms of operation of the relevant administration* (Liwo 2015).

The catalogue of uniformed services, due to the diversity of their classification (the adopted membership criteria), is pen-ended, most often including the Police, Polish Armed Forces, Border Guard and Fire Brigade. According to the data presented by the Central Statistical Office in Poland and the Ministry of the Internal Affairs and Administration, in 2018 the total number of officers in the formations indicated was over 248,500. In 2018, there were 14,800 officers and about 3,500 thousand civilian employees serving in the Border Guard (Tomaszewska 2018). In turn, 30,072 professional firefighters found employment in the State Fire Brigade (InfoSecurity24 2019), 104,900 soldiers and 46,000 civilian employees operated in the Polish Army, while 98,800 policemen and 24,700 civilian employees worked in the Police (Concise Statistical Yearbook of Poland 2019). Both officers and civil servants jointly carry out tasks aimed at shaping public safety and order, which has a direct impact on the sense of security of Poles. The way in which they are presented in the media, and thus their social image, is important in the case of the indicated formations.

Image and its social significance

The issues of importance and creating the image of an organisation due to growing competition, changes in the perception of customers, including the increase in their perceptual defence (Skowronek 2012) forces modern organisations to effectively create the value of the company, including skilful creation of attitudes and reactions of buyers, which will

allow to increase the value of the image of the company. However, the image itself poses many problems, because referring to the multiplicity of its definitions, it is an image shaped in the mind of the viewer consisting of two components: the conscious and the unconscious. The conscious component of the image refers to the rational analysis of the offer's utility (the so-called functional component), and thus to the result in the relation between costs and benefits, while the unconscious one covers more elusive, less material aspects – experiences and emotions (Kennedy 1977). The rational and emotional component of the image forces organisations to go beyond the sphere of only caring for the product itself and its functional benefits (Hill, Alexander 2003), shifting the burden of actions to shaping positive experiences, which is possible only at the moment of learning and proper use of knowledge about the emotional and psychological needs of customers. The comprehensiveness of the approach must therefore translate into the multiplicity and complexity of the undertaken actions, which additionally results from the fact that the problem of the image of an organisation is not only related to the general image of the company, shaped by the prism of knowledge and experience related to the products or services offered by the company. The company's image also includes the image of an employer operating on a specific labour market. Forming such an image requires coordination of marketing and human resources management activities (Wojtaszczyk 2012).

A particular difficulty in shaping the image can be seen in the case of public organisations, including the uniformed services. They function by providing services relating to key human needs, including the vital need for security. These are the organisations known and assessed by the whole society of a given country and the international community. The scale and importance of the activities undertaken, including the number of employed officers and civilian employees, in many cases exceeds the number of ordinary employees of the organisations, which makes the activities undertaken difficult. Additionally, these organisations, acting on the basis of the law, in many cases do not have such a possibility to create their own image as organisations from the business environment. One can also claim that the visibility of uniformed officers does not necessarily correspond to their positive image, because the slogan used by the Polish Army (Military Unit of Commandos from Lubliniec) "Silent and effective" perfectly illustrates the social expectations towards these organisations. The positive image of the uniformed services is of great social significance, which is confirmed by the importance of both the functional and emotio-

nal components of the image of these services, while the value of the emotional component dominates in this juxtaposition. Direct and indirect experiences create a kind of filter for information reaching the individual, which makes the image both subjective and active (Miller, Galanter, Pribram 1980), and thus constantly changing under the influence of the reception of new information, both true and false. The image of an organisation is therefore not an accurate copy of an imagined organisation, but only a collection of opinions of a given group of people who have a positive or negative impact on their assessment of the activities of a given organisation. In the case of public institutions, including the uniformed services, social acceptance of activities is of particular importance as it affects the perceived level of safety. As Hope emphasises: *The difference between public utility institutions and other organisations supplying any goods to the market is the fact that they may or may not exist on the market. While the lack of the latter on the market or their loss from the point of view of the society as a whole has little significance, bankruptcy or even poor financial standing, and in particular a negative opinion on the activity of public utility institutions, may have far-reaching consequences for the whole society* (Hope 2005). The uniformed services play an important role in the life cycle, self-determination and organisation of the community, guaranteeing structure, social order, and shaping both individual and collective safety. As far as the image of the uniformed services is concerned, it is necessary to emphasise the importance of public trust in these institutions, which is manifested by mutual dialogue and social acceptance and participation in the activities and initiatives undertaken. A positive image of the uniformed services also influences the assessment of these organisations as a potential employer, which is important from the point of view of the need to attract to the group of officers and civilian employees persons with the appropriate competence profile, willing to perform service often exceeding the standard eight-hour working day.

Image and generations in the labour market

The difficulty in shaping the image of contemporary organisations is additionally related to the generational diversity of stakeholders, including different values and attitudes. The changing market and its actors force organisations to take a multifaceted approach, to know the needs of representatives of a given generation and to adjust their actions and the

way of informing about them to those needs and expectations, which is also connected with various levels of competence, especially in the area of knowledge of new technologies.

In the modern labour market there are representatives of four generations: Baby Boomers, X, Y and Z generation. A generation is defined as *a group of people (...) of approximately the same age; a collection of people shaped by similar or the same history, experiences, etc.* (Słownik Języka Polskiego). Employees are included in a given generation/group of contemporaries on the basis of their year of birth. However, in the source literature it is difficult to find clearly defined time frames, which results in different classifications. While the timeframe is still under discussion, the following ranges can be accepted:

- the Baby Boomers generation – workers born between 1946 and 1964,
- generation X – workers born in 1965–1980,
- generation Y – workers born in 1981–1997,
- the Z generation are the employees born between 1998 and 2016 (Lyons 2015, Mazur-Wierzbiska 2015, Ruth, Bolton, Parasuraman et al. 2013).

Paying particular attention to the youngest generation – generation Z, it is worth emphasising the features of this generation, such as: permanent access to the Internet, including social media, succumbing to the impact of influencers and a different system of values relating to, among others, the working environment. The youngest generation are people who build the image of a given organisation in their minds to a large extent on the basis of information obtained from the media, including indirect experience. The way of obtaining information preferred by the Z generation, including different needs, generates the necessity of the so-called multigenerational management, not only in relation to human resources management activities, but first of all in relation to shaping the general image of an organisation, including the image of an organisation as a future potential employer.

Awareness of the generational diversity on the market is important in the context of researching the image of an organisation. It is worth noting that the image of an organisation is assessed differently by the representatives of particular generations. The criterion of belonging to the generation should therefore be taken into account in the conducted research in the scope of evaluation of the image of an organisation, which will allow to match the image-related actions taken to the specificity of a given group, which needs to be affected most.

Taking into account the uniformed services operating in Poland, the necessity of multigenerational management increasingly forces these institutions to change their approach, taking into account the market perspective, e.g. as far as salaries, the manner of promotion of the implemented activities and reporting on the management of public funds are concerned. All these aspects significantly affect the image of the analysed services, both the general image and the image of uniformed services as potential employers.

Image of selected services – research results

Pilot studies aimed at identifying the image of selected uniformed services in the perception of the Z generation were conducted in January 2019. The research used the method of a diagnostic survey carried out using the questionnaire method. Respondents answered closed-ended questions with conjunctive and disjunctive cafeterias and semi-open questions. The research involved 100 people who, according to the division adopted in the work, can be classified as employees of the Z generation. The main research problem to be solved was formulated in the form of a question: What is the image of the Police, the Border Guard, the Polish Army and the State Fire Service in the opinion of the representatives of the Z generation? The results of the research were analysed statistically, in search for existing dependencies. For this purpose, the Statistica.pl package was used.

The multidimensionality of the possibilities of image analysis, as well as the transience, heterogeneity and complexity of the image, prompted the author of the research to analyse both the so-called general image of selected uniformed services and the image of these services as employers on the Polish labour market. The indicated dimensions do not fully exhaust the possible analyses, but only constitute an introduction to further in-depth research.

The results of the survey explicitly show that the best image in the opinion of the representatives of the Z generation is that of the State Fire Brigade. Positive image of this formation was assessed by 99% of respondents. The second place was taken by the Polish Army – 78% of positive opinions, the third by the Border Guard – 59%, and the fourth by the Police, while in relation to the Police only 17% of respondents indicated that this formation enjoys a positive overall image (Chart 1).

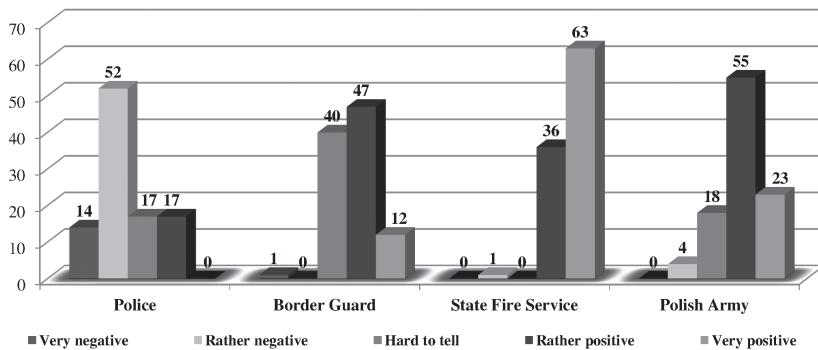


Chart 1. The image of uniformed services in the opinion of the representatives of the Z generation

Source: own study results

In the opinion of the Z generation, however, the negative image of the Police does not correspond to the nationwide results of the survey on the assessment of the activities of public institutions carried out on 7–14 March 2019 on a representative random sample of 1,046 people living in Poland. Three quarters of Poles (75%) assess the work of the Police well, and every sixth person (16%) is dissatisfied with it (Assessment of the activities of public institutions 2019). The results of the indicated surveys are similar, taking into account the age criterion of the respondents (Table 1).

Table 1.
Evaluation of the activity of the Police

Age	Definitely good	Rather bad	Hard to tell	Number of people
18–24	75	17	8	82
25–34	73	22	5	201
35–44	74	13	13	195
45–54	71	16	12	157
55–64	76	14	10	190
65 and more	77	14	9	220

Source: Research Notice No. 44/2019 "Ocena działalności instytucji publicznych (Evaluation of the activities of public institutions)", CBOS ISSN 2353-5822

Representatives of the Z generation, like the rest of the society, positively assess the activity of the Police, which is not tantamount to a positive assessment of the image of the Police. The revealed discrepancies clearly show the complexity of image issues, because the negative image of a given formation does not necessarily have to correspond with the negative assessment of its activity. The complexity of the organisation's image is also evidenced by the so-called image perspective. When assessing the image of an organisation as an employer, the results of the survey were slightly different from those of the general image of the surveyed formations (Chart 2).

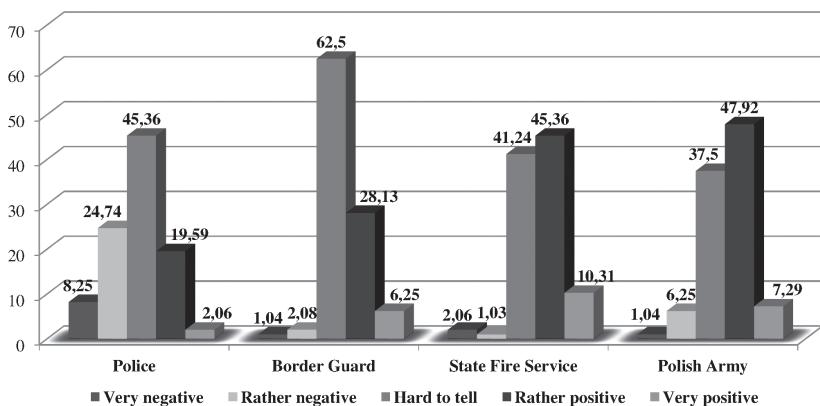


Chart 2. The image of uniformed services as employers in the opinion of the representatives of the Z generation

Source: own study results

The analysis of the conducted research shows that the best image of the employer is enjoyed by the Fire Service – 55.67%, followed by the Polish Army – 55.21%. The third place was taken by the Border Guard – 34.38%, and the fourth place by the Police – 21.65%. The reasons for the weaker image of uniformed services as employers, in relation to the general image, can be found in the discrepancies in expectations in relation to the possibilities offered by uniformed services to the youngest generation in terms of the offer (working conditions). Generation Z, as indicated by the research results, expects first of all attractive remuneration (81%), the good location of the workplace (59%), the working atmosphere (58%), the possibility of professional development (54%), flexibility of working

time (51%), stability of employment (45%), the possibility of maintaining balance between professional and private life (41%), the possibility of pursuing passions through performing work (33%) and carrying out interesting tasks at work (29%). Not all these criteria can be met by uniformed services, but still, the most important aspect is the discrepancy between the salaries offered by the services and the market reality.

Summary

The conducted research was aimed at providing answers to the main research issue formulated in the form of a question: What is the image of the Police, the Border Guard, the Polish Army and the State Fire Service in the opinion of the representatives of the Z generation? On the basis of the analysis of the research results, it can be stated that the positive overall image is enjoyed mainly by the State Fire Service (99% of the respondents gave such an answer), the Polish Army – 78% and the Border Guard – 59%. Most negative answers were given in relation to the image of the Police – 66%. The analysis also included the image of the indicated formations as employers in Poland. The results of the research in this respect were slightly different from the opinions of the representatives of the Z generation concerning the general image of the surveyed formations. Over 55% of the respondents positively assessed the image of the Fire Brigade and the Polish Army as employers. Over 34% of respondents also considered the Border Guard as a good employer, while over 21% of respondents expressed positive opinions about the Police.

In conclusion, not all uniformed services in Poland, in the opinion of the representatives of the Z generation, enjoy a positive image, both in general terms and as a good employer. The research results obtained are therefore a significant signal to the management bodies of the indicated formations concerning the need to take further actions in order to shape a positive image of a given service. Stemming from the very essence of the image, including its transience and multifacetedness, the indicated activities should be tailored to the needs and expectations of the Z generation, which in the future will constitute the main core of the employees of the analysed formations. Concentration on the Z generation should not, however, distract attention from the necessity of multigenerational management, as taking care only of the positive image of the services, in the opinion of the Z generation, may cause deterioration of this image among other generations.

Bibliography

- Concise Statistical Yearbook of Poland 2019.* GUS. Warszawa. (In Polish)
- Hill N., Alexander J. (2003) *Pomiar satysfakcji i lojalności klientów.* Oficyna Ekonomiczna. Kraków (In Polish)
- Hope E. (2004) *Public relations: czy to się sprawdzi?* Scientific Publishing Group, Gdańsk. (In Polish)
- InfoSecurity24 (2019) *Strażacy chcą więcej. Pensje w PSP nie są "proporcjonalne do rangi wykonywanej służby i pracy".* Available at: <https://www.infosecurity24.pl/strazacy-chca-wiecej-pensje-w-psp-nie-sa-proporcjonalne-do-rangi-wykonywanej-sluzby-i-pracy> (accessed on: 18.09.2019) (In Polish)
- Kennedy S.H. (1977) Nurturing corporate image. *European Journal of Marketing*, vol. 1, no. 3, pp. 120–164.
- Liwo M.A. (2015) Służby mundurowe jako kategoria języka prawniczego. *Przegląd Prawa Publicznego*, No 2. p. 20 (In Polish)
- Lyons S.T., Schweitzer L., Eddy S.W. (2015) How have careers changed? An investigation of changing career patterns across four generations. *Journal of Managerial Psychology*, Vol. 30, Iss. 1. p. 8.
- Mazur-Wierzbicka E. (2015) Kompetencje pokolenia Y – wybrane aspekty. *Studia i prace Wydziału Nauk Ekonomicznych i Zarządzania*, no 39. t. 3. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Szczecin, p. 307 (In Polish)
- Miller G., Galanter E., Pribram K. (1980) *Plany i struktura zatrudnienia.* PWN. Warszawa (In Polish)
- Research Notice No. 44/2019 “Ocena działalności instytucji publicznych (Evaluation of the activities of public institutions)”. CBOS ISSN 2353-5822.
- Ruth N., Bolton A., Parasuraman A. et al. (2013) Understanding Generation Y and Their Use of Social Media: a Review and Research Agenda. *Journal of Service Management*, Vol. 24. Iss. 3. p. 247.
- Skowronek I. (2012) *Marketing doświadczeń. Od doświadczeń klienta do wizerunku firmy.* Wydawnictwo Poltext. Warszawa (In Polish)
- Słownik języka polskiego PWN* Available at: <https://sjp.pwn.pl/szukaj/pokolenie.html> (accessed on: 19.05.2019) (In Polish)
- Tomaszewska M. (2018) *SG w Liczbach.* Available at: <https://strazgraniczna.pl/pl/aktualnosci/6511,SG-w-liczbach.html> (accessed on 18.09.2019) (In Polish).
- Wojtaszczyk K. (2012) *Employer branding czyli zarządzanie marką pracodawcy. Uwarunkowania, pomiar, procesy.* Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź (In Polish)

Uniformās tērpto dienestu tēls Z paaudzes uztverē Polijā

Kopsavilkums

Raksta mērķis ir parādīt uniformās tērpto dienestu kopējo tēlu Z paaudzes uztverē Polijā. Rakstā autore analizē tikai atsevišķus dienestus, piemēram, Policiju, Polijas armiju, Robežsardzi un Valsts ugunsdzēsības dienestu. Tika ņemts vērā gan norādīto iestāžu vispārējais tēls, gan šo dienestu tēls potenciāla darba devēja lomā. Šis raksts ir sagatavots, tostarp, pamatojoties uz empīrisko pētījumu rezultātiem, kas veikti 2019. gadā, izmantojot diagnostiskās aptaujas metodi 100 Z paaudzes pārstāvju vidū.

Atslēgas vārdi: tēls, dienests, Z paaudze.

Vita Pastare, Rita Greitāne (Latvija)

DARBINIEKU PROFESIONĀLO KOMPETENČU NOVĒRTĒŠANA VESELĪBAS APRŪPES PAKALPOJUMU KVALITĀTES NODROŠINĀŠANA

Veselība ir viena no pamatvērtībām, kas nepieciešama pilnīgai cilvēka dzīves kvalitātei, kā arī ir neatņemama sastāvdaļa viņa ģimenes un arī sabiedrības labklājības pamatai. Kvalitatīvas un kvalificētās veselības aprūpes pakalpojuma sniegšanas pamatelementi ir darbinieks. Ikviena darbinieka kompetence veselības aprūpes vidē prasa novērtēt gan darbinieka spēju apmierināt pacientu cerības, gan nodrošināt nepārtrauktu, efektīvu pacientu aprūpi. Efektivitāti apliecinā pacientu veselības stāvokļa uzlabošanās, pozitīvie kliniskie rezultāti, pacientu drošības uzlabošanās un pozitīva izpratne par apmierinātību ar sniegtu aprūpi. Šīmā, kompetences novērtējums veselības aprūpes vidē ietver daudz vairāk nekā kontrollsarakstus, pārbaudījumus, novērtēšanas metodes. Pētijuma mērķis ir izvērtēt darbinieku profesionālo kompetenču ietekmi uz veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti un izstrādāt darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modeli. Pētijuma uzdevumi ir: veikt bibliogrāfisko analīzi saistībā ar darbinieku kompetenču novērtēšanu un veselības aprūpes kvalitāti; analizēt, kā darbinieku profesionālās kompetences varētu ietekmēt veselības aprūpes pakalpojumu sniegšanu; veikt fokusa grupas interviju ar darbiniekiem, kuri ir tieši saistiti ar darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanu un ir nodarbināti veselības aprūpes nozarē, lai iegūtu informāciju par darbinieku profesionālās kompetences novērtēšanas metodēm un kompetencēm, kuras ir jāiekļauj novērtēšanā; veikt aptauju tiem pacientiem, kuri izmanto veselības aprūpes pakalpojumu, lai konstatētu, vai darbinieku profesionālās kompetences ietekmē pacientu viedokli par pakalpojuma kvalitāti; analizējot pieejamo bibliogrāfijas analīzē un pētijumā iegūto informāciju, izstrādāt darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modeli, kuru būtu iespējams pielietot veselības aprūpes iestādē. Izpētot un izanalizējot literatūras avotos pieejamo informāciju par darbinieku profesionālajām kompetencēm, to novērtēšanu un ietekmi uz pakalpojuma kvalitāti var secināt, ka nav vienas metodes, kura aptvertu veselības aprūpes pakalpojumu sniegšanā iesaistīto personu kompetenču novērtējumu. Pētijuma novitāte ir izstrādātais darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modelis, ar kura palidzību var izvērtēt veselības aprūpes darbinieku kompetenci, tādā veidā konstatējot, vai darbiniekiem ir pietiekamas zināšanas, izglītība, komunikācijas prasmes un citas nepieciešamās kompetences, lai ikdienas darbu veikšanā nerastos kļūdas, nebūtu neapmierināti pacienti un tiktu nodrošināta kvalitatīvu pakalpojuma sniegšana. Pētijumā pielietotā kvalitatīvā metodes ir fokusa grupas diskusija un pacientu aptauja. Fokusa grupas diskusija laikā tika ievākta informācija no veselības aprūpes iestādēs strādājošiem

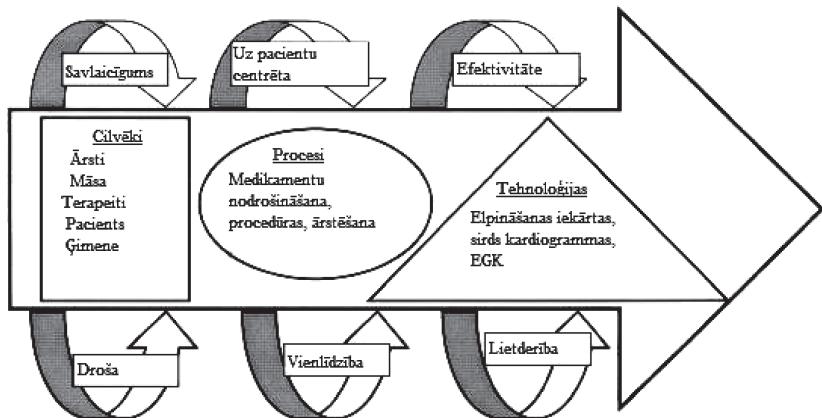
darbiniekiem par darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas metodēm un svarīgākajām darbinieku kompetencēm, lai rezultātā varētu izstrādāt kompetenču novērtēšanas modeli. Pacientu aptaujā, izmantojot anketēšanu, piedalījās 683 respondenti aizpildot pacientu aptaujas anketas, tādejādi tika apzināta informācija par to, kā darbinieku profesionālās kompetences ietekmē veselības aprūpes pakalpojumu kvalitāti.

Atslēgas vārdi: kompetences, kompetenču novērtēšana, kvalitātes nodrošināšana, veselības aprūpes pakalpojumi.

Veselības aprūpes pakalpojumu kvalitāte un darbinieku loma veselības aprūpes pakalpojumu nodrošināšanā

Lielākā daļa pacientu sagaida, ka veselības aprūpes pakalpojumu saņemšana būs pēc iespējas augstākas kvalitātes. Pacienti vēlas saņemt nepieciešamo ārstēšanu un gūt no tās labus rezultātus, kā arī vēlas, lai būtu apmierinoša mijiedarbība, komunikācija un sadarbība ar ārstu, medicīnas māsu, sanitāru, fizioterapeitu u.c. ārstniecībā iesaistito personu ar kuru ir tiesa saskarsme. Turklat pacienti arī vēlas, lai iekārtas, instrumenti un telpas, kurās tiek nodrošināta aprūpe, būtu tīras, patīkamas, un viņi vēlas, lai viņu ārsti izmantotu pēc iespējas labāko pieejamo tehnoloģiju. 2001. gadā ASV Medicīnas institūts publicēja ziņojumu "Crossing the Quality Chasm: A New Health System for the 21st Century", šajā ziņojumā tika izklāstīti seši veselības aprūpes augstas kvalitātes principi kuri veselības aprūpes iestādēm ir jāievēro, lai spētu sniegt augstas kvalitātes veselības aprūpes pakalpojumus: drošība – aprūpe, kas paredzēta pacientiem, nedrīkst nodarīt kaitējumu; savlaicīgums – aprūpe tiek saņemta brīdi, kad tā ir nepieciešama; efektivitāte – atbilstoša profesionāla līmeņa pakalpojuma sniegšana; lietderīga – jāizvairās no lieku atkritumu radīšanas, enerģijas taupīšana, pareiza atkritumu apsaimniekošanas, šķirošana utt.; vienlīdzība – jābūt brīvi pieejamai neatkarīgi no rases, pilsonības, dzimuma, amata, finansiālā stāvokļa, vecuma, pieredzas kādai organizācijā utt.; uz pacientu centrēta – sniedz aprūpi, kas ir viņam nepieciešama, respektē un ciena pacientus. Ikvienai veselības aprūpes iestādei šiem principiem ir jābūt saistošiem, regulāri ir jāuzrauga, jānovērtē un jāpilnveido sava darbība, tāda veidā nodrošinot arī veselības aprūpes nepārtrauktu kvalitātes pilnveidi (skat. 1. att.). Kvalitātes novērtēšana veselības aprūpē ir process, kurā izmanto datus, lai novērtētu veselības plānu un veselības aprūpes pakalpojumu sniedzēju sniegumu atbilstoši atzītiem kvalitātes standartiem. P. Sprath uzsver, ka kvalitātes pasākumi var būt dažādi, un šie pasākumi novērtē aprūpi visās veselības aprūpes

iestādēs struktūrvienībās, sākot no ārstu birojiem līdz attēlveidošanas iekārtām (Sprath2005).



1. attēls. Pilnveides process veselības aprūpē, izmantojot sešus augstas kvalitātes principus

Avots: Slomin, Pollack 2005

1. tabula

Kvalitātes novērtēšanas (mēru) veidi veselības aprūpē

Veids	Apraksts	Piemērs
1	2	3
Strukturālie mēriumi	Novērtē aprūpes apstākļu īpašības, tostarp telpas, personālu un / vai ar aprūpi saistīto politiku	Vai intensīvās terapijas nodaļai vienmēr ir pieejams reanimatologs? Stundu skaits dienā, kas pacientiem ir pieejams, lai veiktu magnētisko rezonansu.
Procesu mēriumi	Nosaka, vai pakalpojumi tiek sniegti pacientiem atbilstoši prasībām, klīniskajai praksei, regulām, iekšējiem kārtības noteikumiem	Vai ārsts nodrošina, ka pacienti saņem rekomendācijas par turpmākajām analīzēm, kuras būtu vēlams veikt? Vai medicīnas māsas regulāri uzlabo kvalifikāciju?
Rezultātu rādītāji	Novērtē pacienta veselības stāvokli saņemtās aprūpes rezultātā	Kāds ir pacientu izdzīvošanas rādītājs pēc infarkta? Vidējais ārstēšanas laiks.

1	2	3
Pacient pieredze (apmierinātība)	Sanēm atgriezenisko saiti no pacienta pēc aprūpes sanemšanas	Pacientu apmierinātības pētījums

Avots: *Sprath 2005*

P. Sprāts uzsver, ka struktūras pasākumi būtu jāuzskata par kvalitātes pasākumu kopuma galveno daļu, bet uz tiem nekad nevajadzētu paļauties kā uz vienīgo kvalitātes kritēriju. Procesa pasākumi tiek izmantoti, lai noteiktu, cik lielā mērā pakalpojumu sniedzēji konsekventi sniedz pacientiem specifiskus pakalpojumus, kas atbilst ieteiktajām aprūpes vadlīnijām. Šie pasākumi parasti ir saistīti ar procedūrām vai ārstēšanu, kas, kā zināms, uzlabo veselības stāvokli vai novērš turpmākās komplikācijas, vai veselības apstākļus. Rezultātu rādītāji ir vissvarīgākais rādītājs tieši pacientam, jo tie parāda cik pielietotās metodes ir bijušas efektīvas. Rezultātu rādītajus veselības aprūpes iestādēm ir svarīgi apkopot un analizēt arī gadījumos, kad nav sasniegts pilnīgs pacienta veselības stāvokļa uzlabojums, jo šādā veidā var analizēt un uzlabot pielietotās metodes, procesus.

R.A. Berensons, P.J. Pronovosts, H.M. Krumholzs, uzskata, ka pacient pieredze sniedz atgriezenisko saiti par pacientam sniegto veselības aprūpi, ieskaitot arī visus aprūpē iesaistīto starppersonu, metožu, medicīnisko tehnoloģiju u.c. aspektus. Dažādi pasaules veselības institūta pētījumi liecina, ka pozitīvai pacientu pieredzei ir tieša saistība ar veselības aprūpes kvalitāti: pacienti ar labāku aprūpes pieredzi bieži vien ir vairāk iesaistīti savas aprūpes procesā, ir labāka komunikācija, vairāk apņemas ievērot ārstēšanas plānus, vairāk uztverun saprot sev piemēroto medicīnisko palīdzību. Tāpēc pacientu pieredze kalpo kā viens no galvenajiem kvalitātes rādītājiem veselības aprūpē (Berenson, Pronovost 2013). Lai veselības aprūpes iestādes sasniegtu augstu kvalitāti ir nepieciešams ištenot 3 dimensijas (2. att.).

Visas šīs trīs 2. attēlā redzamās dimensijas, lai sniegtu kvalitatīvu veselības aprūpi, būtiski ietekmē veselības aprūpes darbinieki, ja viņiem nebūs pietiekošu zināšanu un pieredzes, tad nespēs sasniegt klinisko efektivitāti, ja darbinieki nebūs orientēti uz pacienta apmierinātību, pozitīvu attieksmi pret viņiem, vēlmi palīdzēt, tad pacienti būs neapmierināti, ja netiks ievērotas visas kliniskās metodes, iekšējie kārtības noteikumi un procesi, nebūs pietiekoša kvalifikācija, tad tas var ietekmēt pacientu veselības stāvokli.



2. attēls. Trīs dimensijas, lai sasniegtu augstas kvalitātes veselības aprūpi

Avots: *Quality in the New Health System. Maintaining and improving quality 2013*

Darbinieku profesionālās kompetences un to novērtēšana

Apskatot literatūras avotos jēdzienu “kompetence”, var secināt, ka tā tiek definēta dažādi. Autors K. Robičauks kompetenci definē kā spēju, saistību, zināšanu un prasmju kopumu, kas ļauj personai efektīvi darboties darbā vai situācijā. Autors K. Rasmusems kompetenci raksturo kā apmācības, prasmju, pieredzes un zināšanu kombināciju, kas piemīt personai un kura spēj to droši izmantot. Autores secina, ka kompetence kopumā norāda uz zināšanu un prasmju pietiekamību, kas ļauj kādam darboties dažādās situācijās. Tā kā katram atbildības līmenim ir savas prasības, kompetenci var noteikt jebkurā cilvēka dzīves periodā vai jebkurā darbinieka karjeras posmā. Kompetence ir noteikta, ņemot vērā konkrētas zināšanas, iezīmes, prasmes un spējas. Zināšanas ietver izpratni par faktiem un procedūrām. Īpašības ir personības raksturlielumi (piemēram, pašapziņa), kas individuālām dod priekšroku noteiktai rīcībai vai reakcijai. Prasme ir spēja veikt konkrētas darbības. Spējas ir tas, ko cilvēks ir pārņēmis vai ieguvis, izmantojot iepriekšējo pieredzi un veicot jaunus uzdevumus. Autors F.J. Landijs uzskata, ka spējas ir fundamentālākas un stabilākas par zināšanām un prasmēm. Medicīnā, līdzīgi arī kā citās nozarēs, kompetence ietver zināšanas, prasmes, spējas un iezīmes, tās galvenokārt tiek iegūtas veselības aprūpes izglītības iestādēs, kvalifikācijas celšanas pasākumos un darba procesā (Robichauc 2017). Kompetence ir galvenais

pakalpojumu sniedzēja darbības noteicošais faktors, kuru raksturo atbilstība dažādiem kliniskiem, nekliniskiem un starppersonu standartiem. Kompetences novērtēšana ir būtiska, lai noteiktu veselības aprūpes darbinieku spēju un gatavību nodrošināt kvalitatīvus pakalpojumus. Lai gan kompetence ir priekšnosacījums, lai veiktu darbu labi, periodiski novērtējot sniegumu, ir ļoti svarīgi noteikt, vai pakalpojumu sniedzēji izmanto savu kompetenci darbā. Pakalpojumu sniedzējam var būt zināšanas un prasmes, bet tās var tikt slikti izmantotas individuālu faktoru (spēju, iezīmju, mērķu, vērtību u.c.) vai ārējo faktoru dēļ (aprīkojuma, organizatoriskā atbalsta u.c.). Izpratne par veselības aprūpes pakalpojumu sniedzēju sliktu sniegumu cēloņiem ir ļoti svarīga, lai nodrošinātu kvalitatīvu veselības aprūpi. Slikta veikspēja ir zema kompetence un kompetences uzlabošana uzlabotu sniegumu. Autors M.J. Nortons uzsver, ka veselības aprūpes jomā tiek pielietotas dažādas kompetenču novērtēšanas metodes, tās ir jāizvēlas pēc iestādes specifikas, darbinieka darbības jomas un no faktoriem, kurus novērtēšanas metodes izmantošanas rezultāta vēlās iegūt. M.J. Nortons arī uzsver, ka visvairāk pielietotās kompetenču novērtēšanas metodes veselības aprūpes jomā ir: rakstiski testi, datorizēti testi, darba vadlīnijas (kliniskā prakse, vadlīnijas), darbību reģistrs, dažādas simulācijas, snieguma novērtējums, klientu apmierinātības pētījumi (Norton 2017). Viens no galvenajiem nosacījumiem izvēloties metodi vai metodes ir nepieciešamības pārskatīt pieejamos resursus un noteikt novērtēšanas biežumu. Kompetenču mērījumi palīdz novērtēt darba izpildes kvalitāti un palīdz arī saskatīt pilnveides iespējas, kā arī palīdz saskatīt tos darbiniekus, kuriem ir nepieciešami kompetences paaugstināšanas pasākumi, ja novērtēšanas rezultātu beigās ir saņemts zems vērtējums. Autors L.M. Spencers uzkata, ka visneefektīvākās kompetenču novērtēšanas metodes veselības aprūpes jomā ir dažādi rakstiski un datorizēti testi. Iepriekš minētais autors M.J. Nortons minēja, ka tieši šis ir vienas no pielietotākajām novērtēšanas metodēm, bet šo metožu rezultāts neparāda faktisko darba sniegumu, bet galvenokārt teorētiskās zināšanas. Autors L.M. Spencers uzsver, ka visefektīvākās novērtēšanas metodes ir tās, kas atspoguļo faktiskā darba izpildi un izpildes procesu un līdz ar to, veselības aprūpes jomā visefektīvākās novērtēšanas metodes ir dažādas simulācijas, darba novērtēšana pēc kliniskajam vadlinijām un standartiem, pacienta sasniegto rezultātu analīze. Jo lielāka ir saskaņotība starp metodi, ko izmanto, lai novērtētu kompetenci, un faktisko darbu, jo lielāka ir iespējamība, ka kompetences mērījums paredzēs darba izpildi, lai gan tas neno-

zīmē, ka labi paredzamie darba izpildes rādītāji ir vislabākie profesionālās kompetences rādītāji. Faktiski no darba izpildes ne vienmēr var izdarīt secinājumus par kompetenci. Sliktais darba izpildei var būt daudz citu iemeslu, ne tikai kompetences trūkums. Salīdzinot autoru M.J. Nortona un L.M. Spencera, kā arī starptautiskās vadlinijas “Standard, Interpretive Guidelines and Surveyor Guidance for Hospitals”(DNV GL) sniegtu informāciju par ārstniecības iestādēs izmantojamo darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas metodēm, var secināt, ka tās ir vairākas, līdz ar to pašai ārstniecības iestādei ir jaizvēlas sev piemērotākā, lai no tās iegūtu maksimāli daudz nepieciešamās informācijas. Lai izvēlētos piemērotāko kompetenču novērtēšanas metodi, tiek vērtētas šo metožu priekšrocības un trūkumi (skatit 2. tab.).

2. tabula
Kompetenču novērtēšanas metožu salīdzinājums

	Novērtēšanas metodes							
	Darba paraugi	Darbību simulācija	Anatomiskie modeļi	Klīnisko situāciju testešana	Medicīnisko ierakstu pārbaude	Datorizēti testi	Rakstiski testi	Darbības rezultātu novērtējums
Priekšrocības								
Pietuvināta reālai situācijai	X	X		X				
Novērtē 1 vai vairākas kompetences	X	X		X		X	X	
Var ziņot pacents	X	X	X					
Atkārtojama		X		X	X	X	X	
Novērtē pilnu kompetenču klāstu	X	X	X				X	
Trūkumi								
Jāgaida kāda konkrēta situācija		X						
Nepieciešami lieli resursi		X		X		X		
Prasa apmācītus vērtētājus	X	X	X		X			
Iespējama neobjektivitāte							X	

Avots: Norton 2017

Kā redzams 2. tabulā, nav viena labākā kompetenču novērtēšanas modeļa, ko varētu pielietot veselības aprūpes iestādē, katrai no tiem ir kādi plusi un mīnusi, līdz ar to ir svarīgi saprast, ko veselības aprūpes iestāde, izmantojot kādu no metodēm, vēlas iegūt, un cik precīzus datus ar izmantoto metodi ir iespējams iegūt. Kā arī izmantotā metode ir atkarīga no veselības aprūpes iestādes specifikas, lieluma un pieejamajiem resursiem. Darbinieku profesionālā kompetence ir jānovērtē, lai zinātu cik lielā mērā tā atbilst veicamā darba izpildei, kā arī lai uzzinātu kādas kompetences ir nepieciešamas, vai nepieciešams uzlabot, lai darbinieks veiktu maksimāli efektīvi savu darbu izpildī un ar savu neprofesionalitāti neietekmētu veselības aprūpes kvalitāti.

Veselības aprūpes darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modelis

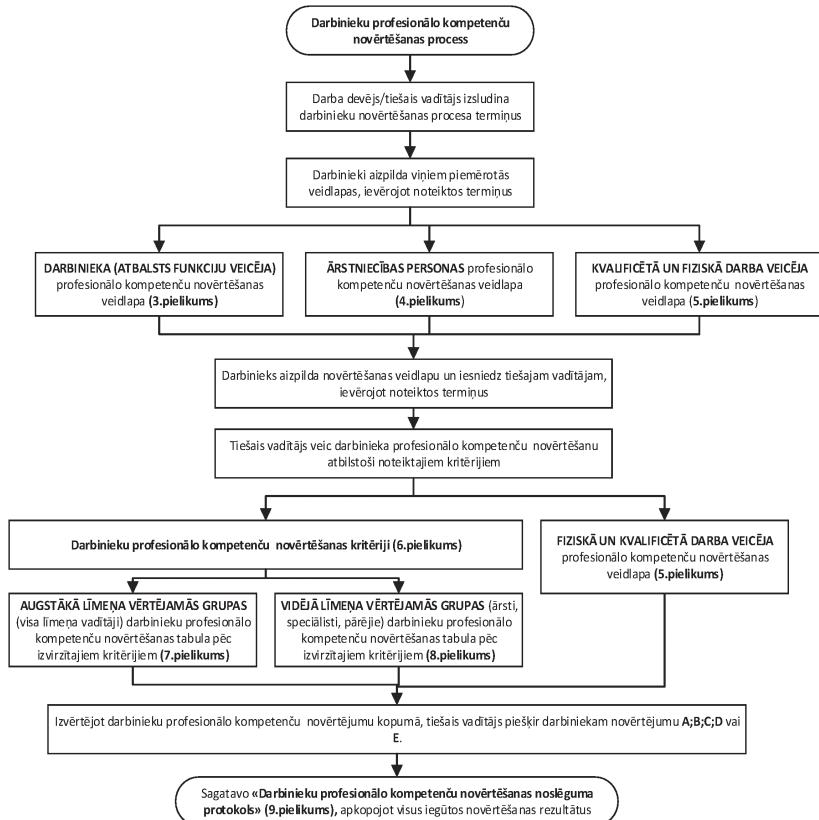
Bibliogrāfijas analīze parāda, ka par darbinieka profesionālo kompetenci ir atbildīgs ne tikai iestādes vadītājs, bet arī veselības aprūpes iestādes personāla pārvaldības nodalā, kā arī darbinieks tiešais vadītājs un pats darbinieks. Nav pieejama informācija, cik daudzās no Latvijā esošajām veselības aprūpes iestādēs darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšana notiek, tomēr literatūras avotos, standartos un vadlīnijās, kas apskatītas iepriekš, norāda, ka darbinieku novērtēšana veselības aprūpes iestādēs ir nepieciešama, lai nodrošinātu pacientu drošību, mazinātu kļūdas, kas radušās cilvēka nekompetences dēļ, un sniegtu kvalitatīvu veselības aprūpes pakalpojumus. Autores izmanto fokusa grupas diskusijas metodi, lai kvalitatīvi izvērtētu veselības aprūpes iestādē darbojošos darbinieku viedokli par darbinieku profesionālās kompetences novērtēšanu viņu iestādē, to nepieciešamību (vai tā tiek veikta, ar kādu no novērtēšanas metodēm) un kompetencēm, kuras būtu nepieciešams izvērtēt. Diskusijā piedalījās 15 veselības aprūpes iestādē nodarbinātie darbinieki, kas ir nodaļu/struktūrvienību vadītāji, darbinieki no personāla nodaļas, veselības aprūpes iestāžu vadītāji un viņu vietnieki. Paralēli fokusa grupas diskusijai tika veikta anketēšana, iegūstot 683 respondentu aizpildītās aptaujas anketas ārstniecības iestādē (kopumā tika izplatītas 1000 anketas ārstniecības iestādē), kas kvantitatīvi ļauj noskaidrot pacientu viedokli par saņemtā pakalpojuma negatīvajiem un pozitīvajiem faktoriem, par darbinieku attieksmi pret pacientiem un saņemtā pakalpojuma kvalitāti. Anketēšanas mērķis ir noskaidrot, vai darbinieku profesionālās kompetences ietekmē veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti. Anketa sastāvēja

no 10 jautājumiem, jautājumos tika noskaidrots, vai pacienti ir apmierināti ar darbinieku attieksmi, saņemto informāciju par viņu veselības stāvokli, vai tā bija saprotama, pietiekama, vai darbinieki orientējas pacienta veselības stāvokļa izmaiņās, dokumentācijā, procedūru grafikos, vai starp pacientu un veselības aprūpes darbinieku ir efektīva, saprotama komunikācija, komunikācija notiek pacientam vēlamā un saprotamā valodā. Kā arī pacientiem tika jautāts izteikt viedokli par personāla zināšanām, amata pienākumu veikšanu, ētikas normu ievērošanu saskarsmē ar pacientu, un saņemto ārstēšanas rezultātu. Aptaujas beigās pacientiem tika lūgts novērtēt saņemtā veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti kopumā.

Pēc iepriekš izpētītās literatūras avotos pieejamās informācijas un fokusa grupas diskusijas procesā iegūtajiem datiem, tiek izvēlēta viena no kompetenču novērtēšanas metodēm – darbības rezultātu novērtējums. Līdz ar to, lai veiksmīgi varētu novērtēt veselības aprūpē strādājošo darbinieku kompetenci un spriest par darbiniekam nepieciešamajām kompetencēm, autore izstrādā darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modeli. Šo modeli varēs pielietot visiem veselības aprūpē strādājošiem darbiniekiem, gan ārstniecības personām, gan administratīvajiem darbiniekiem un tas ir veidots pēc modeļa, ko fokusa grupas diskusijas laikā atzina par labāko. Darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modeļa mērķi: novērtēt darbinieka darba izpildi atbilstoši novērtēšanas kritérijiem; novērtēt darbinieka profesionālo kompetenci atbilstošā darba veikšanai; noteikt darbinieku mācību un profesionālās izaugsmes iespējas, lai uzlabotu un sekmētu darbinieku darbību veselības aprūpes iestādē kopīgo mērķu sasniegšanā un funkciju izpildē; noteikt uz rezultātu sasniegšanu vērstus uzdevumus, kas atbilst struktūrvienības/nodaļas un veselības aprūpes iestādes mērķiem; nodrošināt amata aprakstu aktualitāti; veicināt darbinieka iesaistīšanos veselības aprūpes iestādes darbības efektivitātes uzlabošanā; ietekmēt darbinieka motivāciju, radot iespēju un apstākļus noskaidrot, kas ir svarīgākais veselības aprūpes iestādē un darbiniekam, un palīdzēt kopīgi izveidot plānu, kā to sasniegt; piedāvāt virzienus sarunai starp darbinieku un viņa tiešo vadītāju par darba izpildi un nodrošināt regulāru atgriezenisko saiti. Darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modelis tiek izstrādāts, par piemēru nemot arī avotus “Kompetenču rokasgrāmatas analīze”, Kompetenču vārdnīca” (Vintiša 2011) un “Darba izpildes plānošanas un vērtēšanas rokasgrāmata”(Vintiša, Kalviņa 2011).

Izstrādātais darbinieku kompetenču novērtēšanas modelis sastāv no autoru izveidotām darbinieku veidlapām, novērtējuma veicēju veidlapām, kompetenču novērtēšanas kritērijiem un novērtēšanas skalām. Izstrādātais modelis tiešajam vadītājam, personāla vadības speciālistiem un pašiem darbiniekiem dod iespēju novērtēt darbinieka profesionālās kompetences kvantitatīvi – iegūtais rezultāts tiek izteikts kā iegūto punktu summa izvērtēšanas rezultātā, turklāt ir iespējams redzēt skaitliskā izteiksmē, kurās kompetences ir visaugstāk novērtētas, kurās viszemāk. Modelis paredz darbinieku kompetences novērtēšanai izmantot 3 veidlapu veidus: darbinieka (atbalsta funkciju veicēja) kompetenču novērtēšanas veidlapu (piem., grāmatvedis, sekretārs, lietvedis), ārstniecības personas profesionālo kompetenču novērtēšanas veidlapa (piem., medicīnas māsa, galvenā medicīnas māsa, kīrurgs), kvalificētā un fiziskā darba veicēja kompetenču novērtēšanas veidlapa (piem., elektriķis, sanstehniķis, apsargs, paligstrādnieks, apkopējs). Veidlapa sastāv no 3 daļām. Pirmajā daļā darbiniekam ir jānorāda informācija par sevi – vārds uzvārds, ieņemamais amats, sertifikāti specialitātē (t.sk. diploms), struktūrvienība, kurā nodarbināts un tiešā vadītāja vārds, uzvārds un ieņemamais amats. Veidlapas 2. daļā darbinieks veic darbības rezultātu analīzi, kurā ietilpst darbinieka novērtējums par iepriekšējā periodā izvirzītajiem mērķiem un plāniem. Pēdējā – trešajā novērtēšanas veidlapas sadaļā, darbinieks veic savu darbības pašnovērtējumu. Kvalificētā un fiziskā darba veicējiem 2 veidlapas daļā, atšķirībā no pārējām divām darbinieku kategorijām, tiek veikta novērtēšana pēc sekojošiem iepriekš izvirzītajiem vērtēšana kritērijiem – zināšanas un prasmes, darba kvalitāte, vadītāja norādījumu izpilde, attieksme pret darbu lojalitāte, psiholoģiskā noturība un disciplīna.

Pēc fokusa grupas diskusijas iegūtajiem rezultātiem un literatūras avotos iegūtās informācijas, kā arī ņemot vērā veselības aprūpes iestādes darba specifiku, tika izstrādāti darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas kritēriji ar kuru palīdzību ir iespējams novērtēt veselības aprūpes darbiniekus. Pēc šiem kritērijiem tiek vērtēti darbinieki, kuri aizpilda darbinieka (atbalsta funkciju veicēja) profesionālo kompetenču novērtēšanas veidlapu un ārstniecības personas profesionālo kompetenču novērtēšanas veidlapu. Vadītājiem (visa līmeņa vadītājiem, gan ārstniecības personām, gan atbalsta funkciju veicējiem), kuru pakļautībā atrodas darbinieki, profesionālās kompetences tiek vērtētas pēc sekojošiem 7 profesionālās kompetences kritērijiem – personāla vadības prasmes, sadarbības un komunikācijas prasmes, plānošana un kontrole, orientācija uz attīstību, profesionālās zināšanas, ētiskums, tiesiskums un lojalitāte, darba izpilde.



3. attēls. Darbinieku profesionālo kompetenču novērtēšanas modelis

Avots: autoru izstrādāts

Aptaujas dati tika grupēti un analizēti pēc sniegtajām pacientu atbildēm, ja anketā visi jautājumi, kuros tika jautāts par darbinieku profesionālajam kompetencēm tika atzīmēti ar ļoti labi, labi un jā, tad atbildes uz jautājumu par ārstēšanas rezultātu ir šādas: 95% to vērtē kā labu un ļoti labu un 5% kā apmierinošu, savukārt saņemtā veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti 99% respondentu vērtēja kā labu un ļoti labu un 1% kā apmierinošu. Apkopojoši to respondentu atbildes, kuri uz 1–2 jautājumiem par darbinieku profesionālo kompetenci ir atbildējuši ar negatīvām atbildēm – daļēji, nē, slikti, ļoti slikti, atbildes uz jautājumu par ārstēšanas rezultātu ir šādas: 90% respondentu to vērtē kā labu un ļoti labu un 9% kā apmierinošu.

rinošu un 1% kā sliktu, ļoti sliktu, savukārt saņemtā veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti 85% respondentu vērtēja kā labu un ļoti labu, 12% kā apmierinošu un 3% kā sliktu, ļoti sliktu. Savukārt respondenti, kuri uz 3–6 jautājumiem par darbinieku profesionālo kompetenci ir atbildējuši ar negatīvām atbildēm – daļēji, nē, slikti, ļoti slikti, ārstēšanas rezultātu ir vērtējuši šādi: 85% respondentu to vērtē kā labu un ļoti labu un 11% kā apmierinošu un 4% kā sliktu, ļoti sliktu, savukārt saņemtā veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti 63% respondentu vērtēja kā labu un ļoti labu, 21% kā apmierinošu un 16% kā sliktu, ļoti sliktu. Apkopojot aptaujas datus, novērojama tendence, ka pasliktinoties pacientu viedoklim par darbinieku profesionālajām kompetencēm, pasliktinājās ne tikai viedoklis par pacientu ārstniecības rezultātiem, bet arī papasliktinājās viedoklis par veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti kopumā. Darbinieku profesionālās kompetences būtiski ietekmē veselības aprūpes pakalpojuma kvalitāti, līdz ar to darbinieku profesionālās kompetences ir jānovērtē obligāti un novērtēšanai ir jānotiek regulāri.

Bibliogrāfija

- Berenson R.A., Pronovost P.J., Krumholz H.M. (2013, May) Achieving the Potential of Health Care Performance Measures. *Timely Analysis of Immediate Health Policy Issues*, Washington: Urban Institute. pp. 3–31.
- DNV GL international helthcare standarts. *Standard “Interpretive Guidelines and Surveyor Guidance for Hospitals*. Available at: <https://www.dnvgi.us/assurance/healthcare/standards/niaho-ac-dl.html> (accessed on: 8 April 2019)
- Landy F.J. (1985) *Psychology of Work Behavior*. 3rd edition. Homewood (Illinois), The Dorsey Press.
- Norton M.J. (2017) *Transforming Medical Library Staff For the Twenty – First Century*. London, Rowman & Littlefield.
- Rassmusem K. (2017) *Handbook of Reaserch of on Competency – Based Education in University Setting*. United States of America, IGI Global.
- Robichauc K. (2017) *Ethical Competences in Nursing Practices*. New York, Springer Publishing Company, Inc.
- Spencer L.M. (2004) *Competency assessment methods*. Boston: Hay/McBer Research Press.
- Vintiša K. *Kompetenču rokasgrāmatas analīze*. Pieejams: https://www.mk.gov.lv/sites/default/files/editor/rokasgramatas_analize_15032011.pdf (skat. 15.03.2019).
- Vintiša K. *Kompetenču vārdnīca*. Pieejams: <https://nevis.mk.gov.lv/Uploads/CompetenceDictionary.6310fce38bd842a3b5a769030b30042a.pdf> (skat. 10.03.2019).

Vintiša K., Kalviņa A. *Darba izpildes plānošanas un vērtēšanas rokasgrāmata.*
Pieejams: <https://nevis.mk.gov.lv/Uploads/EvaluationManual.e2754c1ba99d4480a522f515f9e07ba2.pdf> (skat. 10.03.2019).

Assessing the Professional Competencies of Employees to Provide Quality Health Care Services

Summary

The authors find solutions to assess employee professional competencies in the health care institution by studying and analyzing the information available in the literature on the professional competencies of employees, their evaluation and the impact on the quality of services. As a result of the research, a model for assessing the professional competencies of employees is developed to assess all health care workers and thus to provide quality health care services.

Key words: competencies, competence assessment, quality assurance, health care services.

Ольга Волкова (Латвия)

ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В Латвийской системе здравоохранения особенно актуально обсуждение недостаточного финансирования отрасли и вытекающих из этого проблем с доступностью медицины. Однако, целесообразно обратить внимание и на неэкономические факторы неравенства в этой сфере. В современных условиях неоспорима важность информации как ресурса, в том числе и на рынке медицинских услуг. В статье обсуждается проблема информационного неравенства как одного из наиболее существенных барьеров доступной медицинской помощи. Обосновывается важность информированности и грамотности населения в вопросах здравоохранения, рассматриваются такие явления, как информационная асимметрия, медицинская грамотность, информационная инфраструктура, прозрачность цен. В качестве основного фактора информационного неравенства проанализировано качество институтов.

Ключевые слова: информационное неравенство, медицинская грамотность, прозрачность цен, институциональная среда.

Многочисленные научные исследования и статистические показатели свидетельствуют о возрастающем неравенстве в здравоохранении (Волкова 2018). Особенно актуальна проблема финансовой доступности медицинского обслуживания, стоматологической помощи и лекарственных средств. Так, в 2017 году почти 10% жителей ЕС, чьи доходы выше 60% медианного эквивалентного дохода¹, отметили, что испытывают большие финансовые трудности с оплатой услуг здравоохранения. Среди тех европейцев, чьи доходы ниже 60% медианного эквивалентного дохода, здравоохранение является серьезным финансовым бременем для 19% домохозяйств. В Латвии ситуация еще более драматичная – 23% домохозяйств с высокими доходами и 46% домохозяйств с низкими доходами констатируют высокое финансовое бремя медицинского обслуживания (Eurostat 2020).

Немаловажной причиной социально-экономического расслоения, а вместе с тем и финансового неравенства в здравоохранении является переход к информационному обществу, когда информация

¹ Используемый Евростатом метод анализа бедности, опирающийся на распределение доходов домохозяйств как эквивалентных единиц.

превращается в основной ресурс, а индустрия знаний – в доминирующий сектор экономики. Здравоохранение представляет собой рынок доверительных благ, в котором информацией владеют производители услуг, а потребители знают о них меньше, поэтому информационная открытость, как считают специалисты, даёт людям новые возможности влияния наприменение решений и выбор приоритетов (Savel'eva, Kuznecova, Muharyamova 2017).

Осведомленность о системе здравоохранения влияет на способность человека получать доступ к медицинскому обслуживанию через точки доступа, способные освободить его от чрезмерных сборов (Israel 2016). Лица с личными барьерами в доступе к информации, такими как низкий уровень образования или языковые барьеры, могут иметь проблемы с управлением и принятием решений о получении медицинской помощи.

В работе (Ensor, Cooper 2005) среди барьеров спроса на медицинские услуги особое внимание уделяется не только стандартным экономическим показателям, таким как доходы домохозяйства и цены на услуги, но и подчёркивается важность образования и информированности населения. Авторы считают, что для преодоления барьеров финансовой доступности здравоохранения необходимо корректировать недостатки рынка, возникающие из-за неверной, неадекватной или асимметричной информации.

Медицинские услуги характеризует особый вид неопределенности. Она различна для разных сторон – принципала и агента – и выражается в информационном неравенстве, причем обе стороны осведомлены об этом неравенстве. Эта особенность заключается в неравномерном распределении информации между врачом и пациентом о виде и качестве предоставленной услуги (Maksimova-Lad'ina 2011).

Информационная асимметрия является одной из наиболее характерных особенностей систем здравоохранения. Асимметрия информации (анг. *asymmetric information*), называемая также несовершенной информацией, неполной информацией – это неравномерное распределение информации о товаре между сторонами сделки. В последние годы в здравоохранении наблюдается улучшение доступа к информации, поскольку ее все чаще можно найти в средствах массовой информации и в Интернете. Тем не менее, эксперты отмечают, что информации из достоверных источников мало, особенно о качестве медицинской помощи (Mitenbergs и.с. 2012).

К. Эрроу в статьях «Экономика благосостояния и аллокация ресурсов для изобретений» (1962) и «Неопределенность и экономика благосостояния в здравоохранении» (1963), а позднее в книге «Очерки по теории принятия рискованных решений» (1971), исследовал роль неопределенности и информации в экономике в контексте проблемы провалов рынка. Эрроу выделил два особых случая таких провалов. Первый – исследования, одна из главных форм производства информации. Здесь продукт имеет не только необычные свойства как товар, но и подвержен возрастающей отдаче в потреблении, так как новые идеи, однажды разработанные, могут использоваться снова и снова, не будучи израсходованными. Кроме того, существуют трудности рыночного контроля, поскольку затраты воспроизведения намного меньше, чем производства. Второй – информационное неравенство, когда одна из сторон в сделке – либо продавец, либо покупатель – обладает большим количеством информации, чем другая. Эрроу рассмотрел информационное неравенство на примере медицинского обслуживания и страхования. Пример ситуации, когда продавец знает больше покупателя и пользуется этим, – назначение избыточного лечения. Пример обратной ситуации, когда покупатель знает больше, чем продавец, – страхование жизни (Arrow 1963). После того, как Эрроу впервые рассмотрел вопросы асимметричной информации многими авторами обсуждалось влияние асимметричной информации на качество и стоимость медицинских услуг (Major 2019).

В латвийской системе здравоохранения имеются доказательства существования неравенства доступа к информации, жители Латвии считают, что недостаточно осведомлены о своих правах на медицинскую помощь. В исследовании об удовлетворенности пациентами услугами здравоохранения (Putniņa, Brants 2018) констатировано, что пациентам не хватает элементарной информации. Например, только 36% респондентов указали, что они знают или частично знают, как можно использовать информацию об оплачиваемом государством здравоохранении для получения более быстрого сервиса.

Проблему информационного неравенства подчеркивает также министр здравоохранения Латвии Илзе Винкеле в статье «Отношения пациента и врача – начальник и подчиненный или партнеры по сотрудничеству?» (*Pacienta un ārsta attiecības – priekšnieks un padotais vai sadarbības partneri?*) (Vinķele 2019). Хотя асимметрия информации всегда в какой-то степени присутствует в отношениях между врачом и пациентом, в Латвии актуальна проблема неудовлетворенности

населения медицинским обслуживанием из-за плохого качества коммуникации между ними. Министр считает, что решение проблемы информационного неравенства должно быть комплексным, подчеркивает важность непрерывной информированности населения по медицинским вопросам, необходимость достичь удовлетворенности медицинских работников путем повышения их оплаты труда, значимость повышения компетенций медицинского персонала, касающихся прав пациентов, использованию новых технологий и др., а также предлагает рассмотреть вопрос о воссоздании институции омбудсмена для защиты прав пациентов, разрешению конфликтов и неопределенностей, что также может способствовать эффективному общению между лицами, участвующими в здравоохранении.

Итак, информированность, просвещение населения в медицинских вопросах, на чем акцентирует внимание И. Винкеле, можем охарактеризовать понятием «медицинская грамотность».

Медицинская (санитарная) грамотность (анг. *health literacy*) – термин, введенный в 1970-х годах и приобретающий все большее значение в области общественного здравоохранения и медицинской помощи. Она связана со способностью населения удовлетворять комплексные потребности в охране здоровья (Sørensen et al. 2012). Хотя важность медицинской грамотности все в большей степени признается экспертами, нет единого мнения относительно ее определения и концептуальных аспектов, что ограничивает возможности для измерения и сравнения. В отчетах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) используется широкое определение, предложенное в 2012 г. Европейским консорциумом по медицинской грамотности: медицинская грамотность связана с общей грамотностью и подразумевает наличие у людей знаний, мотивации и умений, необходимых для получения, понимания, оценки и применения медицинской информации с тем, чтобы выносить собственные суждения и принимать решения в повседневной жизни, касающиеся медико-санитарной помощи, профилактики заболеваний и укрепления здоровья, для поддержания или улучшения качества жизни на всех ее этапах (WHO 2013).

На данный момент недостаточно достоверных статистических данных о санитарной грамотности жителей во всех странах (WHO 2020). До недавнего времени большая часть фактических данных поступала из Соединенных Штатов Америки и относилась главным образом к функциональной санитарной грамотности людей (т.е. к

способности людей читать и понимать элементарную информацию, касающуюся здоровья) и отслеживанию хронических заболеваний.

В 2011 году консорциумом *European Health Literacy Project* проводилось Европейское сравнительное исследование медицинской грамотности населения (HLS-EU), в котором приняли участие более 8 тыс. респондентов в восьми государствах – членах ЕС (Австрия, Болгария, Германия, Греция, Ирландия, Нидерланды, Польша, Испания). Исследование выявило недостаточную или проблематичную грамотность в вопросах здоровья почти у половины респондентов (WHO 2013). Используя оценки по 47 показателям, был составлен Общий индекс медицинской грамотности. Средние показатели медицинской грамотности значительно различались между странами, с разницей в 6,56 балла (стандартизированная средняя разница = 0,80) между странами с самыми высокими (Нидерланды) и самыми низкими (Болгария) средними показателями медицинской грамотности. В подгруппах населения, определяемых финансовыми депривациями, низким социальным статусом, низким уровнем образования или пожилым возрастом, были более высокие доли людей с ограниченной медицинской грамотностью, что предполагает наличие социального градиента (Sørensen et al. 2015).

Сбор данных Европейского исследования медицинской грамотности основывался на стандартах Евробарометра с применением специального опросника (HLS-EU-Q), который широко используется в исследованиях медицинской грамотности и в других странах. В последующие годы 18 стран ОЭСР измеряли уровень медицинской грамотности населения, используя приспособленные формы инструментария HLS-EU, а также опросы населения об общих навыках (*general skills surveys*) и оригинальные исследования (Moreira 2018). В большинстве, проводивших опросы стран наблюдался низкий уровень медицинской грамотности – более чем у половины жителей. Так как использовались данные различных обследований, невозможно провести межстрановое сравнение по этому показателю.

В Латвии медицинская грамотность населения исследовалась в рамках проекта «Мастерство жизни и информационная грамотность» (*Dzīves meistarība un informācijpratība*) в 2015–2016 годах (Holma 2017). Результаты исследования показали, что значительная часть латвийцев (каждый третий) считает, что их информационная грамотность и жизненные навыки в области здравоохранения – особенно

неудачные и их необходимо улучшить как на личном, так и на общественном уровне.

В современных условиях важной задачей является способность пациентов понимать и ориентироваться в огромном количестве медицинской информации, оценивать достоверность и источник информации, а также понимать медицинские термины. Существенную помощь в процессе восприятия и понимания информации оказывает интернет (Holma 2017). Частота использования электронных ресурсов для поиска медицинской информации служит показателем при оценке информационной инфраструктуры здравоохранения, в том числе и крайне важной на сегодняшний день – цифровой грамотности населения, представляющей набор навыков и компетенций для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета (Menshikov, Volkova 2019).

Например, субиндекс «Европейского потребительского индекса здоровья» (EHCI / *EuroHealth Consumer Index*) «Права пациентов и информация» включает в себя различные показатели, касающиеся степени обеспеченности пациентов медицинской информацией и использования системы э-здравоохранения. Из всех стран ЕС Латвия занимает 16 место. Лидеры – Нидерланды, Эстония и Дания (Health Consumer Powerhouse 2019).

Аналогичная позиция Латвии и в другом рейтинге – 17-е место в ЕС по уровню развития цифровой экономики и общества, о чем свидетельствует опубликованный Еврокомиссией цифровой экономики и общества (DESI / *Digital Economy and Society Index*) 2019 года (European Commission 2019). Индекс DESI представляет собой сводный индекс, обобщающий соответствующие показатели по эффективности цифровых технологий в Европе и отслеживающий прогресс государств-членов ЕС в области цифровой конкурентоспособности, учитывая пять основных параметров: доступность высокоскоростного интернета, цифровые навыки населения, использование цифровых технологий в бизнесе, а также цифровые общественные услуги (такие как электронное правительство и электронное здравоохранение).

Среди суб-индексов DESI есть также показатели, напрямую касающиеся использования ИКТ в здравоохранении. Показатель электронное здравоохранение представляет собой процентную часть жителей государства, пользующихся услугами э-здравоохранения. По данному показателю Латвия на 18-ом месте (14%). Эстония и Финляндия –

лидеры рейтинга – 49% населения этих стран в 2019 году пользовались услугами электронного здравоохранения. (European Commission 2019).

Итак, данные глобальных и европейских рейтингов свидетельствуют о том, что в Латвии недостаточно развита информационная инфраструктура и есть к чему стремиться. Соседняя Эстония со схожими с Латвией социально-экономическими показателями достигла гораздо большего успеха в развитии информационной среды.

Опыт внедрения и использования цифровой медицины в Латвии и комплекс, связанных с данным процессом проблем обсуждался в статье «*Digitalization for increased access security to healthcare services in Latvia*» (Menshikov, Volkova 2019). Авторы выделили многочисленные факторы, отрицательно влияющие на развитие системы электронного здравоохранения: относительно медленное создание и внедрение системы э-здравоохранение, несущее экономические и социальные потери и издержки; низкое качество работы управленцев и проектировщиков системы; отсутствие целенаправленной работы по ликвидации и недопущению экономических и социальных потерь; отсутствие направленности организаторов здравоохранения на своевременное использование передового мирового опыта в медицине, юридической практике и технологиях.

Наиболее сильно информационное неравенство проявляется на доступности лекарственных препаратов. По разным причинам рынок для лекарственных препаратов не совсем сравним с обычным рынком с конкуренцией между производителями других предметов потребления, где критически оценивающий товары индивидуальный покупатель обычно в состоянии добиться соответствия качества товаров и услуг уплаченной за них цене. Неспособность потребителя судить о достоинствах лекарства, тот факт, что взгляды больного могут основываться на оптимизме, а не на строгой логике, и то, что выбор медикаментов всегда зависит от третьей стороны (врача), искаивает рыночную конъюнктуру (Dukes et al. 2003).

Контроль за ценами и другие меры по сдерживанию затрат на лекарственные средства могут рассматриваться как способы справиться с проблемой расходов на лекарственные препараты. Однако с учетом усиливающегося процесса старения населения и сильнейшего коммерческого давления, оказываемого на врачей, назначающих лекарства, а также во все большей степени и на общество при появлении

на рынке новых лекарств, эти формальные меры не всегда настолько эффективны, насколько этого желали бы власти (Dukes et al. 2003).

Продолжает расти число новых лекарственных средств, внедряемых в Европейском регионе, в частности препаратов для лечения хронических болезней. Фармацевтические компании зачастую стремятся устанавливать более высокие цены на новые препараты, чем на уже давно используемые, для того чтобы вернуть средства, вложенные в научные исследования и разработку. Правительствам становится все труднее угнаться за ростом цен, сохраняя при этом баланс между доступностью и затратоэффективностью. Правительства по всему Европейскому региону сталкиваются с одними и теми же проблемами, но страны с низким и средним уровнем доходов, где механизмы регулирования менее развиты и системы здравоохранения более слабы, вынуждены преодолевать даже более серьезные трудности (WHO 2015).

Равенство при доступе к лекарственным средствам продолжает оставаться основной ценностью во многих европейских странах (WHO 2015). Вопросы справедливого ценообразования и доступа к лекарственным препаратам все чаще обсуждаются экспертами. Как известно, окончательную цену лекарственного препарата создают наценки производителя, наценки торговцев, а также налоги. Низкие закупочные цены на медикаменты не всегда приводят к низким ценам для пациентов (Cameron et al. 2009). Определенные лекарства почти всегда продаются с существенными торговыми наценками, при огромном разбросе цен в разных странах. Значительное ценовое разнообразие наблюдается даже в странах с высоким уровнем доходов. Отчет ВОЗ 2017 года показал, что стоимость производства большинства лекарств из его перечня основных лекарственных средств составляла небольшую долю от окончательной цены (WHO 2019).

По данным ВОЗ, на медикаменты приходится 20–60% расходов на здравоохранение в странах с низким и средним уровнем доходов и около 18% – в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (WHO 2015). Латвия относится к числу стран ЕС с наиболее высокой долей расходов на медикаменты из общих расходов на здравоохранение – в 2017 году этот показатель составил более 27% (Eurostat 2020). По данным опроса EU SILC 2017, 30% жителей Латвии испытывали большие финансовые трудности с оплатой медикаментов, а около 40% признали, что приобретение лекарств стало для них обременительным в некоторой степени (Centrālās statistikas pārvaldes datu bāze 2017).

Цены на лекарства в Латвии и их доступность – предмет многочисленных дискуссий (Seržāne 2019). Например, сравнивая цены в Балтийских государствах Латвии, Литве и Эстонии, можно констатировать, что в Латвии они гораздо выше (Ričika 2019). В 2019 году латвийский совет по конкуренции провел исследование – сравнил цены на самые популярные компенсируемые и некомпенсируемые государством медикаменты в Латвии, Литве и Эстонии и пришел к выводу, что механизм образования цен на лекарства в Латвии на тот момент был самый неблагоприятный в странах Балтии (Latvijas Sabiedriskie Mediji 2019). Наиболее существенные различия в структуре цен связаны с наценками оптовиков и аптек, а также с НДС, который в Латвии для лекарств составляет 12%, в Эстонии – 9%, а в Литве – 5% (данные 2019 года). В Латвии стоимость медикаментов формируется путем применения оптовыми торговцами процентной наценки к установленной производителем цене, а затем применения аптеками наценки к установленной оптовиками цене.

Как отмечают представители Министерства здравоохранения Латвии, на сегодняшний день ведется работа над пересмотром принципов ценообразования на рынке лекарств (МК Латвия 2020). Также планируются реформы для создания более прозрачной и открытой системы с целью сделать медикаменты более доступными для пациентов. Правительство уже приняло поправки к процедуре выписывания компенсируемых лекарств – с 2020 года врач, выписывая компенсируемый медикамент, в рецепте должен указывать международное название лекарства или название активного вещества, а в аптеке пациенту должны выдавать самый дешевый медикамент.

Представители ВОЗ признают, что проблема ценообразования стала глобальной, поскольку доступ ко многим препаратам ограничен из-за высоких цен. Пути решения проблемы – прозрачность цен, а также активное использование дженериков². Данные о затратах на производство лекарств не являются общедоступными, а системы здравоохранения имеют ограниченные переговорные возможности, когда лекарство продается в условиях монополии. Эксперты подчеркивают, что содействие надлежащему и качественному использова-

² Дженерик (анг. *generic*) – лекарственное средство, содержащее химическое вещество – активный фармацевтический ингредиент, идентичный запатентованному компанией-первоначальным разработчиком лекарства.

нию лекарственных средств должно быть явной и ключевой целью всех национальных и институциональных стратегий и программ в области фармацевтики, клинической медицины и образования во всех странах (Wirtz et. al. 2016).

Для борьбы с катастрофическими расходами на лекарства Национальная служба здравоохранения Латвии в 2011 году организовала социальную кампанию «Лечись, не переплачивая» (*Arstējies nepār-maksājot*). Цель кампании – углубленно информировать и осведомлять пациентов о возможностях приобретения более дешевых медикаментов с такой же эффективностью, как и у дорогих препаратов. Как отмечают представители Национальной службы здравоохранения, – каждый год латвийцы переплачивают несколько миллионов евро за дорогие лекарства, у которых есть более дешевая альтернатива (LETA 2014).

Следует отметить, что в последние годы значительно увеличилось количество информативных материалов для латвийцев, призывающих делать выбор в пользу менее дорогих аналоговых лекарственных препаратов. На сайте Госагентства лекарств www.zva.gov.lv/zalucenas можно проверить наличие медикаментов, аналогичных выписанным врачом, и выбрать наиболее дешевый. Однако, как свидетельствуют результаты исследования (Mežinska, Poplavska, Salmane-Kuļikovska, Čeha 2015), наиболее значимые факторы, влияющие на выбор пациентом конкретных препаратов – это рекомендации врача, предыдущий опыт, цена лекарства и рекомендация фармацевта. Сравнительно небольшое влияние имеет информация, опубликованная в средствах массовой информации.

Прозрачность цен имеет теоретическое обоснование с точки зрения развития институционализма. Если классическая экономическая теория рассматривала формирование цен с позиций производителя, то неоклассическая теория рассматривает ценообразование и с позиций потребителя (спрос), и с позиций производителя (предложение). Неоклассические модели рынка предполагают полноту информации, которой обладают индивиды в момент осуществления выбора. Причем один из постулатов неоклассической теории гласит, что вся необходимая информация о состоянии рынка содержится в ценах, а обладание информацией о равновесных ценах позволяет участникам обмена совершать сделки в соответствии со своими интересами (Blaug 1985). Сторонники теории институционализма допускали, что клю-

чевой проблемой в экономическом обмене является информационная асимметрия, то есть ограниченность информации, которой обладает одна из сторон сделки.

Здравоохранение можно рассматривать как институт, представляющий собой целостную совокупность идей, правил и механизмов, направленных на оказание медицинской помощи населению. Но в контексте информационного неравенства здравоохранение очевидно существует в институциональной среде – совокупности множества функционирующих институтов.

Если прозрачность информации – признак качества институтов, можем предположить, что ценообразование лекарственных препаратов зависит от институциональной среды государства.

Качество институтов – один из двенадцати контрольных показателей Индекса глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*), рассчитываемого по методике Всемирного экономического форума, который оценивается по нескольким десяткам показателей при помощи экспертных оценок. По данному показателю в 2019 году Латвия занимала 47 место из 141 (Schwab 2019).

В статье (Mensikovs, Volkova 2018) проанализирована взаимосвязь качества институтов с финансовой доступностью услуг здравоохранения на примере трех стран – Латвии, Эстонии и Чехии. Исследователями доказано, что доминирование Эстонии объясняется не только по причине более весомых экономических показателей, но и бесспорными преимуществами в институциональной зрелости.

На рисунке 1 видим, что в странах ЕС с высоким показателем качества институтов – наименьший процент жителей, испытывающих большие финансовые трудности при покупке лекарств. Латвия при сравнительно низкой оценке институциональной среды имеет одни из худших показателей доступности лекарств в ЕС.

На рисунке видим, что между рассматриваемыми величинами имеется обратная зависимость. При проведении регрессионного анализа, значение коэффициента детерминации *R* составило 0,605 ($>0,5$), что свидетельствует о наличии тесной линейной взаимосвязи между качеством институтов и финансовым бременем населения при покупке лекарств.

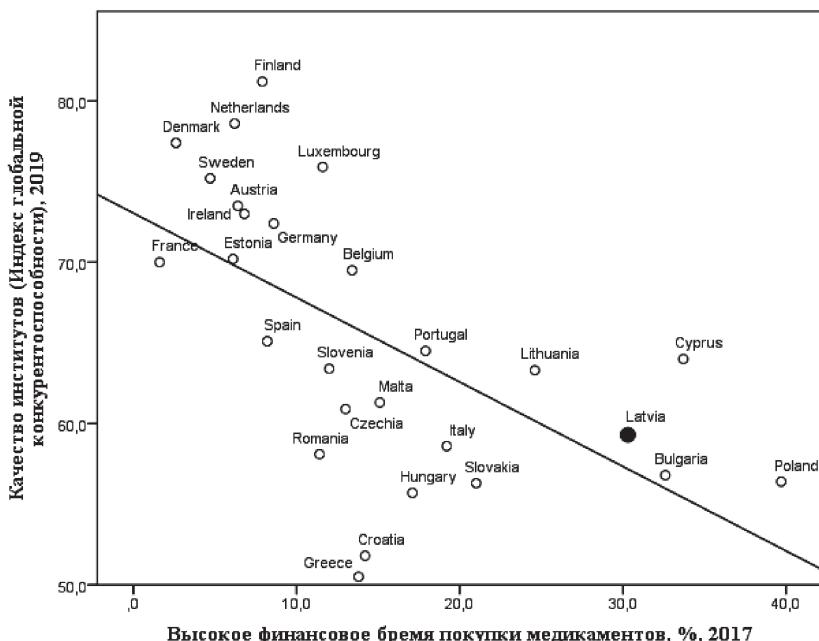


Рисунок 1. Соотношение доли населения, испытывающего большие финансовые трудности с оплатой медикаментов и качества институтов в странах ЕС

Источник: составлено автором при помощи программы SPSS по данным (Schwab 2019) и (Eurostat 2020)

Выводы

Данные исследований, проводившихся в разных странах, в том числе и в Латвии, а также мнения экспертов свидетельствуют о проблемах информационного неравенства и недостаточной медицинской грамотности населения. В системе латвийского здравоохранения это в первую очередь отражается на неудовлетворенности пациентами качеством медицинских услуг. Наиболее негативное влияние информационное неравенство оказывает на доступность лекарственных средств. Для Латвии этот вопрос особенно актуален, так как более трети населения испытывает большие финансовые трудности с оплатой медикаментов.

Проблему недостаточной информированности населения можно решить только при заинтересованности как государственных, так и коммерческих институтов. Качество институтов тесно взаимосвязано с прозрачностью цен, в частности – на рынке медицинских услуг и лекарственных препаратов. Что подтверждает гипотезу о том, что институциональная среда – немаловажный фактор финансовой доступности здравоохранения для населения.

Более глубокое изучение институциональной среды и ее влияния на информационное пространство здравоохранения, в том числе и на доступность медицины, является перспективой для дальнейших исследований.

Библиография

- Arrow K. (1963) Uncertainty and the welfare economics of medical care. *The American Economic Review*, 53(5), pp. 941–973. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/80c4/338662a35aff7d081881ff63b35fca5fce32.pdf?_ga=2.22526011.1072660454.1582629348-1643145547.1582629348 (In English)
- Blaug M. (1985) *Economic theory in retrospect. Fourth edition*. Cambridge University Press. Available at: <http://pratclif.com/2014/blaug-economic-theory-in-retrospect.pdf> (In English)
- Cameron A., Ewen M., Ross-Degnan D., Ball D., Laing R. (2009) Medicine prices, availability, and affordability in 36 developing and middle-income countries: a secondary analysis. *Lancet*. doi:10.1016/S0140-6736(08)61762-6 (In English)
- Centrālās statistikas pārvaldes datu bāze (2017) Ārstēšanās un medikamentu izmaksu slogs mājsaimniecībām 2017. gadā (%). Available at: https://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/sociala/sociala__veseliba__veseliba_modulis/MOD17_04.px/ (In Latvian)
- Dukes M.N.G., et al. (2003) *Drugs and Money – Prices, Affordability and Cost Containment*. WHO. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0020/187301/e79122R.pdf (In English)
- Ensor T., Cooper S. (2005) Influencing the Demand Side of Purchasing. In A. Preker, & J. Langenbrunner, *Spending Wisely. Buying Health Services for the Poor*. Washington: The world bank. Available at: https://www.researchgate.net/publication/262765974_Overcoming_barriers_to_health_service_access_-_influencing_the_demand_side (In English)
- European Commission (2019, Septembris 27) *The Digital Economy and Society Index (DESI)*. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (In English)

- Eurostat (2020, February 24) Health care expenditure by function. Available at: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=hlth_sha11_hc&lang=en (In English)
- Eurostat (2020, January 31) *Persons with financial burden of health care by type of health care, level of burden, household type and income group.* Available at: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_hch01&lang=en (In English)
- Health Consumer Powerhouse (2019, February 25) Euro Health Consumer Index 2018. Available at: <https://healthpowerhouse.com/publications/> (In English)
- Holma B. (galv. red.) (2017) *Latvija. Pārskats par tautas attīstību 2015/2016. Dzives meistariba un informācijpratība.* Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts. Available at: https://www.szf.lu.lv/fileadmin/user_upload/szf_faili/Petnieciba/sppi/tautas/original/TAP_2015-2016.pdf (In Latvian)
- Israel S. (2016) How social policies can improve financial accessibility of healthcare: a multi-level analysis of unmet medical need in European countries. *International Journal for Equity in Health*, 15(41). doi:doi:10.1186/s12939-016-0335-7 (In English)
- Latvijas Sabiedriskie Mediji (2019, November 25) Mekhanizm obrazovaniya cen na lekarstva nado menyat' – sovet po konkurencii. Available at: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/ekonomika/mehanizm-obrazovanija-cen-na-lekarstva-nado-menyat-sovet-po-konkurencii.a339538/> (In Russian)
- LETA (2014, Decembris 14) NVD sācis nākamo kampaņas "Ārstējies nepārmak-sājot!" posmu. Available at: <http://monitorings.leta.lv/item/P291D1FAAC4ED-4FD3-8173-0F17DA39CAEA/> (In Latvian)
- Major I. (2019) Two-Sided Information Asymmetry in the Healthcare Industry. *International Advances in Economic Research*, 25, pp. 177–193. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11294-019-09732-9> (In English)
- Maksimova-Lad'ina N. (2011) Specifika asimmetrii informacii v sfere zdravoohraneniya. Moskva: Izd-vo SGU. Available at: <https://docplayer.ru/46689119-Specifika-asimmetrii-informacii-v-sfere-zdravoohraneniya.html> (In Russian)
- Menshikov V., Volkova O. (2019) Digitalization for increased access security to healthcare services in Latvia. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 9(1). doi:[https://doi.org/10.9770/jssi.2019.9.1\(13\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2019.9.1(13)) (In English)
- Mensikovs V., Volkova O. (2018) Economic growth and impact of institutions on quality of human capital: A case study. *Journal of Security and Sustainability Issues*, pp. 125–134. doi: [10.9770/jssi.2018.8.2\(11\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2018.8.2(11)) (In English)
- Mežinska S., Poplavska E., Salmane-Kuļikovska I., Čeha M. (2015) *Ģenerisko zāļu lietošana Latvijā: iedzīvotāju un speciālistu informētība, viedokļi un pieredze.* "Veselības projekti Latvijai". Available at: https://www.sif.gov.lv/nodevumi/nodevumi/5579/Petijuma_zinojums_27072015.pdf (In Latvian)
- Mitenbergs U., TaubeV., Misins J., Mikitis E., Martinsons A., Rurane A., Quentin W. (2012) *Health Systems in Transition. Latvia. Health system review.*

- European Observatory on Health Systems and Policies i, WHO. Available at: https://www.spkc.gov.lv/upload/Starptautiska%20sadarbiba/veselibas_sist_parejas_perioda_lv.pdf (In Latvian)
- MK Latvia (2020, January 10) *Minzdrav: Snizhenie naloga na lekarstva pomozhet vsem, a pomogat' надо tol'ko bednym!* Available at: <https://rus.timeline.lv/raksts/zdorove/50667-minzdrav-snizhenie-naloga-na-lekarstva-pomozhet-vsem-a-pomogat-nado-tolko-bednym> (In Russian)
- Moreira L. (2018) Health literacy for people-centred care: Where do OECD countries stand? *OECD Health Working Papers*, 107. doi: <https://doi.org/10.1787/d8494d3a-en>. (In English)
- Putniņa A., Brants M. (2018) *Pētījums par pacientu apmierinātību ar veselības aprūpes pakalpojumu kvalitāti. Gala ziņojums.* SIA “Projektu un kvalitātes vadība”, SIA “Aptauju Centrs”, Rīga. Available at: http://petijumi.mk.gov.lv/sites/default/files/title_file/Zinojums_Pacientu_apmierinatiba_ar Veselibas_apruples_pakalp_kvalitati.pdf (In Latvian)
- Ričika D. (2019, Janvāris) Zāļu cenas. Redzamais un neredzamais. *Doctus*. Available at: <https://www.doctus.lv/2019/1/zalu-cenas-redzamais-un-neredzamais> (In Latvian)
- Savel'eva Z.H., Kuznecova I., Muharyamova L. (2017) Informacionnaya dostupnost' medicinskikh uslug v kontekste spravedlivosti zdravooхранeniya. *Kazanskij medicinskij zhurnal*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-dostupnost-meditsinskikh-uslug-v-kontekste-spravedlivosti-zdravooхранeniya/viewer> (In Russian)
- Schwab K. (2019) *The global competitiveness report 2019*. World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (In English)
- Seržāne K. (2019, Februāri 25) Zāles kā patēriņa prece. *Diena*. Available at: https://www.diena.lv/raksts/latvija/zinas/zales-ka-paterina-prece-14215025#=_ (In Latvian)
- Sørensen K. et al. (2012) Health literacy and public health: a systematic review and integration of definitions and models. *BMC Public Health*, 12(80). Available at: <https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-12-80> (In English)
- Sørensen K. et al. (2015) Health literacy in Europe: comparative results of the European health literacy survey (HLS-EU). *Eur J Public Health*, 25(6), pp. 1053–1058. doi: 10.1093/eurpub/ckv043 (In English)
- Vinķele I. (2019, Aprīlis) Pacienta un ārsta attiecības – priekšnieks un padotais vai sadarbības partneri? *ārsti.lv*. Available at: <http://arsti.lv/jaunumi/ilzevinkele-pacienta-un-arsta-attiecibas-prieksnieks-un-padotais-vai-sadarbibas-partneri> (In Latvian)
- Volkova O. (2018) Vzaimosvyaz' zdorov'ya s social'no-ekonomiceskim statusom naseleniya. *Proceedings of the international scientific conferences of faculty of social sciences of Daugavpils University. Part 1. Issues of sociology.*,

- pp. 112–127. Available at: http://humanitiessocial.lv/wp-content/uploads/2018/05/SZF-krajums_I_Sociologijas-aktualitates_2018.pdf (In Russian)
- WHO (2013) *Health literacy. The solid facts*. Regional Office for Europe. Available at: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0010/254377/Health_Literacy_RU_web.pdf?ua=1 (In English)
- WHO (2015) *Access to new medicines in Europe: technical review of policy initiatives and opportunities for collaboration and research*. Regional Office for Europe. Available at: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/health-technologies-and-medicines/publications/2015/access-to-new-medicines-in-europe-technical-review-of-policy-initiatives-and-opportunities-for-collaboration-and-research-2015> (In English)
- WHO (2019, April 13) *At WHO Forum on Medicines, countries and civil society push for greater transparency and fairer prices*. Available at: <https://www.who.int/news-room/detail/13-04-2019-at-who-forum-on-medicines-countries-and-civil-society-push-for-greater-transparency-and-fairer-prices> (In English)
- WHO (2020) *Health literacy*. Available at: European Health Information Gateway, <https://gateway.euro.who.int/en/themes/health-literacy/policy-analysis/> (In English)
- Wirtz VJ et. al. (2016, November 7) Essential medicines for universal health coverage. *Lancet*, 389. doi: 10.1016/S0140-6736(16)31599-9 (In English)

Informācijas nevienlīdzība veselības aprūpē: institucionālais aspekts Kopsavilkums

Latvijas veselības aprūpes sistēmā ir īpaši aktuāls jautājums par nepietiekamo nozares finansējumu un ar to saistītām medicīnisko pakalpojumu pieejamības problēmām. Tomēr, ir lietderīgi pieverst uzmanību arī neekonomiskiem veselības aprūpes nevienlīdzības faktoriem. Mūsdieni apstākļos ir nenoliedzams informācijas kā resursa svarīgums, it īpaši – medicīnisko pakalpojumu tirgū. Rakstā ir apskatīta informācijas nevienlīdzības problēma kā viena no nozīmīgākajiem medicīniskās aprūpes pieejamības šķēršļiem. Ir pamatots sabiedrības informētības un pratības svarīgums veselības aprūpes nozarē, tiek apskatīti tādi jautājumi kā informācijas asimetrija, veselības pratība, informācijas infrastruktūra, cenu caurspīdīgums. Institūtu kvalitāte tiek analizēta kā svarīgakais informācijas nevienlīdzības faktors.

Atslēgas vārdi: informācijas nevienlīdzība, veselības pratība, cenu caurspīdīgums, institucionālā vide.

*Владимир Меньшиков, Виктория Шипилова,
Юрий Балтгайлис (Латвия)*

СТАБИЛЬНОСТЬ БАНКОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В данной статье авторы предлагают обзор теоретических аспектов изучения стабильности банков посредством институционального подхода. Авторы подчёркивают необходимость междисциплинарного изучения вопроса и предлагают набор факторов, которые необходимо рассматривать как ключевые для оценки качества институциональной среды в контексте стабильности банков. В статье предложены и охарактеризованы шесть факторов, оценка которых позволяет обнаружить в какой степени институциональная среда является поддерживающей или, напротив, ослабляющей стабильность банков. Для оценки предложены следующие факторы – внешнеэкономическая конъюнктура, внутриполитическая конъюнктура, технологическая конъюнктура, социально-гуманитарная конъюнктура, фактическое финансово-экономическое и правовое положение дебиторов и кредиторов компаний, качество анализа и мониторинга банковских учреждений. Авторы также знакомят с эмпирическим опытом поиска связи между выделенными факторами институциональной среды и стабильностью банков. В результате проделанной работы читателям предложено концептуальное понимание необходимости поиска связи между стабильностью банков и институциональной средой на теоретическом и эмпирическом уровне посредством фокусирования внимания на отдельных факторах.

Ключевые слова: стабильность банков, институциональная среда, факторы.

Банковская система является составной и очень важной частью всей общественной системы, особенно экономики страны или международного интеграционного экономического союза. Банковская система органично включена не только в финансовые, многообразные производственные циклы, но и во множество процессов общественного развития. Выдающийся американский социолог Т. Парсонс (*T. Parsons*) в монографии «Система современных обществ» акцентировал взаимосвязь банков особенно с политической властью, а также с правом и культурой (доверие): «Современная экономика в своей капитализации зависит от кредитного механизма. Предоставление кредита предполагает использование кредитными учреждениями, особенно банками, власти. Они делают доступными заемщикам сред-

ства, которыми сами не «владеют» и связывают себя договорами при-нудительном юридическом взыскании. Эта принудительность обес-печивает доверие, необходимое в долговременных кредитных сдел-ках, где неизбежно присутствует инвестиционный риск, связанный с тем, что затраты могут «окупиться» лишь по прошествии длитель-ного времени. Таким образом, в современном обществе недоразви-тость системы власти крайне пагубна для экономики, а недоразви-тость денежной и рыночной систем крайне вредна для политической организацией» (Parsons 1998).

Конечно, сохраняется огромный познавательный потенциал си-стемных представлений об обществе и отдельных его подсистем как некоторого частичного образа реальности в индивидуальном или общественном сознании. Вместе с тем проблемы банковских систем при их исследовании дополняются и другими теоретическими под-ходами, особенно – Институционализмом.

Если просто системный подход требует выделения того или иного общественного феномена из окружающего мира по функциональ-ным, пространственным или временными признакам при доминанте внимания исследователя на структуру и связи изучаемого феномена, то дополнение такого анализа Институционализмом требует этот объект исследования рассматривать и как набор «живых» структур, представляющих собой переплетение и непрерывную ткань инсти-тутов. При этом понятие «институт» в настоящее время трактуется достаточно широко, включая укоренившиеся и поддерживаемые формальными и неформальными механизмами системы норм, тра-диций, привычек. Они реализуют связи, контакты, совместные дей-ствия людей. «Главная роль, которую институты играют в обществе, – отмечал Д. Норт, – заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя и не обязательно эффектив-ной) структуры взаимодействия между людьми» (Nort 2006). Эффект имеет место тогда, когда институты в той или иной степени слаженно «работают» на снижение трансакционных издержек. При этом под трансакционными издержками обычно понимают повсеместные за-траты ресурсов, сил и времени, связанные с поиском и обработкой информации, а также с самим процессом взаимодействия субъектов во всем его многообразии.

Дополнение системных представлений применительно к банков-ским системам институциональным подходом существенно расши-ряет круг задач, решаемых при повышении качества работы банков,

прежде всего их стабильности. Правда, стабильность банковской системы часто трактуется очень широко, когда перечисляются все элементы и критерии ее эффективного функционирования в экономике и в обществе в целом.

Банковская система – сложный феномен, когда оценка качества ее функционирования позволяет использовать разные ее варианты в зависимости от задач исследования, либо осуществить комплексный аудит с учетом того или иного набора качественных характеристик банковских систем. Например, Афанасьева к таким характеристикам относит устойчивость, стабильность, равновесие и надежность (Afanas'eva2015). По ее утверждению данные понятия не являются равнозначными, это не синонимы, они взаимосвязаны и коррелируют. При этом центральное место среди этих понятий у нее отводится устойчивости банковских систем, с чем можно согласиться.

Устойчивость банковской системы – качественная характеристика ее состояния, при котором реализуется сущность и назначение как всей банковской системы, так и отдельной кредитной организации. В данном случае устойчивость отражает все то, что приобретается, изменяется в процессе функционирования банковской системы в сторону позитивного, прогрессивного развития. Основные показатели устойчивости банковских систем – динамика отношения банковских активов, капитала, кредитов и прибыли к ВВП.

Стабильность – это то, что остается постоянным, что выступает предпосылкой и основой устойчивости. Без стабильности нет устойчивости. Тот или иной процесс становится устойчивым благодаря своей стабильности в динамике с положительным трендом развития. Стабильность – это гарант сохранения системы, это ее способность противостоять форс-мажорным и иным не рутинным факторам, и обстоятельствам, не изменяя собственную структуру и находясь в равновесии.

Консервативность – устойчивая характеристика традиционного банка. Поэтому, при наличии у банковской системы стабильности, обеспечивается возможность поддерживать равновесие и восстанавливать устойчивое состояние после внешних потрясений или напора диспропорций, каких-либо отклонений от обычных параметров, вызванных кризисными явлениями (рецессией, финансовым кризисом, трансформацией экономики т.д.).

В научной литературе можно найти достаточно много критериев и показателей стабильности банковской системы, когда тот или иной

их набор определяется целью и задачами исследования, этапом становления и развития конкретной банковской системы, степенью интегрированности банковской системы в международные финансовые союзы, другими обстоятельствами. Наиболее часто используются такие показатели как стабильность денежной единицы и денежного оборота, уровень инфляции, отсутствие кризисов в развитии банковской системы, количество отзываенных лицензий и кредитных организаций под угрозой банкротства.

Примечательно, что международные финансовые организации, исследовательские центры в своих документах и отчетах при оценке качества функционирования банковских систем предпочитают использовать понятие «стабильность». Так, в рекомендациях Совета по финансовой стабильности и Базельского комитета по банковскому надзору особое внимание уделяется понятию, критериям и показателям финансовой стабильности (например, *Basel Committee on Banking Supervision 2010*).

В рамках институционального подхода банковскую систему можно рассматривать как особый экономический институт, во многом определяющий успешное и стабильное развитие экономики и всей общественной системы благодаря своим уникальным функциям, но и подвергающейся многочисленным внешним и внутренним факторам, имеющим различную природу и направленность, по-разному влияющих на ее эффективность и стабильность.

Внешние факторы или факторы среды, которые нас интересуют в рамках предлагаемой статьи, можно выделять и рассматривать по разным основаниям, учитывая включенность банковской системы в обширную ткань фактически всех общественных отношений. Так, их можно дифференцировать абстрактно-теоретически, то есть выделять и оценивать по критерию характера этих отношений – экономических, политических, правовых, социальных, культурных. Анализ внешних факторов в этом наборе требует хорошего понимания специфики не только экономической подсистемы общества, но и других, не экономических подсистем, что часто требует междисциплинарного подхода к исследованию вопроса. Есть и другой подход выделения факторов – рационально-прагматический. В этом случае приоритет как бы отдается стратегиям и рабочим планам владельцев, управленцев и регуляторов банков, поиску доминанты как позитивных, так и наиболее негативных факторов, влияющих на банковскую систему отдельные элементы ее структуры.

Как очевидно из проделанного теоретического анализа, институциональная среда и её качество являются важными факторами стабильности банков, что в последствии, как логично можно предположить, положительно отражается и на конкурентоспособности стран. Подтверждение данному выводу можно подкрепить и результатами эмпирического анализа (см. Таблицу 1, Рисунок 1).

Таблица 1
**Корреляционная связь между стабильностью банков,
конкурентоспособностью и институциональной средой
в группах стран мира, 2018 год**

Уровень стабильности банков	Конкуренто- способность	Институциональная среда
	<i>r</i>	<i>r</i>
Все страны мира, n=140	0.659	0.625
Страны с высокой стабильностью банков, n=14	0.500	0.372
Страны со средней стабильностью банков, n=96	0.525	0.557
Страны с низкой стабильностью банков, n=30	0.318	0.270

Примечание: группы стран разделены в соответствии со значениями показателя «стабильность банков» (*soundness of banks* (9.06)) из «Отчёта о глобальной конкурентоспособности 2018»: 1. 7–3.5 – слабая, 3.6–5.9 – средняя, 6–7 – высокая стабильность банков.

Источник: расчёты авторов на основе данных World Economic Forum 2018

Взаимосвязь между стабильностью банков и конкурентоспособностью существует и является положительной, независимо от уровня стабильности банков, что эмпирически подтверждается при использовании данных «Отчёта о глобальной конкурентоспособности» за 2018 год на примере 140 стран мира. Анализируя связь по группам стран в зависимости от уровня стабильности банков, появляются различия в коэффициентах корреляции, которые варьируются от 0.318 до 0.659, указывая как на умеренно сильную, так и на слабую связь.

Результаты корреляционного анализа показывают, что страны с низкой стабильностью банков имеют слабую связь между стабильностью банков и конкурентоспособностью ($r=0.318$). Данный результат можно объяснить, с одной стороны, низким уровнем развития

финансового сектора в экономике данных стран, с другой стороны, логичным отсутствием положительного влияния нестабильных банков на конкурентоспособность. Наиболее тесная связь наблюдается в группе всех стран ($r=0.659$). Страны с высокой и средней стабильностью банков демонстрируют схожие значения коэффициентов корреляции, указывающих на умеренно сильную связь между стабильностью банков и конкурентоспособностью (соответственно, $r=0.500$, $r=0.525$).

Актуальность вопроса о качестве институциональной среды для стабильности банков также может быть продемонстрирована посредством корреляционного анализа в группах стран мира. Проведённые расчёты показывают, что связь положительная во всех рассмотренных случаях, но значения коэффициентов корреляции варьируются в зависимости от групп. Так, наиболее тесная связь между институциональной средой и стабильностью банков наблюдается в группе всех стран мира (как и в случае с конкурентоспособностью) и чуть ниже в группе стран со средней стабильностью банков. Страны с высокой и низкой стабильностью банков демонстрируют слабую связь между переменными, соответственно, $r=0.372$, $r=0.270$). Данного результата можно объяснить высокой дифференциированностью стран, включённых в группы с высокой и низкой стабильностью банков, по рассматриваемым показателям.

Рисунки, представленные далее визуально демонстрируют связь между рассматриваемый переменными и позволяют более детально увидеть ситуацию внутри групп.

Рисунок 1 a демонстрирует, что в большинстве случаев чем выше качество институциональной среды, тем выше стабильность банков, а Рисунок 1 b демонстрирует, что чем выше стабильность банков, тем выше конкурентоспособность в группе всех стран мира.

Рисунки 1 c и 1 d показывают, что в странах с высокой стабильностью банков данные связи неоднозначны — наблюдается как высокая стабильность банков при более высоком качестве институциональной среды, так и наоборот. Схожие результаты для конкурентоспособности.

Рисунки 1 d и 1 e показывают, что страны со средней стабильностью банков сгруппировались наиболее тесно и, в основном, более высокая стабильность банков сопровождается более высоким качеством институциональной среды, а также более высокой конкурентоспособностью.

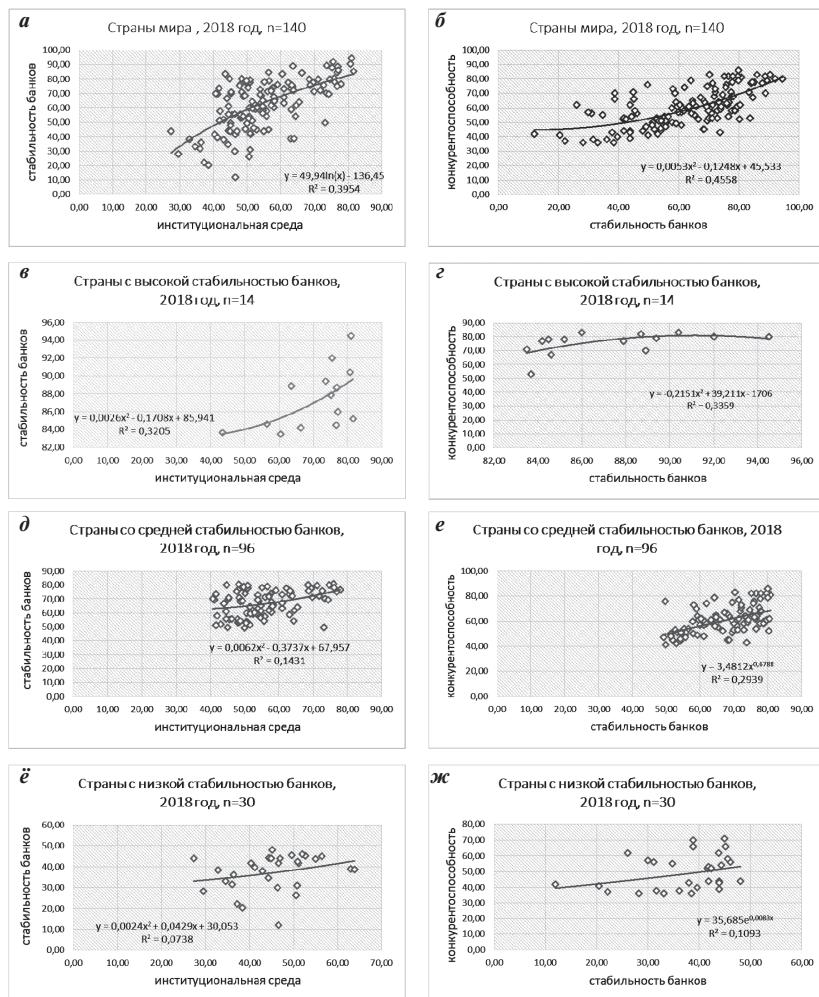


Рисунок 1. Графическое изображение корреляционной связи между стабильностью банков, конкурентоспособностью и институциональной средой в группах стран мира, 2018 год

Примечание: группы стран разделены в соответствии со значениями показателя «стабильность банков» (*soundness of banks* (9.06)) из «Отчёта о глобальной конкурентоспособности 2018»: 1. 7–3.5 – слабая, 3.6–5.9 – средняя, 6–7 – высокая стабильность банков.

Источник: разработано авторами на основе данных *World Economic Forum 2018*

Рисунки 1 ё и 1 ж демонстрируют, что в странах с низкой стабильностью банков, при разном качестве институциональной среды и разном уровне конкурентоспособности, страны демонстрируют схожую стабильность банков.

Анализ, проведённый по группам стран мира в зависимости от уровня стабильности банков показал, что важно определить те сферы институциональной среды, которые являются наиболее значимыми для стабильности банков, обращая внимание на конкретные случаи. Например, Ю. Балтгайлис, В. Меньшиков, и В. Шипилова (*Baltgailis et al. 2018*) проанализировали тенденции развития институциональной среды банковского сектора с 1992 по 2018 год и актуальные риски для стабильности банков в Латвии, а также оценили связь между институциями, введёнными в банковском секторе в рассматриваемый период, и стабильностью банков. В результате проведённого анализа авторы предложили обращать внимание на периодизацию развития институциональной среды банковского сектора Латвии, учитывая значимые события для развития институциональной среды и стабильности банков и определили связь между потенциально значимыми для стабильности банков элементами институциональной среды и стабильностью банков. Таким образом, авторы показали, значимость и возможность выделения основных элементов институциональной среды, важных для стабильности банков.

Проделанная авторами теоретическая и эмпирическая работа позволила назвать шесть факторов внешней среды, которые необходимо учитывать, но которые не так просто измерить и оценить.

1) Внешнеэкономическая конъюнктура.

Внешнеэкономическая среда носит трансграничный характер, находясь в прямой зависимости места и роли экономики страны от общемировой в данный конкретный момент. Например, высокая степень открытости экономики стран Балтии для мирового «свободного рынка» значительно подвержена внешнеэкономической конъюнктуре (особенно влияние мировых кризисов 1998 и 2008 годов). Учитывая сравнительно низкую продуктивность местного производства банковские системы этих стран значительно зависят от нерезидентов, мало заинтересованных в конвертации своих депозитов в прибыльные инвестиции, направленные на экономический рост национальных фирм и компаний.

2) Внутриполитическая конъюнктура.

С позиции системной теории Т. Парсонса политика выполняет в отношении всех остальных подсистем, включая и экономику, функцию целеполагания (Parsons 1998). В свою очередь в целеполагании нуждаются и такие подсистемы самой экономики как производство, предпринимательство и экономическая культура. В экономике с конкурентным рынком эту функцию целеполагания выполняет подсистема капитала и финансов. Пренебрежение роли самодвижения капитала в пользу политического доминирования или корыстного вмешательства агентов политики искажает цели и задачи производства, когда инвестиции направляются в убыточные проекты, либо вообще до производства не доходят. Обращаясь к примеру Балтии, можно отметить, что в структуре инвестиций при высокой степени влияния на конкурсы политических и спонсорских агентов имеет место относительно большая роль государственных и муниципальных заказов, что снижает степень экономической эффективности реализуемых проектов (или даже их прекращения), что затрудняет банкам планирование своих показателей развития.

3) Технологическая конъюнктура.

В банковской сфере технологии «интернет-банкинга», «телефоника», «систем клиент-банк», дающие возможность удаленного доступа пользователя (будь то физическое лицо или организация) к банковским счетам и оперативного проведения соответствующих расчетных и иных банковских операций, сопряжены с повышенной степенью риска несанкционированного вмешательства в такие операции со стороны недобросовестных третьих лиц с конечной целью противозаконного завладения соответствующими денежными средствами, сопряженного с отсутствием какой-либо институционально пригодной доказательной базы и практической невозможностью ис требование ресурсов из незаконного владения подобных третьих лиц.

За последнее десятилетие над банками нависла новая угроза, когда мощнейшие мировые технологические компании (*Google, Apple, Facebook* и *Amazon*) не только доминируют в предоставлении своих специальных услуг (поиск информации, торговля и др.), но и все заметнее и чаще предоставляют и финансовые услуги, вытесняя здесь традиционные банки.

4) Социально-гуманитарная конъюнктура.

В основе — проблемы социальной стратификации, формирования среднего класса и ликвидации бедности. Банковские системы нуждаются в постоянном притоке денежных накоплений населения, когда значительную их часть обеспечивают состоятельные классы. Исследования в Латвии и Литве показывают весьма медленный процесс становления среднего класса, когда его удельный вес в социальной структуре общества не достигает и 10 процентов, причем значительную их часть пока вернее называть кандидатами в средний класс (Menshikov 2016, Taljunaite, Sviklas 2018). По мнению респондентов в Латвии, важнейшим механизмом стратификации выступает коррупция — «социально-политическая инновация с криминальным уклоном» (Menshikov *et al.* 2013), которая препятствует формированию понимания корпоративного блага, а тем более социальной ответственности бизнеса, что внутри бизнеса, в том числе и банковского, работает в ущерб кредиторам и дебиторам компаний.

Компонент нравственного (вплоть до юридического) релятивизма в сфере экономики, когда речь шла об обогащении любой ценой, привнесенный в постсоветскую экономику в основном в 1990-е гг. и усвоенный гражданами в детском, подростковом и юношеском возрасте, стал ими закрепляться при работе в конкретных финансово-экономических реалиях, при работе с конкретными активами и пассивами. На почву подобного менталитета вряд ли может успешно лечь понимание корпоративного блага, а тем более социальной ответственности бизнеса. А коррупционная компонента, независимо от наличия или отсутствия в соответствующих экономических отношениях государственного элемента, оказывается вполне в фарватере, *mainstream*-е пути, предопределенного таким менталитетом. Внутри бизнеса, в том числе и банковского, это проявляется в фактическом паразитировании на компании-работодателе путем формирования почвы для «откатов» и иных форм нелегитимного вознаграждения в ущерб кредиторам и дебиторам компаний.

5) Фактическое финансово-экономическое и правовое положение дебиторов и кредиторов компаний.

Банк является едва ли не наиболее индикативным случаем, когда финансово-экономическое положение его дебиторов (заемщиков), их способность исполнять свои обязательства перед ним непосредственно влияют на способность самого банка бесперебойно осуще-

ствлять платежи своих клиентов-кредиторов, возвращать им суммы привлеченных от них денежных средств (в форме депозитов и в других формах) по первому законному требованию и соответственно на объем требований от клиентов-кредиторов банка по возврату привлеченных денежных средств, которые могут быть предъявлены банку единовременно. «Управляя» дебиторской и кредиторской задолженностью, банк при этом вынужден руководствоваться не только (а порой и не столько) экономическими и юридическими факторами, но также и политической целесообразностью (внешнеполитической или внутриполитической – в зависимости от близости банка к первым местам соответствующих рейтингов). В итоге возвратность и доходность, в целом экономическая надежность и эффективность инвестиций «внешних» инвесторов банков оказываются в прямой зависимости от «политической благонадежности» инвесторов.

В данном случае большую роль играют и международные надзорные институты. Например, учитывая предупреждение со стороны международных надзорных институтов о проблемах в борьбе с «отмыванием» нелегально полученных средств в банковской системе Латвии (Council of Europe – Moneyval 2018; FinCEN 2018), были проведены мероприятия по усовершенствованию институциональной среды в соответствующих сферах, что позволило Латвии избежать так называемого «серого списка» Moneyval (Spalvens 2020).

6) Качество анализа и мониторинга банковских учреждений.

Обычно банковской системе справедливо отводится главенствующее положение при решении экономических проблем страны или международных интеграционных союзов. Именно поэтому так важен своевременный и всесторонний анализ кредитного рынка. Не секрет, что большинство последних экономических кризисов созревало именно внутри финансовой отрасли, а первое, что чаще всего спешили спасать государства и международные финансовые институции, были банковские системы. На примере Греции хорошо выражена роль точной и честной информации о подлинном состоянии банковской системы, отсутствие которых при вступлении страны в европейский монетарный союз дает о себе знать еще и сегодня.

Авторы проверили связь предложенных шести факторов институциональной среды со стабильностью банков эмпирически напримере групп стран мира, разделенных в зависимости от уровня стабильности банков (Menshikov *et al.* 2019). В результате анализа авторы делают

вывод, что существуют как общие, так и различные характеристики институциональной среды в зависимости от факторов и уровня стабильности банков (Menshikov *et al.* 2019). Так, качество анализа и мониторинга банков, экономические и правовые позиции дебиторов и кредиторов являются общими характеристиками институциональной среды, способствующей стабильности банков. А технологическая конъюнктура и социально гуманитарная конъюнктура являются дифференцирующими характеристики институциональной среды и появляются в группе стран с высокой стабильностью банков.

Выделены доминирующие институты из числа внешних институтов. Доминирующими внешними формальными институтами являются общеобязательные для банковской деятельности правила (в том числе европейские и международные), а доминирующими внешними неформальными институтами – правила (традиции) получения менеджерами банка коррупционного вознаграждения и вывода собственниками банка его ликвидных активов за пределы своих стран, в ущерб национальной экономике.

Библиография

- Afanes'eva O.N. (2015) Kriterii i pokazateli ustoichivosti, stabil'nosti, ravnovesiiia i nadezhnosti bankovskoi sistemy. *Bankovskoe delo*, № 8, str. 35–39. (In Russian)
- Baltgailis J., Menshikov V., Sipilova V. (2018) Institucionālās vides attīstība un banku stabilitāte Latvija. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, Nr. 2(27), 61.–72. lpp. (In Latvian)
- Basel Committee on Banking Supervision. (2010) Basel III: A Global Regulatory Framework for More Resilient Banks and Banking Systems. Available at: <https://www.bis.org/publ/bcbs189.pdf> (accessed 25.02.2020). (In English)
- Council of Europe – Moneyval. (2018) *Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures. Latvia. Fifth Round Mutual Evaluation Report*. Available at: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer-fsrbl/Moneyval-Mutual-Evaluation-Report-Latvia-2018.pdf> (accessed 24.02.2020). (In English)
- FinCEN. (2018) *FinCEN Names ABLV Bank of Latvia an Institution of Primary Money Laundering Concern and Proposes Section 311 Special Measure*. Available at: <https://www.fincen.gov/news/news-releases/fincen-names-ablv-bank-latvia-institution-primary-money-laundering-concern-and> (accessed on: 24.02.2020).

- Menshikov V. (2016) Experience of research of social classes in Latvia. *Filosofija. Sociologija*, T. 27, Nr. 2, pp. 83–93.
- Menshikov V., Sipilova V., Baltgailis J. (2019) Factors of institutional environment encouraging the soundness of banks: their selection and analysis in the world countries. *Social Sciences Bulletin*, Nr. 2(29), pp. 7 –23.
- Menshikov V., Volkova O., Boronenko V. (2013) Economic Capital in the Structure of the Aggregate Capital of a Family. *International Business: Innovations, Psychology, Economics*, Vol. 4, Nr. 2(7), pp. 54–69. Vilnius, International Business School of Vilnius University.
- Nort D. (2006) *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovaniye ekonomiki*. Politologiya: Khrestomatia. SPb: Piter. (In Russian)
- Parsons T. (1998) Sistema sovremennoykh obshchestv. Moskva: Aspekt Press, str. 107–108. (In Russian).
- Spalvens R. (2020) *FATF Decides Not to Add Latvia to its “Grey List”*. LETA. Available at: <http://www.leta.lv/eng/home/important/19BC07E6-B3F5-4AFF-B46A-15C87B3D5D8A/> (accessed on: 24.02.2020).
- Taljunaite M., Sviklas E.K. (2018) Middle Class in the Baltic Countries since 1991. *Social Sciences Bulletin*, Nr. 2(27), pp. 7–27.
- World Economic Forum (2018) *The Global Competitiveness Report 2018*. Available at: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf> (accessed on: 24.02.2020). (In English)

Banku stabilitāte un institucionālā vide (teorētiskie aspekti)

Kopsavilkums

Šajā rakstā autori piedāvā teorētisko aspektu apskatu par banku stabilitātes izpēti, izmantojot institucionālo pieeju. Autori uzsver jautājuma starpdisciplināras izpētes nepieciešamību un piedāvā faktorus, kurus būtu nepieciešams saprast kā būtiskus institucionālās vides kvalitātei banku stabilitātes kontekstā. Rakstā ir piedāvāti un raksturoti seši faktori, kuru vērtēšana ļauj noteikt cik lielā mērā institucionālā vide veicina vai vājina banku stabilitāti. Autoru piedāvātie faktori ir – arējā ekonomiskā konjunktūra, iekšpolitiskā konjunktūra, tehnoloģiskā konjunktūra, sociāli humanitārā konjunktūra, uzņēmumu kreditoru un debitoru ekonomiskais un tiesiskais stāvoklis, banku uzraudzības kvalitāte. Autori arī iepazīstina ar empirisku pieredzi par saiknes noteikšanu starp institucionālās vides piedāvātiem faktoriem un banku stabilitāti. Pētījuma rezultātā lasitājiem tiek piedāvāta konceptuāla izpratne par nepieciešamību meklēt sakarību starp banku stabilitāti un institucionālo vidi, fokusējot uzmanību uz noteiktiem faktoriem gan teorētiskajā, gan empiriskajā līmenī.

Atslēgas vārdi: banku stabilitāte, institucionālā vide, faktori.

Валерий Никифоров (Латвия)

ИННОВАЦИИ В ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: УРОВНИ ОВЛАДЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Предложено совершенствование иерархии уровней овладения информацией в процессе обучения посредством их экспликации, перегруппировки и введения высшего уровня овладения информацией – программ профессиональной деятельности. Иерархии уровней овладения информацией представлены как детерминанты целей и методов обучения. Понятийный диктант, фронтальный опрос, семинар-пресс-конференция и лекция в форме анализа альтернативных концепций описаны как инновационные методы вузовского обучения. В предложенной статье широко используется педагогический опыт, накопленный в Балтийской международной академии.

Ключевые слова: уровни овладения информацией, цели обучения, методы обучения.

Введение

Главной движущей силой образовательных инноваций, как представляется, являются потребности общества в сохранении и росте его интеллектуального потенциала в условиях стремительно изменяющегося мира. При этом интеллектуальный потенциал общества необходимо понимать не как весь массив информации о мире и человеке, а лишь те знания, которые являются истинными и конструктивными.

Среда, в которой в настоящее время осуществляются инновационные процессы в сфере высшего образования характеризуется следующими основными тенденциями:

1. Стремительный рост количества информации. При этом рост количества околонаучной, вненаучной и антенаучной информации опережает рост достоверной (научной) информации.
2. Усиление иррационализма. Девальвация ценности научных знаний. Снижение научной грамотности как обучаемых, так и обучающих.
3. Бурное развитие ИТ-технологий. Появление интернета привело к тому, что в учебном процессе стала использоваться не только научная, но и вненаучная информация. Однако, высшее образование должно готовить специалистов, способных к решению

реальных проблем и задач. Конструктивным, т.е. практически полезным, может быть только истинное знание. Истинность получаемых знаний гарантирует лишь наука. Следовательно, учить необходимо научным знаниям.

4. Резкое возрастания количества и диапазона альтернативных мнений.

Перечисленное усугубляется недостаточным финансированием образования, тотальной заорганизованностью и бюрократическим произволом, несоразмерным популизмом и другими негативными факторами.

Названные и другие тенденции, существующие в современном обществе, для сохранения эффективности образования, как единственного средства трансляции накопленных человечеством знаний, навыков и умений, делают необходимым введение адекватных педагогических инноваций.

Учить не только знаниям, но и деятельности

Традиционное обучение строится по дисциплинарному принципу: программа обучения распределяется по фиксированным периодам (семестрам) в каждом из которых осуществляется параллельное изучение определенного числа учебных дисциплин. Каждая учебная дисциплина изучается последовательно и контактно. Традиционное обучение является самым распространенным и представляет собой обучение трем уровням овладения и информацией: знаниям, умениям и навыкам, которые понимаются как иерархически упорядоченные и инвариантные к содержанию учебных курсов. Иерархически упорядоченными в том смысле, что умения основаны на навыках, а навыки базируются на соответствующих знаниях.

Однако, обыденный и профессиональный опыт показывают, что высококвалифицированные специалисты часто принимают единственно правильные и эффективные решения «интуитивно», т.е. ни в момент принятия этих решений, ни после того, они не способными объяснить на основе каких знаний, навыков и умений эти решения были приняты. Для описания и объяснения этого феномена автором был предложен еще один, высший уровень овладения информацией – уровень программ профессиональной деятельности и изменена иерархия этих уровней: знания – навыки – умения – программы деятельности (Nikiforov 2003).

Приведем поясняющий пример. Школьный алгоритм овладения сложной грамматикой русского языка давно сложился: 1) учим правила и излагаем их на уроках (уровень знаний); 2) пишем диктанты на которых из массива выученные правила научаемся выбирать то, которое необходимо применительно к конкретной вербальной конструкции (уровень навыков) и используем это правило для правильного написания (уровень умений). Закончив школу, забываем большинство правил, но продолжаем писать правильно, т.е. в соответствии с правилами которых не знаем. Правильно поставив запятую, не можем объяснить (объяснить – значит воспроизвести правило, требующее постановки запятой в данном месте) почему мы ее поставили. Если кто-то задает вопрос «Почему ты здесь поставил запятую?», мы отвечаляем «Я чувствую, что здесь необходима запятая». Эту высшую степень овладения информацией предлагается называть уровнем **программ профессиональной деятельности**.

Программы профессиональной деятельности, как высший уровень овладения информацией, базируются на полученных ранее знаниях, которые конкретизируются и закрепляются посредством оперирования этими знаниями и адаптации их к конкретным информационным ситуациям, приводя к формированию навыков, которые, в свою очередь, служат основой для возникновения умений – способности использовать имеющихся знаний навыков для решения конкретных практических задач или для самостоятельного получения новой необходимой информации.

Уровни овладения информацией как детерминанты целей обучения

Если к традиционным трем уровням «знания – умения – навыки» добавить четвертый, перегруппировать уровни и эксплицировать их предметные и смысловые значения, то получим следующую иерархию уровней овладения информацией:

- 1) уровень знаний** – способность осмысленно и образно воспроизвести полученную информацию;
- 2) уровень навыков** – способность свободно ориентироваться в массиве полученной информации, целенаправленно ее перегруппировывая;
- 3) уровень умений** – способность преобразовать и использовать усвоенную информацию для получения нового знания или его практического применения;

- 4) уровень программ профессиональной деятельности – на основе приобретенных знаний, навыков и умений, способность конструктивно действовать в определенной профессиональной сфере.

В рамках парадигмы «Обучение как управление» иерархия этих уровней может рассматриваться как иерархия целей обучения.

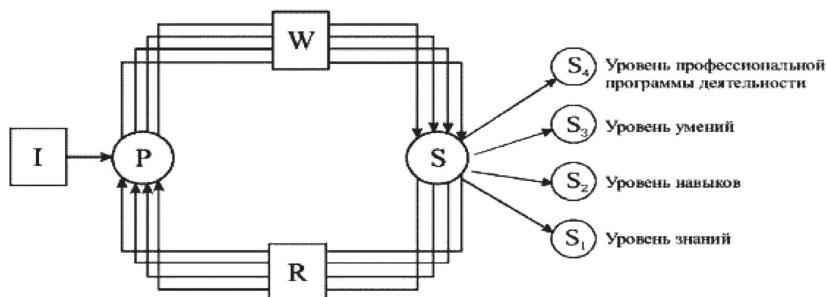


Рисунок 1. Иерархия уровней овладения информацией

Источник: составлено автором

Уровни овладения информацией как детерминанты методов обучения

Предлагаемая методическая инновация, логично детерминированная четырьмя уровнями овладения информацией: использование, из всего множества существующих, наиболее эффективных форм обучения и контроля на каждом из уровней.

Таблица 1.
Уровни овладения информацией

Уровень усвоения информации	Методы обучения и контроля	
	1	2
1. Знания		<ul style="list-style-type: none">1.1. Установочная лекция1.2. Обзорная лекция1.3. Понятийный диктант1.4. Фронтальный опрос1.5. Коллоквиум1.6. Семинар – беседа1.7. Эссе

1	2
2. Навыки	2.1. Программная лекция 2.2. Семинар – конференция 2.3. Реферат 2.4. Экзамен – беседа
3. Умения	3.1. Проблемная лекция 3.2. Семинар – пресс-конференция 3.3. Курсовая работа 3.4. Индивидуальные экзаменационные задания
4. Профессиональные программы деятельности	4.1. Лекция в форме сравнительного анализа альтернативных концепций 4.2. Дискуссии и диспуты 4.3. Проектные разработки 4.4. Дипломное проектирование

Источник: составлено автором

Не смотря на существование двухзначного числа методов обучения до сих пор в практике вузовского преподавания используется ограниченное их число. Традиционно, это лекции, семинарские занятия, зачеты и экзамены. Но даже лекции, как наиболее популярная форма обучения, имеют много разновидностей: установочные, обзорные, тематические, проблемные, лекции в форме анализа альтернативных точек зрения и др. Аналогичная ситуация с формами контроля – в вузах они тоже традиционны: устные и письменные зачеты и экзамены. Большинство методов обучения детально и много-кратно описаны в методической литературе. Кратко опишем специфику наиболее нетрадиционных методов обучения.

1.3. Понятийный диктант – простая, но нужная и эффективная форма контроля знания терминологии любого учебного курса. На это не обращается должного внимания. Даже определение ключевых понятий – знание, истинность, правильность, рациональность, эффективность вызывают затруднения не только у бакалавров, но и у магистров.

Цель: проверить и закрепить знание терминологии, сформировать навыки краткого и точного изложения содержания основных понятий курса.

План действий: 1) подготовить список контрольных терминов по пройденному разделу и предварительно сообщить их обучаемым;

2) предложить обучаемым на отдельном листке бумаги написать свои фамилии; 3) продиктовать (паузы в 1,0–2,0 мин.) 12–15 терминов из числа контрольных; 4) проверить правильность трактовки предложенных терминов.

Опыт реализации. Проведение в Балтийской Международной академии понятийных диктантов по таким общеобразовательным курсам как «Теория и методика учебной и научной работы студента», «Логика», «Риторика», «Философия» и другим показало их высокую эффективность в формировании установки и навыков определения основных используемых понятий (Никифоров В.Е. 2018).

1.4. Фронтальный опрос.

Цель: проверить и закрепить знания по пройденному курсу; развить навыки краткого и точного изложения мыслей; активизировать процесс обучения и повысить у студентов чувство ответственности за освоение материала изучаемого курса.

Специфика содержания. Преподаватель последовательно ставит перед аудиторией ряд конкретных вопросов, требующих кратких ответов. В случае получения неудовлетворительного ответа от одного обучаемого, тот же вопрос ставится перед другим. Преподаватель кратко комментирует и оценивает ответы.

План действий: 1) подготовить список контрольных вопросов по пройденному материалу и предварительно ознакомить с ним студентов; 2) последовательно ставить перед студентами вопросы, фиксируя и оценивая каждый ответ; 3) подвести итоги опроса, выявив вопросы, ответы на которые вызвали наибольшие затруднения; разъяснить возникшие трудности.

3.2. Семинар-пресс-конференция.

Цели: 1) сформировать и закрепить умение краткого и обоснованного изложения своей точки зрения; 2) усовершенствовать умение воспринимать и анализировать получаемую информацию; 3) сформировать умение корректной постановки вопросов.

План действий: 1) из числа обучаемых назначается 3–4 докладчика, которые последовательно делают короткие сообщения по конкретным вопросам; 2) каждый присутствующий должен задать каждому из докладчиков хотя бы один вопрос; 3) докладчики должны дать доказательные и убедительные ответы на заданные вопросы; 4) преподаватель оценивает качество выступлений и заданных вопросов.

4.1. Лекция в форме сравнительного анализа альтернативных концепций.

Цели: 1) развить и закрепить способность к доказательному обоснованию концепций; 2) закрепить умение демонстрации теоретической несостоимости и практической не конструктивности альтернативных концепций; 3) закрепить имеющиеся знания, навыки и умения в форме программы профессиональной деятельности.

Специфика содержания. В лекционном курсе критика может осуществляться как в форме самостоятельных, специально этому посвященных выступлений, так и в качестве элемента выступления, имеющего более широкую тематику. Выступление строится так, что критическому анализу одной концепции противопоставляется позитивное изложение другой, ей альтернативной. Важно помнить, что убедительность аргументации в пользу одной из концепций определяется не только умением показать ее истинность и практическую значимость, но и конструктивностью критики другой, альтернативной.

План действий: 1) изложить сущность и дать содержательный анализ альтернативных концепций; 2) показать их внутреннюю противоречивость; 3) выявить теоретическую несостоимость и/или практическую не конструктивность критикуемых концепций; 4) доказать истинность, научную обоснованность и практическую полезность отстаиваемой концепции.

Средства активизации: необходимо рассматривать наиболее современные и значимые альтернативные концепции, ссылаясь на широко известные и получившие большой общественный резонанс публикации в печати, использовать подтверждение истинности этих концепций средствами науки, техники, практической деятельности.

Более полную и подробную характеристику приведенных методов обучения см.: (Nikoforov 2003) с. 60–79.

Выводы

Главной движущей силой образовательных инноваций являются потребности общества в сохранении и росте его интеллектуального потенциала.

Среда, в которой в настоящее время осуществляются инновационные процессы в сфере высшего образования, характеризуется рядом негативных тенденций.

Традиционную иерархию уровней овладения информацией необходимо перегруппировать, эксплицировать и дополнить высшем уровнем – программой профессиональной деятельности.

Уровни овладения информацией конструктивно рассматривать в качестве детерминант целей обучения.

Множество существующих методов обучения следует классифицировать и использовать в соответствии с иерархией уровней овладения информацией.

Библиография

- Nikiforov V.E. (2003) *Teoreticheskie osnovy pedagogiki vysshej shkoly*. Riga: BRI, 103 s. (In Russian)
- Nikiforov V.E. (2004) *Logika: kurs-konspekt lekcij i kontrol'nye zadaniya*. Riga: BRI, 140 s. (In Russian)
- Nikiforov V.E. (2005) *Osnovy sovremennoj filosofii: kurs-konspekt lekcij i kontrol'nye zadaniya*. Riga, 156 s. (In Russian)
- Nikiforov V.E. (2014) *Logika i ritorika: informacionno-metodicheskij kompleks*. Riga, 153 s. (In Russian)
- Nikiforov V.E. (2018) *Kursy lekcij*. Riga, 528 s. (In Russian)
- Nikiforov V.E., Nikiforov N.V. (2016) *Teoriya i metodika uchebnoj i nauchnoj raboty studenta: demonstracii; plan seminarskikh zanyatiij*. Riga, 160 s. Dos-tupno: <http://www.bsa.edu.lv> (In Russian)

Innovations in Higher School Pedagogy: Information Acquisition Levels and Training Methods

Summary

It is proposed to improve the hierarchy of levels of information acquisition in the learning process through their explication, rearrangement and introduction of the highest level of information acquisition-professional activity programs. The hierarchy of information acquisition levels is presented as a determinant of learning goals and methods. Conceptual dictation, a frontal survey, a seminar-press conference and a lecture in the form of an analysis of alternative concepts are described as innovative methods of higher education. The proposed article makes extensive use of the pedagogical experience gained at the Baltic International Academy.

Key words: information acquisition levels, learning goals, learning methods.

Валерий Никифоров, Никита Никифоров (Латвия)

КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цели публикации: унифицировать и эксплицировать предметное и смысловое содержания понятий «компетенция» и «компетентность»; предложить минимально необходимый для выпускника вуза набор необходимых для успешной будущей профессиональной деятельности компетенций; показать роль компетентностной концепции в повышении качества высшего образования. Теоретической основой разработки явилось понимание методологии как теории методов рационализации и оптимизации деятельности. Эмпирическим базисом – разработка и внедрение «Системы обеспечения и контроля качества подготовки специалистов Балтийской Международной академии».

Ключевые слова: компетенция, компетентность, качество высшего образования, интеллектуальный потенциал.

Введение

В настоящее время качество высшего образование часто понимается как наличие у его носителей определенного набора компетенций. В Европе изначально разработка проблемы компетенций была ориентирована на их измерение. Так, проект *TUNING* («Настройка образовательных структур в Европе») исходит из того, что информация о целях образования, выраженная на языке компетенций, дает более целостный взгляд на образовательные программы.

В рамках Болонского процесса европейские университеты в разной мере и с различающимися степенями энтузиазма осваивают (принимают) компетентностный подход, который рассматривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средством углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия (Bajdenko 2006).

Высшее образование, основанное на научных достижениях, является основным средством повышения интеллектуального потенциала общества. В современном мире интеллектуальный потенциал является главным фактором экономического, социального и политического развития любой страны.

Качественным предлагается считать такое высшее образование, которое максимальным образом способствует повышению интеллектуального потенциала обучаемых. При этом под интеллектуальным потенциалом личности понимается обладание ею определенного набора компетентностей, позволяющих получать требуемые социально-значимые результаты рациональными методами (Nikiforov V.E., Nikiforov N.V. 2008).

Представляется очевидным, что качество высшего образования следует оценивать не только по процессу (качество учебных планов и программ, качество академического персонала, качество информационно-методического обеспечения и др.), но и по результату – качеству выпускника. Наиболее конструктивным представляется подход к оценке качества выпускника вуза посредством оценки его компетентности, как системы необходимых для успешного осуществления его будущей профессиональной деятельности, компетенций.

Анализ существующих подходов к определению понятия «компетенция»

Термин «компетенция» (от лат. *Competere* – соответствовать, подходить) употребляется во многих сферах познания и деятельности: в юриспруденции, как совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица; в лингвистике (от лат. *Competentia* – согласованность, соподчиненность), как знание о языке, позволяющее корректно выражать мысль в словах; в биологии, как способность организма человека и животных к специальному, иммунному ответу путем образования антител; в управлении персоналом, как способность сотрудника решать определенный класс профессиональных задач и других. Естественно, что при этом термину приписываются весьма различные предметные и смысловые содержания, сравнительный анализ которых применительно к цели данной статьи уместен лишь по отношению к их использованию в сфере образования.

Согласно словарю Webster термин «компетенция» появился еще в 1596 году (Westera, Sloep 1998). Однако только в последние десятилетия значение этого понятия и его влияние на управление и образование стало весьма значительным. В первую очередь понятие «компетенция» стало широко использоваться в управлении персоналом.

В Болонской программе 2000 года «Настройка образовательных структур в Европе» содержание понятия «компетенция» включает в себя знание как действие, т.е. применение знаний в конкретной ситуации, знание как бытие (ценности как способ восприятия жизни). Таким образом, компетенции трактуются как сочетания характеристик, относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственности, которые описывают уровень или степень, до которых некоторое лицо способно эти компетенции реализовать. При этом различались два типа компетенций: 1) относящиеся к предметной области (академические предметно-специализированные компетенции), которые обеспечивают своеобразие и самостоятельность конкретных образовательных программ на соискание степени; 2) общие компетенции, которые важны для конкретных социальных групп (например, выпускников, работодателей, профессорско-преподавательского состава). Была выработана рабочая классификация: инструментальные компетенции; межличностные компетенции; системные компетенции. При таком понимании содержания понятия «компетенция», компетентность трактовалась как сумма компетенций.

Некоторые авторы определений понятия «компетенция» связывают, прежде всего, с тем, что обучение должно сосредотачиваться на том, чтобы помочь людям решать новые проблемы в незнакомых ситуациях. Процесс использования приобретенных компетенций в ситуациях, слабо сходных с ситуациями, для которых эти компетенции предназначены, принято называть *далним переносом (far transfer)*. Навыки, способствующие дальнему переносу, а также способность к обучению, часто считаются решением проблемы перехода от институтской скамьи к реальной профессиональной деятельности (Everwijn 1999). В этой связи представляется конструктивным предложение J. Bowden и F. Marton: «Если вы не представляете, с какими ситуациями могут столкнуться ваши ученики в будущем, учите их тому, что они могут применить в любых ситуациях» (Bowden, Marton 1998).

Компетенция – это: группа знаний в определенной области (*related knowledge*), навыков и отношений, которые влияют на значительную часть профессиональной деятельности (роли или зоны ответственности), которые связаны с выполнением деятельности, которые могут быть измерены вопреки принятым стандартам (*against well-accepted standards*), и которые могут быть развиты через обучение» (Parry 1996).

«Компетенция – это знание, навык, способность или характеристика, связанные с выполнением профессиональной деятельности на высоком уровне, такие как *problem solving*, аналитическое мышление или лидерский потенциал. Некоторые определения компетенции включают мотивы, убеждения и ценности» (Mirabile 1997).

«Компетенция – неаддитивная, синергетическая система знаний, умений, навыков и способностей, объединенных ее ключевым системообразующим элементом (конфигуратором) и направленных на решение определенных задач деятельности» (Permyakov 2009).

«Компетенции интерпретируются как единый (согласованный) язык для описания академических и профессиональных профилей и уровней высшего образования. Иногда говорят, что язык компетенций является наиболее адекватным для описания результатов образования» (Bajdenko 2006).

Обобщение и классификация изложенных и других определений компетенций, как представляется, позволяет говорить о существовании в европейской практике профессионального образования, по крайней мере, трех подходов к пониманию компетенций. 1. Понимание компетенции как целенаправленного и методически обеспеченного процесса развития уже имеющихся у обучаемого способностей. 2. Формирования знаний, навыков и умений, необходимых обучаемому для его успешной будущей профессиональной деятельности. 3. Трактовка компетенции как конструктивного ответа на запросы работодателей.

Содержание понятий «компетенция»

Представляется, что при определении понятия «компетенция» необходимо учесть следующие обстоятельства. 1. Определение всякого понятия будет более конструктивными, если отраженные в нем признаки будут отвечать целям его использования. Определения, которые пытаются охватить все возможные стороны этих понятий, оказываются слишком общими и/или слишком абстрактными и потому практически не работающими. 2. Определение понятия должно содержать признаки, отличающие его от близких ему по смыслу понятий, в данном случае действие (*performance*), квалификация (*qualification*), одаренность (*capability*), способность (*ability*) и часто упоминаемый комплекс знаний, умений и отношений (*attitudes*). 3. Определяемое понятие должно быть элементом некоторой системы понятий,

описывающих соответствующую предметную область: знания, навыки, мотивы, ценности, убеждения, компетентность. С учетом названного, под компетенцией предлагается понимать наличие минимально необходимых знаний, навыков, умений и профессиональных программ деятельности, способствующих достижению конкретных целей в определенной виде деятельности.

Однако, профессиональная деятельность в любой сфере с необходимостью предполагает квалифицированное выполнение таких видов деятельности как информационная, коммуникативная, социально-правовая, методологическая и мировоззренческая. Это приводит к необходимости введения аналогичного по содержанию, но более общего по объему понятия «компетентность».

Компетентность как система компетенций

В докладе Совета Европы на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» в 2002 году были названы компетенции, овладение которыми выступает основными критериями качества образования: 1) политические и социальные; 2) межкультурные; 3) коммуникативные; 4) социально-информационные; 5) персональные (саморазвитие) (Sovet Evropy 1996). Предлагаются и другие группы образовательных компетенций. Так, российский исследователь Хуторской А.В. отмечает: «Учитывая мировые и европейские направления образования, изменения, произошедшие в практике отечественной школы, модификацию целей российского образования, определены следующие группы ключевых компетенций: ценностно-смысловые; общекультурные; информационные; учебно-познавательные; социально-трудовые; компетенции личностного самосовершенствования» (Hutorskoj 2005).

Представляется, что для получения социально-значимых результатов современный специалист с высшим профессиональным образованием должен обладать следующими компетенциями: профессиональной, информационной, коммуникативной, социально-правовой, методологической и мировоззренческой (Nikiforov 2012).

Профессиональная компетенция – содержание определяется спецификой профессиональной деятельности. Всякая профессиональная деятельность предполагает не только наличие определенных знаний, но и специфических методов данной профессиональной деятельности. Поэтому профессиональная компетентность с необходимостью

включает профессиональную теоретическую и профессиональную инструментальную компетенции. Профессиональная теоретическая компетенция – система специальных знаний, навыков, умений и программ профессиональной деятельности, позволяющая успешно решать проблемы и задачи в определенной сфере профессиональной деятельности. Профессиональная инструментальная компетенция – владение методами общенаучных и специально-научных исследований, методами анализа проблемных ситуаций и корректной постановки проблем, методами и технологией принятия решений и специальными методами и технологиями определенной сферы профессиональной деятельности. **Информационная компетенция:** 1) способность ориентироваться в информационном потоке; 2) умение самостоятельно искать, анализировать, преобразовывать и использовать необходимую информацию; 3) использовать рациональные способы получения, преобразования, систематизации и хранения информации, актуализировать ее в необходимых ситуациях интеллектуально-познавательной деятельности; 4) владеть информационными технологиями – интернет, электронная почта, аудиовидеозаписи. **Коммуникативная компетенция:** 1) понимание ценности сотрудничества и доверительных отношений, уважения к другим и самоуважения как основы коммуникации; 2) готовность вступить в общение по познавательным, деловым, личностным мотивам; 3) знание особенностей формального и неформального общения, умение слушать и слышать другого; 4) навыки ролевого поведения – исполнитель, коллега, руководитель; 5) знание языков. **Социально-правовая компетенция:** 1) понимание значения своих социальных функций как гражданина, члена общества, устойчивое позитивное отношение к своим общественным обязанностям; 2) знание прав и свобод человека и гражданина, умение их реализовывать в различных жизненных ситуациях; 3) умение относить свои интересы с интересами общества, нацеленность на совершенствование и развитие общества на принципах гуманизма, свободы и демократии; 4) наличие определенной жизненной позиции и внутренней готовности к ее реализации; 5) способность брать на себя ответственность, участвовать в функционировании и улучшении социальных институтов; 5) толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, пол). **Методологическая компетенция** – владение методами общенаучных и специально-научных исследований, методами анализа проблемных ситуаций и корректной постановки проблем, методами и технологией принятия

решений и специальными методами и технологиями профессиональной деятельности. ***Мировоззренческая компетенция:*** 1) наличие научного, т.е. системного и обоснованного мировоззрения, способствующего пониманию окружающего мира и успешной адаптации к нему; 2) наличие ценностных ориентиров и системы ценностей; 3) понимание духовно-нравственных основ жизни человека и человечества; 4) знание основ общечеловеческой и национальной культуры; 5) наличие знаний о наиболее общих закономерностях природы, общества и познания.

Компетентность представляет собой сумму компетенций = профессиональная + информационная + коммуникативная + социально-правовая + методологическая + мировоззренческая компетенция.

Важной особенностью перечисленных компетентностей является то, что они дают возможность выпускникам вуза в случае необходимости быть востребованными на рынке труда, успешно реализовать себя в других профессиях (в сферах деятельности, не связанных с полученной в вузе квалификацией). Названные компетенции использованы в системе обеспечения и контроля качества подготовки специалистов Балтийской Международной академии (Nikiforov 2001). Оценка уровня формирования компетенций у обучаемых должна осуществляться не по обеспечению процесса их формирования, а по результатам их проявления – по тексту дипломной работы и процессу ее защиты.

Реализация компетентностного подхода в повышении качества подготовки специалистов

Система обеспечения и контроля качества подготовки специалистов в Балтийской Международной академии включает (БМА): 1) миссию БМА; 2) стратегию ее развития; 3) концепцию обеспечения и контроля качества; 4) технологию обеспечения и контроля качества; 5) мониторинг основных индикаторов качества; 6) руководство по качеству (*Quality Manual*); 7) программы и планы обеспечения и контроля качества; 8) рабочие инструкции; 9) дефиниции основных терминов. Примером, иллюстрирующим роль компетентностного подхода в обеспечении качества обучения в высшей школе, может служить системы учебных дисциплин в программах БМА, необходимых для формирования минимально необходимых выпускнику компетенций (www.bsa.edu.lv).

Профессиональная компетенция является специфической для каждой программы обучения и ее обеспечению посвящена большая часть учебных дисциплин и времени.

Информационная компетенция обеспечивается чтение таких курсов как «Информатика», «Информационные системы», «Компьютерные технологии», «Логика» и раздела «Полнота, точность и достоверность информационного поиска» курса «Теория и методика учебной и научной работы студента».

Коммуникативная компетенция формируется посредством чтения курсов «Риторика», «Психология», «Социология», изучения иностранных языков и раздела «Теория аргументации. Логическая структура доказательства и опровержения» курса «Логика».

Социально-правовая компетенция обеспечивается курсами «Социальная психология», «Социология», «Политология», «Основы права», «Правовые основы коммерческой деятельности», «Правовое регулирование ЕС», «Таможенное регулирование внешней экономической деятельности», «Охрана труда и противопожарная безопасность».

Методологическая компетенция формируется посредством таких учебных курсов как «Теория и методика учебной и научной работы студента», «Анализ проблемных ситуаций и постановка проблем», «Эвристические методы решения проблем и задач», «Методы принятия управленческих решений», «Логика и методология научных исследований».

Мировоззренческая компетенция – «Основы современной философии».

Выводы

Компетенцию предлагается понимать как наличие минимально необходимых знаний, навыков, умений и профессиональных программ, способствующих достижению конкретных целей в определенном виде деятельности.

Компетентность представляет собой сумму компетенций = профессиональная + информационная + коммуникативная + социально-правовая + методологическая + мировоззренческая компетенция.

Компетентностная концепция качества высшего образования требует нового подхода к формированию содержания и структуры программ обучения. Суть новизны этого подхода заключается в том, что любая программа обучения на всех ее уровнях (бакалаврском,

магистерском, докторском) должна с необходимостью формировать определенный, требуемый профессиональными и образовательными стандартами, набор компетенций.

Конечным критерием качества высшего образования необходимо считать степень его способствования повышению интеллектуального потенциала обучаемых.

Библиография

- Bajdenko V.I. (2006) *Bolonskij process: poisk obshchnosti evropejskikh sistem vysshego obrazovaniya (proekt TUNING)*. M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 211 s. (In Russian)
- Baltijas Starptautiskās Akadēmijas mājaslapa / homepage www.bsa.edu.lv
- Bowden J., Marton F. (1998) *The university of learning: beyond quality and competence in higher education*. London: Kogan Page. (In English)
- Everwijn S.E.M. (1999) The how, what and why of competence based education In: SchlusmansK., SlotmanR., Nagtegaal C., Kinkhorst G. (Eds.) *Competentiegerichte leeromgevingen*. Utrecht: Lemma. pp. 63–78. (In English)
- Hutorskoj A.V. (2005) *Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevyh i predmetnyh kompetencij*. http://www.eidos.ni/ioumal/2005/l_212.htm (In Russian)
- Mirabile R.J. (1997) Everything you wanted to know about competency modeling. *Training and development*, Vol. 51, Issue 8, pp. 73–77. (In English)
- Nikiforov N.V. (2012) Sistema obespecheniya i kontrolya kachestva podgotovki specialistov v Baltijskoj mezhdunarodnoj akademii. *Menedzhment i marketing: opyt i problemy*. Sbornik nauchnyh trudov. Minsk, 2012. s. 196–200. ISBN 978-985-6473-67-1. (In Russian)
- Nikiforov V.E. (2001) Sistema obespecheniya i kontrolya kachestva podgotovki specialistov v Baltijskom Russkom Institute. *Universitety i obshchestvo. Sotrudnistvo universitetov na rubezhe vekov: materialy I mezhdunarodnoj konferencii universitetov stran SNG i Baltii*. M.: MGU, s. 233–240. (In Russian)
- Nikiforov V.E., Nikiforov N.V. (2008) *Obrazovanie kak sredstvo sohraneniya i razvitiya intellektual'nogo potenciala obshchestva*. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya “Prostranstvo vysshego obrazovaniya Evropy: sostoyanie, problemy, perspektivy”. Latviya, Riga. – 345 s., s. 97–99. (In Russian)
- Parry S.B. (1996) The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study. *Training*, 33 (7), pp. 48–56. (In English)
- Permyakov O.E. (2009) *Razvitie sistem ocenki kachestva podgotovki specialistov*. Avtoreferat dissertacii na soискание ученой степени доктора педагогических наук. SPb (In Russian)

Sovet Evropy (1996) Simpozium po teme “Klyuchevye kompetencii dlya Evropy”: Dok. DECS / SC / Sec. (96) 43. Bern., s. 109 (In Russian)

Westera W., Sloep P.B. (1998) The Virtual Company: toward a self-directed, competence-based learning environment in distance education. *Educational Technology*, jan-feb, pp. 32–37.

Competence and Competence as a Quality Criterion for Higher Education Summary

Objectives of the publication: to unify and explicate the substantive and semantic content of the concepts of “competence” and “competence”; to offer the minimum set of competencies required for a successful future professional activity for the graduate of a university; show the role of competency-based concepts in improving the quality of higher education. The theoretical basis of the development was the understanding of methodology as a theory of methods of rationalization and optimization of activities. The empirical basis is the development and implementation of the “System for ensuring and quality control of training specialists of the Baltic International Academy”.

Key words: competence, competence, quality of higher education, intellectual potential.

Анна Шевякова, Константин Зайцев (Казахстан),
Елена Петренко, Екатерина Беркетова (Россия)

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКОНОМИКА»: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Прокрастинация является одним из главных препятствий, мешающих людям жить полноценной жизнью и эффективно работать. Прокрастинация – это откладывание выполнения своевременных, уместных действий на более поздний срок, приводящее к ухудшению качества работы и к отрицательным эмоциональным реакциям. При этом человек, осознавая необходимость выполнения вполне конкретных и важных дел (например, своих должностных обязанностей), игнорирует эту необходимость и отвлекает свое внимание на бытовые мелочи или развлечения. Сожаление об упущеных возможностях и связанные с ним самоупреки отнимают больше времени, чем ушло бы на решение задачи. Поэтому из-за прокрастинации люди теряют время, которое могли бы потратить более эффективно. Контроль над ней позволит людям переделать больше дел и эффективнее реализовать свой потенциал. В данной статье приведены результаты социологического опроса среди студентов, обучающихся по программе «Экономика» в 3 странах Таможенного союза Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС): Беларусь, Россия и Казахстан, а также для верификации полученных результатов в Словакии (как стране Европейского союза, но бывшей стране Социалистического лагеря). Если прокрастинация студентов (будущих работников) существующее явление, то современный менеджмент нуждается в новых инструментах стимулирования будущего персонала, так как имеющиеся инструменты, скорее всего, будут не эффективны.

Ключевые слова: прокрастинация, тайм-менеджмент, студенты, Беларусь, Казахстан, Россия, Словакия, экономика, конкурентоспособность.

Одним из способов решения проблемы, связанной с ограниченностью ресурсов, жесткой конкуренцией, огромным количеством предложений, является раскрытие максимального личностного потенциала персонала. Именно так происходит мобилизация внутренних сил компании, увеличивается количество оптимальных решений, способствующих быстрой адаптации к постоянным переменам и большому объему данных. Вопрос создания условий для наибольшей эффективности работников в коммерческой сфере сильно волнует современных бизнес-психологов.

В общем, бытовом значении этого слова под «прокрастинацией» понимают постоянное стремление человека откладывать все на потом: дела (как рабочие, так и бытовые), принятие решений и т.д. Также в этот термин входит собственно откладывание того, чем по идеи надо заняться прямо сейчас. И чем неприятнее вещь, которую нужно сделать, тем на более дальний срок она откладывается, а вместо нее изобретаются все новые и новые способы занять себя, в том числе придумывание, что бы такого сделать.

В психологии под прокрастинацией также понимают довольно серьезное отклонение от нормы, когда человек откладывает на потом практически всё, в том числе довольно «невинные» дела, начиная с одевания и чистки зубов и заканчивая приемом пищи. Причины такой прокрастинации связаны с психологическими недугами, и работать с теми, у кого это явление приняло форму серьезной болезни, стоит специалистам. Однако в той или иной степени откладывать на потом неприятные дела свойственно всем нам (вспомним тех же студентов).

Одна из неприятных черт прокрастинации заключается в том, что из-за постоянного откладывания и невыполнения планов на день или неких рабочих норм, она вызывает у человека недовольство собой, которое только усугубляет психологические проблемы личности, в том числе ту же прокрастинацию. Среди других последствий назовем хроническое чувство вины, пребывание в постоянном стрессе и тому подобные вещи. Многие дела, отложенные практически до крайнего срока, выполняются в спешке, а потому наилучшим образом сделать их не представляется возможным, что, опять-таки, приводит нас к недовольству собой и другим вышеназванным неприятностям. В итоге круг замыкается.

В зарубежной практике этот термин был впервые введен в 1971 году П. Рингенбахом в книге «Прокрастинация в веках: окончательная история» (Ringenbach 1971). Научный и академический анализ этого явления начался в середине 1980-х годов (Solomon et al. 1984; Lay 1986; Lay et al. 1996; Rothblum et al. 1986). Для борьбы с прокрастинацией в зарубежных колледжах и институтах разрешают посещать специальные занятия, помогающие разобраться в себе, расставить приоритеты и грамотно спланировать время.

Чуть позже, в 80-х годах были разработаны опросники для изучения прокрастинации, которые легли в основу лонгитюдных исследований, и уже в 1992 году Ноа Милграм в своей книге «Прокрасти-

нация: болезнь современности» (Noach Milgram, Procrastination: A Malady of Modern Time, 1992) используя результаты исследования прокрастинации, проанализировала это явление, дала его типологию и обозначила причины появления феномена прокрастинации.

Ноа Милграм определила пять видов прокрастинации:

- ежедневная, бытовая: откладывание домашних дел, которые нужно выполнять регулярно;
- прокрастинация принятия решений, разного уровня от важных до малозначимых;
- невротическая, блокирование принятия жизненно важных решений: выбор профессии, спутника жизни, партнера;
- академическая: откладывание выполнения учебных заданий, подготовки курсовых, экзаменов и т.п.
- компульсивная: сочетание откладывания любых дел с откладыванием принятия решений.

Позднее эта классификация была переработана Н. Милграем и Р. Тенне (Milgram et al. 2000), которые объединили пять видов прокрастинации в две: 1) прокрастинация в выполнении заданий; 2) прокрастинация в принятии решений.

Бронлоу С. и Ризенгер Р. (Brownlow et al. 2000) выявили зависимость прокрастинации от внешней мотивации, внешнего локуса контроля и внешнего атрибутивного стиля.

Прокрастинация опасна тем, что влечет за собой тревожность, стресс и напряжение: откладывая выполнение дел или принятие решений, человек ограничивает себя во времени, а ощущение его нехватки, deadline, и горящие сроки провоцируют стрессовое состояние. Пребывая в состоянии стресса из-за нехватки времени и ощущая вину за невыполнение, человек снижает свою продуктивность, и оказывается неспособным полностью отдать своё внимание делу, по-настоящему им увлечься.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что в условиях ускорения темпа жизни и постоянного повышения требований к эффективности работы человека в современном мире исследование методов борьбы с прокрастинацией представляет значительный интерес. В основе преодоления прокрастинации лежит всесторонний анализ ее причин и предпосылок, формирование навыков эффективного планирования времени, постановки целей и путей их достижения.

Актуальность темы исследования прокрастинации обусловлена, в первую очередь, практической востребованностью объекта иссле-

дования. Гипотеза исследования: прокрастинация является системным и массовым явлением и ее стоит рассматривать, как важную общественную проблему в условиях информатизации.

Методология исследования. Проведенное исследование включало комплекс методов количественного и качественного анализа. Предварительный этап содержал изучение гносеологии вопроса путем анализа авторских работ по данной проблематике. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на выделение Н. Милграм понятия «академическая» прокрастинация, практических исследований в странах Евразийского таможенного союза как прокрастинация студентов влияет на них самих и исполнительскую дисциплину во время обучения и потенциально после окончания университета проводилось (в отличие от европейских исследований, например Ferrari et al. 2005; Demeter et al. 2013).

Сначала разберем причины, почему возникает прокрастинация:

- 1) Неудачный опыт. Это самая распространенная причина, когда вы в прошлом имели определенные неудачи и теперь не спешите их повторить. Даже если задача не связана ни с какими неудачами скорее всего существует какая-то ассоциация, которая мешает вам приступить к задаче.
- 2) Незавершенные дела. Очень часто мы начинаем что-то делать и не заканчиваем. Порой думаем, что когда-нибудь завершим, а порой и вовсе забываем – задачу поставили, а отменить забыли. Незавершенные дела как забирают нашу энергию так и давят на нас. Люди часто не приступают к новым делам, потому что их тяготит груз предыдущих задач. И если справиться с ними сразу не могут так и остаются длительное время со списком задач, которые нужно завершить и не могут начать новые. А почему не могут начать? Потому что энергии на новые дела не хватает, она зависла там, в незавершенных делах.

В данной статье рассмотрены результаты первого этапа исследования, а именно результаты социологического опроса среди студентов, обучающихся по программе «Экономика» в 3 странах Таможенного союза Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС): Беларусь, Россия и Казахстан, а также для верификации полученных результатов в Словакии (как стране Европейского союза, но бывшей стране Социалистического лагеря). Такой состав группы позволил обеспечить объективность кросс-культурного аспекта при расчёте средней

количественной оценки. Сведения по количеству опрашиваемых и их структура представлена в таблице 1.

Таблица 1.
Характеристики фокус-группы

Страна	Показатели, человек			Структура, %		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
Беларусь	15	35	50	30	70	100
Казахстан	20	30	50	40	60	100
Россия	40	60	100	40	60	100
Словакия	19	31	50	38	62	100

Источник: разработано авторами

Причины выбора целевой аудитории:

- 1) возраст опрашиваемых (18–20 лет), позволяет сделать вывод, что они выросли при рыночной экономике в своих странах, но под влиянием родителей и родственников, сформировавшихся в схожих социально-экономических условиях;
- 2) в скором времени они станут потенциальными работниками, которые столкнутся с проблемой прокрастинации в профессиональной сфере и именно с ними работодателям придется решать, как увеличить производительность труда;
- 3) специальность «Экономика» подразумевает, что студенты нацелены на карьеру и формируют в процессе обучения теоретические и практические знания по управлению – значит, уже сейчас они часто имеют дело с многозадачностью, дедлайнами, тайм-менеджментом и в первую очередь находятся в среде, провоцирующей возникновение у них прокрастинации. Поскольку традиционно на этой специальности учатся больше студенток, этим объясняется гендерный перекос во всех рассматриваемых странах.

Наиболее подвержены прокрастинации молодые люди (старшеклассники, студенты, молодые специалисты), склонные к мотивационной недостаточности и низкой волевой саморегуляции. В учебном процессе обычно отмечаются условия, в которых чаще всего возникает прокрастинация, приводящая к негативным последствиям. По данным зарубежных исследований, практически все студенты сталкиваются с этим явлением, а примерно половина откладывают дела постоянно (в то время как в целом прокрастинация присуща примерно 20 % людей) (Melnichuk et al. 2016).

В рамках исследования была разработана анкета закрытого типа, состоящая из 6 вопросов:

1. Как часто Вы откладываете дела «на потом» (вопрос позволяет определить приверженность прокрастинации).
2. Доставляет ли прокрастинация дискомфорт (вопрос позволяет определить степень осознанности прокрастинации и возможных последствий).
3. Какая причина вызывает прокрастинацию в большей степени (вопрос позволяет определить степень саморефлексии у объекта исследования).
4. Что помогает избежать прокрастинации (насколько полученные теоретические знания по тайм-менеджменту применяются объектом к самому себе – возможность «самоизлечения»).
5. Считаете ли Вы себя оптимистом (связана ли прокрастинация с уверенностью в собственных силах и преодолении затруднений – «помощь позитивного мышления»).

Пол

- Ж
- М

Как часто Вы откладываете дела «на потом»?

- Почти всегда
- Почти половину дел делаю в последний момент
- Изредка, не больше трети дел
- Почти никогда, стараюсь делать все по плану, заранее

Доставляет ли прокрастинация Вам дискомфорт?

- Да, меня это беспокоит
- Волнует, но не всегда – зависит от важности дела
- Я не беспокоюсь по этому поводу

Какая причина вызывает прокрастинацию у Вас в наибольшей степени?

- Низкая мотивация
- Страх неудач, возможные трудности
- Предвкушение неинтересного процесса
- Перфекционизм
- Откладываете, чтобы мобилизовать силы под конец
- Большая загруженность

Что помогает избежать прокрастинации?

- Планирование времени
- Вознаграждение после выполненного задания
- Желание скорее отделаться
- Умение быстро работать, специальные навыки
- Ничего

Считаете ли Вы себя оптимистом?

- Да
- Скорее нет
- Другое

Рисунок 1. Google форма

Источник: разработано авторами

Опрос для студентов проводился через Google Форму – онлайн-сервис для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов. Также для верификации результатов дополнительно 50 студентов в России было опрошено очно – путем заполнения анкеты в бумажном варианте.

Аналитика полученных результатов

Приверженность прокрастинации

Полученные результаты социологического опроса по параметру «приверженность прокрастинации» представлены в таблице 2 и на рисунке 2.

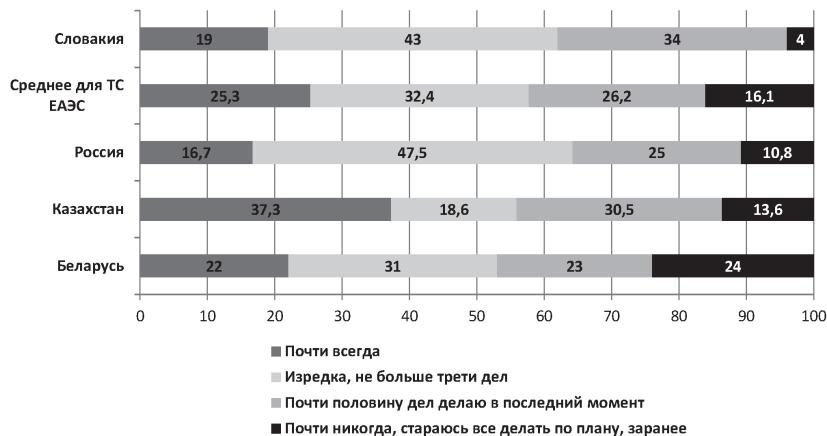
Проведенное авторское исследование позволяет сделать вывод о схожести психологии зарубежных и отечественных студентов, т.е. от 50 до 60% студентов откладывают дела постоянно. Но исходя из результатов, группа, откладывающая каждое второе дело, также показывает приверженность к прокрастинации. Следовательно, для студентов вывод о том, что в целом прокрастинация присуща примерно 20% людей, меняет свою полярность.

По нашим данным только 1–2 студента из 10 студентов не подвержены прокрастинации. По нашему мнению данное явление заслуживает более пристального внимания, поскольку существующая программа обучения в ВУЗах не способствует закреплению навыка «стабильной работоспособности». Прокрастинация студентов сейчас на таком уровне может привести к катастрофе на исполнительском уровне через 2–4 года, когда студенты приступят к работе после окончания вуза. Также необходимо отметить неоднородность результатов внутри Таможенного союза, что еще раз подтверждает идею о том, что общее прошлое и общность геополитических интересов уже не приводит к формированию «общей» психологии. Например, Казахстан по психологии студентов ближе к странам не Юго-Восточной Азии, а Ближнего Востока, где например, часовое опоздание не является нарушением этикета.

Таблица 2.

**Структура полученных результатов по параметру
«приверженность прокрастинации», %**

Страна	Показатели				Приверженность прокрастинации			Место студентов страны в рейтинге приверженности прокрастинации (по параметру «Да»)
	Почти всегда	Изредка, не больше трети дел	Почти половину дел делаю в последний момент	Почти никогда, стараюсь все делать по плану, заранее	«Да, однозначно» (1+2)	«Да» (1+2+3)		
A	1	2	3	4	6	7	8	
Беларусь	22,0	31,0	23,0	24,0	53,0	76,0	4	
Казахстан	37,3	18,6	30,5	13,6	55,9	86,4	3	
Россия	16,7	47,5	25,0	10,8	64,2	89,2	2	
Среднее для ТС ЕАЭС	25,3	32,4	26,2	16,1	57,7	83,9		
Словакия	19,0	43,0	34,0	4,0	62,0	96,0	1	



**Рисунок 2. Структура полученных результатов по параметру
«приверженность прокрастинации», %**

Источник: разработано авторами

Степень осознания прокрастинации и возможных последствий

Полученные результаты социологического опроса по параметру «степень осознания прокрастинации и возможных последствий» представлены в таблице 3 и на рисунке 3.

Результаты опроса показывают, что негативные эмоциональные переживания от откладывания дел получают более половины студентов, но при этом тревожным по нашему мнению симптомом является то, что практически четверть студентов вообще не испытывает негативных эмоций. Конечно, эти данные можно спisать на определенный инфантилизм поколения Z, но по нашему мнению это доказывает, что современный менеджмент нуждается в новых инструментах стимулирования будущего персонала, так как инструменты, базирующиеся на осознании ответственности перед коллективом или руководителем, скорее всего, будут не эффективны.

Таблица 3.
Структура полученных результатов по параметру «степень осознания прокрастинации и возможных последствий», %

Страна	Показатели					Место студентов страны в рейтинге осознания прокрастинации и дальнейших последствий
	Да, меня это беспокоит	Волнует, зиюсь, но не всегда – зависит от важности дела	Я не беспокоюсь по этому поводу	Осознание прокрастинации и возможных последствий (1+2)		
А	1	2	3	4	5	
Беларусь	22,0	31,0	23,0	73,0	1	
Казахстан	37,3	18,6	30,5	52,5	3	
Россия	16,7	47,5	25,0	52,5	3	
Среднее для ТС ЕАЭС	25,3	32,4	26,2	59,3		
Словакия	19,0	43,0	34,0	70,0	2	

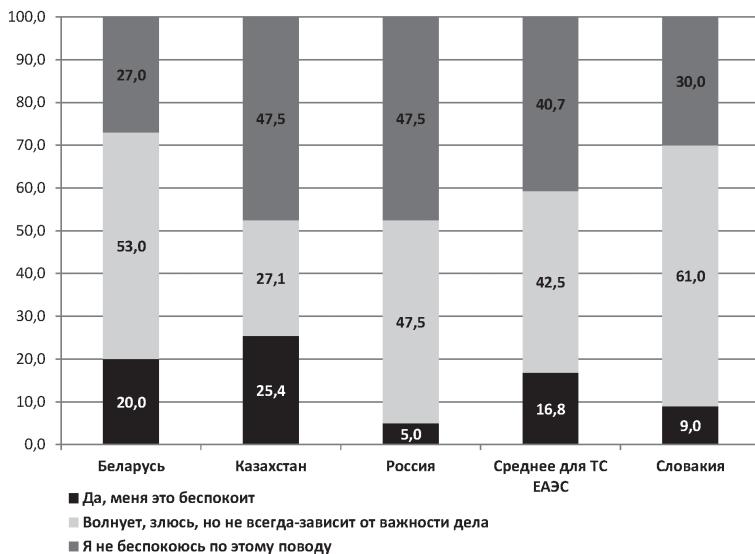


Рисунок 3. Структура полученных результатов по параметру «степень осознания прокрастинации и возможных последствий», %

Источник: разработано авторами

Степень саморефлексии у объекта исследования

Полученные результаты социологического опроса по параметру «степень саморефлексии у объекта исследования» представлены в таблице 4 и на рисунке 4.

Результаты опроса показывают, что самая распространенная причина откладывания для студентов в ТС ЕАЭС – предвкушение неинтересного процесса (в среднем 32,6%), далее идут низкая мотивация (19,1%) и большая загруженность (18,2%). Суммарный показатель «скучно/не интересно» как мотив прокрастинации (низкая мотивация + предвкушение неинтересного процесса) является причиной откладывания в половине случаев для студентов из стран Таможенного Союза. Поскольку в текущие дела студента входит именно процесс обучения, можно сделать косвенные выводы о недостаточно высоком уровне преподавания в ВУЗах и/или о наличии в ВУЗах системы преподавания, не ориентированной на активный интерес студентов. Студенты из Словакии активнее имеют больше возможностей участвовать в программах обмена и академической мобильности в

процессе обучения, что снижает почти вдвое маркер «скучно/не интересно» для выполняемых дел. При этом количество «активных» прокрастинаторов очень низкое во всех странах (от 3,4 до 10% максимально, в среднем 5% для всех 4 стран).

Таблица 4.

Структура полученных результатов по параметру «степень осознания прокрастинации и возможных последствий», %

Страна	Показатели								Место студентов страны в рейтинге затягивания выполнения скучных/ не интересных дел
	Низкая мотивация	Страх неудач, возможные трудности	Предвкушение неинтересного процесса	Перфекционизм	Время для мобилизации сил	Большая загруженность	«Скучно/не интересно» как мотив прокрастинации (1+3)		
A	1	2	3	5	6	7	8	9	
Беларусь	18,0	10,0	33,0	8,0	10,0	21,0	51,0	2,0	
Казахстан	18,6	15,3	37,3	13,6	3,4	11,8	55,9	1,0	
Россия	20,8	10,8	27,5	14,2	5,0	21,7	48,3	3,0	
Среднее для ТС ЕАЭС	19,1	12,0	32,6	11,9	6,1	18,2	51,7		
Словакия	21,0	4,0	13,0	28,0	4,0	30,0	34,0	4,0	

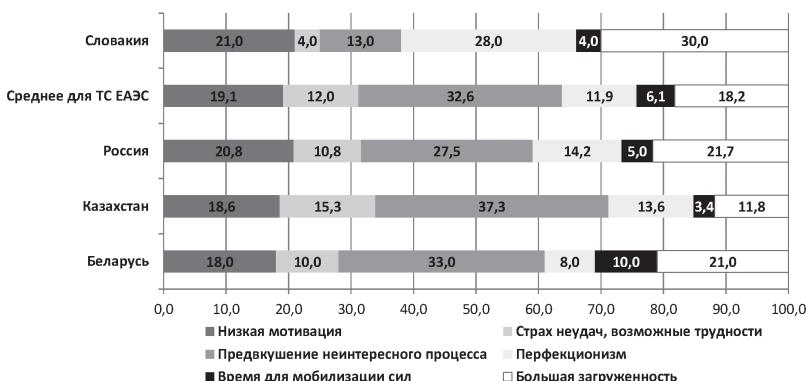


Рисунок 4. Структура полученных результатов по параметру «степень осознания прокрастинации и возможных последствий», %

Источник: разработано авторами

Возможность использования полученных знаний по тайм-менеджменту (возможность «самоизлечения»)

Полученные результаты социологического опроса по параметру «возможность «самоизлечения»» представлены в таблице 5 и на рисунке 5.

В среднем треть студентов считает, что планирование времени помогает им бороться с прокрастинацией, но также практически четверть студентов стимулирует желание освободиться (в дальнейших исследованиях планируется затронуть аспект качества при формальном выполнении дел, например, при оценке академической прокрастинации это может быть статистика антиплагиата в работах студентов). Также примерно четверть студентов мотивирует вознаграждение. Можно сказать, что инструменты тайм-менеджмента помогают не менее 60% студентов бороться с прокрастинацией. Интересно, что примерно 10% вообще не видят способа решения проблемы и считают, что им ничего не помогает.

Таблица 5.
Структура полученных результатов по параметру
«возможность «самоизлечения»», %

Страна	Показатели						
	Планирование времени	Вознаграждение после выполненного задания	Желание скорее отдалиться	Умение быстро работать, специальные навыки	Ничего	Инструменты тайм-менеджмента против прокрастинации (1+2+4)	Место студентов страны в рейтинге использования инструментов тайм-менеджмента
A	1	2	3	4	5	6	7
Беларусь	39,0	16,0	23,0	18,0	4,0	73,0	1
Казахстан	28,8	27,1	25,4	6,8	11,9	62,7	2
Россия	34,5	10,9	24,4	16,8	13,4	62,2	3
Среднее для ТС ЕАЭС	34,1	18,0	24,3	13,9	9,8	66,0	
Словакия	30,0	21,0	30,0	9,0	10,0	60,0	4

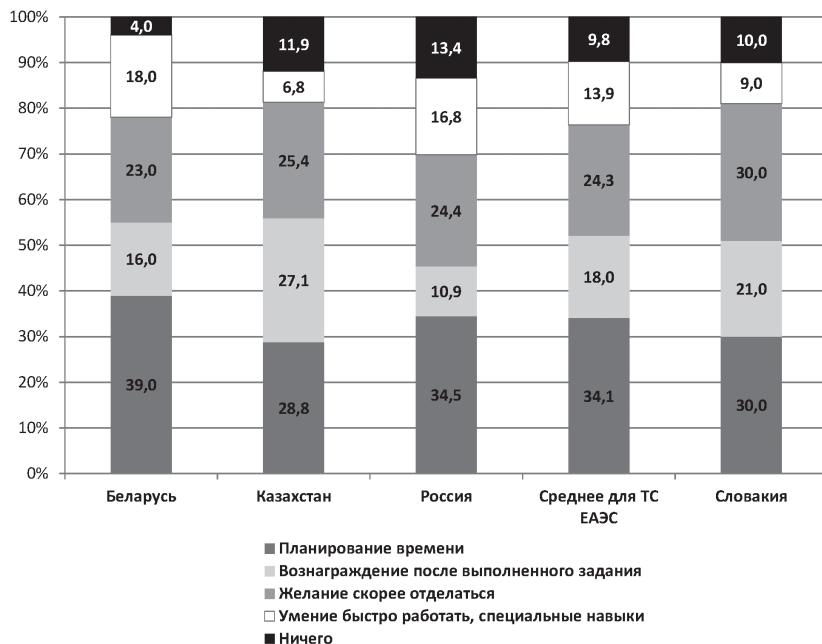


Рисунок 5. Структура полученных результатов по параметру «возможность «самоизлечения»», %

Источник: разработано авторами

Связь прокрастинации с уверенностью в собственных силах и преодолении затруднений («помощь позитивного мышления»)

Полученные результаты социологического опроса по параметру «помощь позитивного мышления» представлены в таблице 6 и на рисунке 6.

Позитивное отношение к жизни показало более половины опрошенных студентов, т.е. прокрастинация может быть косвенно связана с уверенностью в собственных силах – «я успею, сколько бы времени не оставалось». Но следует отметить, что почти треть студенческой молодежи в странах Таможенного союза настроена пессимистично, например, в Казахстане и Белоруссии прошли девальвации национальной валюты, что негативно отражается на ощущение предсказуемости событий и прогнозировании своей дальнейшей жизни. Остальные относят себя к промежуточной позиции.

Таблица 6.

**Структура полученных результатов по параметру
«помощь позитивного мышления», %**

Страна	Показатели			Место студентов страны в рейтинге рейтинги оптимизма
	Да	Скорее нет	Другое	
A	1	2	3	4
Беларусь	53,0	35,0	12,0	3
Казахстан	49,2	32,2	18,6	4
Россия	69,2	24,2	6,6	2
Среднее для ТС ЕАЭС	57,1	30,5	12,4	
Словакия	72,0	19,0	9,0	1

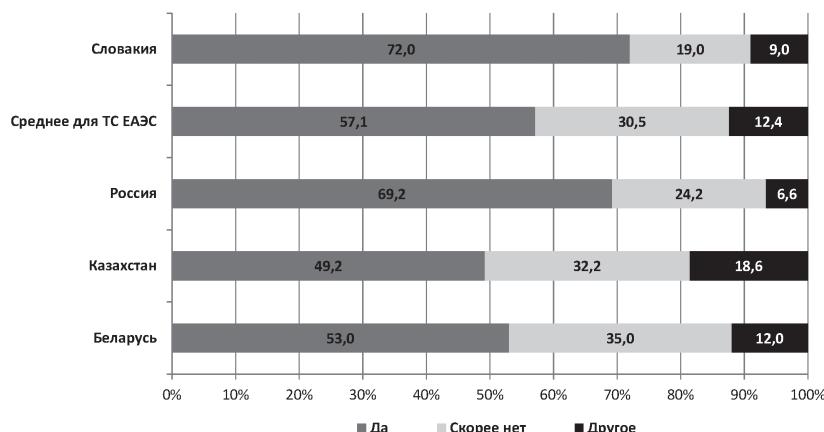


Рисунок 6. Структура полученных результатов по параметру
«помощь позитивного мышления», %

Источник: разработано авторами

Выводы и заключение

В рамках проведенного исследования можно выделить наличие следующих взаимосвязей между выбранными параметрами:

- Оптимисты берут на себя больше дел и подвержены перфекционизму. Среди пессимистов нет ни одного «активного» прокрастинатора.

- Те, кого прокрастинация не беспокоит, склонны к мобилизации сил в последний момент.
- Люди, выполняющие дела точно в срок, выходят из ситуации за счет планирования времени. Причиной их редкой прокрастинации выступает большая загруженность.
- «Активных» прокрастинаторов хорошо стимулирует желание скорее завершить работу и делать, что захочется.
- Люди со специальными навыками эффективной работы стремятся брать на себя больше заданий.

На основании опроса можно сделать вывод, что прокрастинация доставляет неудобства и мешает эффективно выполнять работу у 95% группы. Более того, почти половина из них всегда откладывают дела на последний момент. Причем основными причинами выступают отсутствие интереса к делу, недостаток мотивации, чрезмерная загруженность. В результате многие занимаются делами, в которых они зачастую не видят смысла и берут на себя слишком много, что приводит к раннему эмоциональному выгоранию.

Студенческий период – это возраст, в котором как образовательные, так и профессиональные достижения имеют особое значение. Важность сдачи тестов и экзаменов определяется как внешними факторами (возможность получения дальнейшего образования, получения более престижной работы после окончания учебного заведения), так и внутренними факторами (растет потребность в достижении успеха и достижении поставленных целей, что формирует соответствующий образ меня и позволяет планировать будущее, ставить новые цели и задачи). Кроме того, важность ситуации с оценкой может стать настолько острой, что она становится, несомненно, стрессовой ситуацией для студента. Это может произойти, в частности, из-за перфекционизма или повышенной оценочной тревоги субъекта. В этом случае явление прокрастинации часто проявляется, и ученик задерживает начало или конец упражнения, оценка которого является для него / ее стрессом.

Работу по преодолению промедления можно выполнять как в рамках индивидуальной терапии, так и в составе группы. Кроме того, практически ориентированные руководства, посвященные этой проблеме, призваны побудить читателя самостоятельно бороться с привычкой откладывать дела «на потом».

Полученные результаты могут послужить методическим материалом для подготовки семинаров, тренингов и других мероприятий, направленных на повышение эффективности профессиональной

деятельности молодежи; в сознательном поиске благоприятных поведенческих стратегий. Результаты исследования могут быть полезны для психологов, консультантов, психотерапевтов, работающих с проблемами, связанными с профессиональной деятельностью клиентов, а также для руководителей кадровых служб. Таким образом, промедление действительно заслуживает большего внимания со стороны отечественных ученых и должно рассматриваться как серьезная проблема, которая должна быть решена работодателями, менеджерами и специалистами по персоналу в ближайшем будущем.

Библиография

- Brownlow S., Reasinger R.D. (2000) Putting off until tomorrow what is better done today: Academic procrastination as a function of motivation toward college work. *Journal of Social Behavior and Personality*, 15, pp. 15–34. (In English)
- Demeter D.V., Davis S.E. (2013) Procrastination as a Tool: Exploring Unconventional Components of Academic Success. *Creative Education*, Vol. 4 No. 7B, July 19, DOI: 10.4236/ce.2013.47A2018 (In English)
- Ferrari J.R., O'Callaghan J., Newbegin I. (2005) Prevalence of procrastination in the United States, United Kingdom, and Australia: arousal and avoidance delays among adults. *The American Journal of Psychology*, 7 (1), pp. 1–6. (In English)
- Lay C.H. (1986) At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*, 20, pp. 474–495. DOI:10.1016/0092-6566(86)90127-3 (In English)
- Lay C., Silverman S. (1996) Trait Procrastination, Anxiety, and Dilatory Behavior. *Personality and Individual Differences*, 21, pp. 61–67. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(96\)00038-4](https://doi.org/10.1016/0191-8869(96)00038-4) (In English)
- Melnichuk A., Paramonova Yu. (2016) Student's views on overcoming procrastination. *Development of professionalism*. No. 2 (2), pp. 44–45.
- Milgram N. (1992) El retraso: Una enfermedad de los tiempos modernos [Procrastination: A malady of modern time]. *Boletín de Psicología*, V. 35, Valencia. pp. 83–102. (In Spain)
- Milgram N., Naaman N. (1996) Typology in procrastination. *Personality & Individual Differences*, 20(6), pp. 679–683.
- Milgram N., Tenne R. (2000) Personality correlates of decisional task avoidant procrastination. *European Journal of Personality*, 14(2), pp. 141–156. [http://dx.doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0984\(200003/04\)14:2<141::AID-PER369>3.0.CO;2-V](http://dx.doi.org/10.1002/(SICI)1099-0984(200003/04)14:2<141::AID-PER369>3.0.CO;2-V) (In English)
- Olefirenko O., Petrenko E., Shevyakova A., Zhartay Z. (2016) Towards economic security through diversification: case of Kazakhstan. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5(4), pp. 509–518. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4\(6\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4(6)) (In English)

- Rothblum E., Solomon L., Murakami J. (1986) Affective, cognitive, and behavioral differences between high and low procrastinators. *Journal of Counseling Psychology*, 33(4), pp. 387–394. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0167.33.4.387> (In English)
- Solomon L., Rothblum E. (1984) Academic Procrastination: Frequency and Cognitive-Behavioral Correlates. *Journal of Counseling Psychology*, 31, pp. 503–509. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0167.31.4.503> (In English)
- Ringenbach P.T. (1971) *Procrastination through the ages: A definitive history*. Palmer, Lake CO: Filter Press. (In English)

Features of Academic Procrastination of Students of the Specialty “Economics”: A Comparative Study

Summary

Procrastination is one of the main obstacles that prevent people from living a full life and working effectively. Procrastination is the postponement of timely, appropriate actions to a later date, leading to deterioration in the quality of work and negative emotional reactions. At the same time, a person, realizing the need to perform quite specific and important tasks (for example, his or her job functions), ignores this need and distracts his or her attention from household chores or entertainment. Regretting missed opportunities and self-reproaches associated with it take up more time than it would take to solve the problem. Therefore, due to procrastination, people lose time that they could spend more efficiently. Control over it will allow people to redo more things and more effectively realize their potential.

Research hypothesis: procrastination is a systemic and mass phenomenon and it should be considered as an important social problem in the conditions of informatization. The authors came to the conclusion that, despite N. Milgram's notion of “academic” procrastination, practical studies in countries of the Eurasian Customs Union (EACU) have not been carried out, as students' procrastination affects themselves and performing discipline during training and potentially after graduation (unlike European studies).

This article presents the results of a sociological survey among students enrolled in the Economics program in 3 countries of the Eurasian Customs Union: Belarus, Russia and Kazakhstan, as well as to verify the results in Slovakia (as a country of the European Union, but a former country of the Eastern Bloc). This composition of the group allowed to ensure the objectivity of the cross-cultural aspect in calculating the average quantitative assessment.

If procrastination of students (future employees) is an existing phenomenon, then modern management needs new tools to stimulate future personnel, since the available tools are most likely to be ineffective.

Key words: procrastination, time management, students, Belarus, Kazakhstan, Russia, Slovakia, economics, competitiveness.

ZINĀS PAR AUTORIEM / ABOUT AUTHORS

Olga ARHPOVA

PhD studente,
Daugavpils Universitāte, Latvija
olga_arhip@inbox.lv

Mohammad CHEHABEDDINE

PHD student,
Vilnius Gediminas Technical
University, Vilnius, Lithuania
Mohamad.chehab-eddine@vgtu.lt

Rita GREITĀNE

Dr. oec.,
Inženierekonomikas un vadības
fakultāte, Rīgas Tehniskā
Universitāte, Latvija
rita.greitane@rtu.lv

Maria JABŁOŃSKA-WOŁOSZYN

PhD,
Faculty of Management and
Command, War Studies
University, Warsaw, Poland
m.woloszyn@akademia.mil.pl;
maria.woloszyn@wp.pl

Irēna KOKINA

Profesore,
Daugavpils Universitāte, Latvija
irena.kokina@du.lv

Svitlana KUCHERENKO

PhD in Economics,
Pereiaslav-Khmelnytskyi
Hryhorii Skovoroda Pedagogical
University, Ukraine
ksvetau66@gmail.com

Dorota KUREK

PhD,
Institute of Management, War
Studies University, Poland
d.kurek@akademia.mil.pl

Maryna NAVALNA

Professor,
Doctor of Philology, Pereiaslav-
Khmelnytskyi Hryhorii
Skovoroda Pedagogical
University, Ukraine
mnavalna@gmail.com

Vita PASTARE

Mg. oec.,
Inženierekonomikas un vadības
fakultāte, Rīgas Tehniskā
Universitāte, Latvija
vita.pastare@gmail.com

Marzena PIOTROWSKA-TRYBULL

Professor PhD,
Faculty of Management and
Command, War Studies
University, Warsaw, Poland
m.trybull@akademia.mil.pl;
mtrybull@yahoo.co.uk

Manuela TVARONAVICIENE

Prof., Dr.,
Vilnius Gediminas Technical
University, Vilnius, Lithuania
manuela.tvaronaviciene@vgtu.lt

Юрий БАЛТГАЙЛИС

Доктор экономики,
доцент Факультета менедж-
мента и экономики Института
транспорта и связи, Латвия
Baltgailis.J@tsi.lv

Екатерина БЕРКЕТОВА

Student,
Plekhanov Russian University of
Economic, Department of
Management Theory and
Business Technology, Russia
[berketova.ekaterina.reu@
gmail.com](mailto:berketova.ekaterina.reu@gmail.com)

Ольга ВОЛКОВА

Mg. oec.,
Научный ассистент Центра
социальных исследований
Института гуманитарных и
социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
olga.volkova@du.lv

Константин ЗАЙЦЕВ

PI “Karaganda Commercial
College”, Kazakhstan
sara_deu@mail.ru

Владимир МЕНЬШИКОВ

Prof., Dr. sc. soc.,
руководитель Центра
социальных исследований
Института гуманитарных и
социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
yladimirs.mensikovs@du.lv

Валерий НИКИФОРОВ

хаб. доктор философии,
асоц. профессор, Латвия
info@bsa.edu.lv

Никита НИКИФОРОВ

доктор политологии,
асоц. профессор, доцент
Балтийской Международной
академии, Латвия
info@bsa.edu.lv

Елена ПЕТРЕНКО

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Plekhanov Russian University of
Economic, Department of
Management Theory and
Business Technology, Russia
petrenko_yelena@bk.ru

Анна ШЕВЯКОВА

E.s.c., PhD, Associate Professor,
PI Academy “Bolashaq”,
Department of Finance, LLP
“Rational solutions”,
Department of Marketing,
Kazakhstan
hevyakova.anna@gmail.com

Виктория ШИПИЛОВА

Dr. oec.,
исследователь Центра
социальных исследований
Института гуманитарных и
социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
viktorija.sipilova@du.lv

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 9–12 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskipts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*MSWord*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1,5. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sakumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētijuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jāsagatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jārūpējas par raksta teksta valodniecisko redīgēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsaucēs ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem pa e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

References (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānorādīt precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologicheskoe voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitātes daudzbalsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Pomyatie politicheskogo. *Voprosi sotsiologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

RAKSTI, KURI NEATBILST PRASĪBĀM, NETIKS PUBLICĒTI!

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 9–12 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using MS Word *Times New Roman*; the size of letters 12, the interval between lines 1,5. Left margin 3,5 cm; right margin 2 cm; from the top and from the bottom 2,5 cm. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph shoud be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article).

Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tabeles, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

References (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) *Sociologicheskoe voobrazhenie*. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitātes daudzbalsiba Zviedrijas latviesu dzīvesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Pomyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

THE ARTICLES, WHICH DO NOT COMPLY WITH THE GENERAL REQUIREMENTS, WILL NOT BE PUBLISHED!

Tehniskā redaktore,
atbildīgā par izdevumu: Olga Volkova
Maketētājas: Marina Stočka, Vita Štotaka



Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Iespriests DU Akadēmiskajā apgādā "Saule" —
Vienības iela 13, Daugavpils, LV-5401, Latvija.